

Коннычев Игорь

Черные Стрелы 2

Когда на смену войне приходит столь желанный мир, настороженность людей сменяется безмятежностью. Но пролитая однажды кровь не исчезает бесследно. Как все тайное рано или поздно становится явным, так и расплата за содеянное приходит неминуемо.

Тенро вернулся домой к старику-отцу в глухую деревушку на отшибе королевства Арстерд. После войны он желал лишь одного — оставить пережитые кошмары за спиной и начать новую жизнь.

Старые шрамы, что оставили на теле бывшего разведчика клыки войны, почти затянулись, но призраки прошлого вновь оказались на пороге его дома.

Чтобы защитить близких, Тенро должен встретиться с теми, кто до сих пор мучает его в ночных кошмарах. Он сражался, одержал верх и обрел долгожданный покой. Казалось бы, все кончено.

Но нет.

Все только начинается...

Небольшой корабль плавно качался на легких волнах, разбивающихся о его покатый борт с неровной надписью "Счастливчик". Краска давно выгорела на солнце, так что прочитать название корабля можно было только с трудом. Но это обстоятельство не слишком-то заботило матросов, споро заносящих на палубу тяжелый сундук.

Доски трапа прогнулись и слабо завибрировали в такт шагам двух загорелых вооруженных мужчин в легкой броне, протяжно заскрипев под их весом.

— Осторожнее там! — сурово прикрикнул на моряков грузный старик, сверля их злым взглядом маленьких широко посаженных глаз. — Только попробуйте уронить груз — я с вас три шкуры спущу!

— Не нервничай, Триг, — успокоил старика стоявший рядом мужчина. Кареглазый и широкоплечий, он возвышался над собеседником, скрестив руки на груди и подставив морщинистое лицо свежему ветру, дующему с широкой реки Лориан.

— Это не тебе голову снимут, если что с сундуком случится, Тул, — недовольно проворчал Триг, промокая блестящий лоб грязным платком, засаленным настолько, что он больше напоминал половую тряпку. — Честное слово, хоть сам плыви с вами.

— Все будет нормально, — терпеливо произнес Тул, почесав правое предплечье, на котором красовалась поблекшая от старости татуировка пехотинца — меч и щит. — Доведем все в целости и сохранности.

— А если прознал кто? — торопливо шепнул не унимающийся Триг. Бывшему пехотинцу, своей правой руке, он доверял во всем и всегда, так что не боялся размышлять вслух при Туле. — Боязно что-то мне. Непокойно...

— Коли прознал кто, то сделаем так, чтобы забыл. Навсегда. — Широко улыбнувшись, Тул продемонстрировал собеседнику ровные белые зубы.

Лишь немногие знали, чем раньше занимался вышибала из "Полосатого кота" и какие дела он проворачивает сейчас. Бывший пехотинец с возрастом не утратил былой сноровки и не боялся при случае братья за меч, итак не залеживающийся в ножнах.

— Парни у нас крепкие. Они не только канаты тянуть, да пиво хлестать умеют. С дюжиной умелых рубак не так-то легко справиться. Да еще и он с нами, — кивком головы Тул указан в сторону стоящего на самом краю причала человека.

Облаченная в драный плащ с накинутым на голову капюшоном фигура, неподвижно застыла у самой воды. Потерянный взгляд зеленых глаз был устремлен к слабым волнам, которые ветер неспешно гнал по тускло мерцающей глади воды к самому горизонту. За спиной у мужчины висели два наэрсских клинка в кожаных ножнах, колчан со стрелами и жуткого вида длинный лук из какого-то странного дерева темного цвета.

Мужчина стоял неподвижно и его плащ черным пиратским парусом хлопал на ветру. Он смотрел куда-то вдаль, словно видел что-то недоступное взглядам остальных.

Новым, более сильным порывом, ветер сорвал капюшон с головы мужчины и заиграл его темными волосами, разметававшимися по плечам. Бледное, заросшее бородой лицо выглядело отрешенно, почти безжизненно и только ярко зеленые глаза казались поразительно живыми.

— Жуткий он, все-таки... — взглянув на стоящего в отдалении мужчину, Триг поежился, хотя дующий ему в лицо ветер был теплым и приятным, с легкой примесью

речной свежести.

Осенив себя знамением Альтоса, толстяк снова стал стирать выступивший на лбу пот, стараясь не смотреть на фигуру в черном плаще.

— Он доказал, что заслуживает внимания. Парни, которых он раскидал словно щенков, до сих пор стонут от синяков, и ссади, а один, и вовсе, не может оторвать зад от кровати. Зачем ты вообще вздумал его испытывать? Неужто не разглядел, как он двигался, когда прикончил тех двух дезертиров?

— Разглядел, — помрачнев, отозвался Триг.

Зрелище, действительно, вышло захватывающим, пусть и мимолетным. Каких-то три скупых движения и два трупа на полу — это, и правда, впечатляло. Поначалу Триг даже подумал, что из столицы кто-то подослал к нему убийцу и был очень рад, когда понял, что ошибся.

Пусть этот Тенро и действовал как профессионал, к гильдии ассасинов он отношения не имел. Он, вообще, был ничейным и поэтому его значимость для дела Трига только возросла. Вновь вспомнив первую встречу с одетым в черное незнакомцем, старик задумался.

Пожевав обветренные губы, он задумчиво произнес:

— Как он их расписал, я очень хорошо разглядел, потому и решил еще раз все проверить. Глаза-то его в бою видел? Зеленющие и яркие, как у измененных, ну я и подумал...

— Да брось, — отмахнулся бывший пехотинец. — Вечно ты все преувеличиваешь. Обычный, отвоевавший свое паренек, которому теперь некуда вернуться. Я сам таким был и знаю, каково ему сейчас. Да и к тому же — не каждый день узнаешь, что вся твоя семья погибла.

— Вот и я про что, — перейдя на заговорческий шепот, Триг ближе придвинулся к собеседнику. — Как бы крыша у него не слетела. Он хороший боец, но, коли начнет дурить раньше времени — не тяни...

— Знаю, — сразу же насупился Тул и коротко кивнул.

Несмотря на его симпатию к странному молчаливому мужчине, назвавшемуся явно чужим именем, он понимал, что дело важнее. Такие деньги можно заполучить лишь раз в жизни и уж он-то своего шанса не упустит.

Когда Тенро два дня назад пришел в трактир "Полосатый кот", то сразу же показал себя как опытный боец, чего уж говорить о его татуировке "Черных стрел". Едва увидев символ на предплечье мужчины, Тул сразу же понял, что этот парень пригодится им для готовящегося дела — хороший воин, неразговорчивый, да к тому же тот, кого никто не станет искать.

Своими людьми Триг с Тулом рисковать не хотели, а вот незнакомец вполне сможет выполнить роль наживки, с которой не жалко в случае чего и попрощаться.

— Он доверяет тебе, так что проблем возникнуть не должно. Если выживет — нож в...

— Да тихо ты! — цыкнул на Трига бывший пехотинец, скривившись, будто залпом осушил стакан дрянной выпивки. — Знаю я что делать. Не впервой же, так что не учи.

— Ладно-ладно, — примирительно буркнул Триг, сложив руки на массивном животе. — Пойду я. Доброго вам ветра.

— Бывай, — проводит грузного мужчину взглядом, Тул отвернулся, когда тот залез в повозку, просевшую под его немалым весом.

Телега неторопливо покатила в сторону Заречья, в сопровождении двух конных воинов,

одетых будто обычные охотники. На деле же это были двое матерых головорезов, которых нанял Триг для своей охраны.

Сейчас старик не желал ничем рисковать и не жалел денег, тем более, что вскорости их у него должно было оказаться предостаточно. Шутка ли, прикарманить реликвию, вывезенную из Застывшего леса? Да за такое руки с корнем вырвут!

Тул улыбнулся, подумав о том, что станет с солдатами, когда их начальство хватится пропажи. Бедолаг, наверняка, вздернут в назидание остальным. Но какое до этого дело Тулу? Никакого. Им надо было просто меньше пить и держать язык за зубами, тогда бы и старый прохвост Триг не прознал, какой груз они везут в Арстерд.

Стало быть, пока повозка доберется до столицы, пока ее содержимое начнут разбирать, итога оставалось еще куча времени. Да и кто сказал, что служивые вообще сообразят, где именно их обчистили? Зелье, которое подмешали им в выпивку, начисто отшибает память, так что Триг снова выйдет сухим из воды. Он и до этого проворачивал весьма рискованные дела, но в этот раз все по-крупному. И покупатель серьезный. С таким нужно держать ухо востро и именно поэтому, Тул собрал лучших из своих людей. А Тенро... он будет тем, кто проверит на себе, крепко ли слово, данное покупателем.

Словно почувствовав, что бывший пехотинец думает о нем, мужчина в черном плаще стремительно развернулся и уверенной, пружинистой походкой подошел к Тулу.

— Когда мы отплываем? — спросил он довольно грубо и резко.

— Скоро, — неопределенно отозвался Тул, поглядывая, как его ребята на корабле заканчивают последние приготовления.

— Я уже слышал это. Когда именно?

— Послушай, Тенро...

— Мне. Нужно. В Зеленые поляны. — Жестко отчеканил мужчина и его зеленые глаза, сверкнув, нехорошо прищурились.

— Послушай, парень, — как бы невзначай, Тул положил руку на рукоять короткого меча. — Ты, вообще, собирался топать к себе домой один и пешком. А это заняло бы у тебя кучу времени. Мой наниматель, господин Триг, согласился помочь тебе в обмен на маленькую услугу. Корабль домчит нас до Кирлинга намного быстрее, чем лошади, а оттуда до Зеленых полян сможешь добраться хоть на своих двоих, хоть на коне, которого, коли захочешь, купишь на деньги, что мы тебе заплатим за помощь. К тому же, ты говорил, что не помнишь дороги. Как сам пойдешь? А так — наймешь проводника из местных, он приведет куда нужно. С какой стороны не посмотри, ты в выигрыше. Чего нервничаешь?

На мгновение Тулу показалось, что его спутник догадывается о планах бывшего пехотинца на свой счет. Но, стоило ему закончить говорить, как он понял, что ошибся.

— Я подожду, — раздражение в зеленых глазах сменилось пониманием.

— "Какой же простак", — про себя подумал Тул.

Хотя чего он ожидал от жителя деревни? Даром, что его в разведке натаскали, а как псом дворовым родился, так и помрет. Думает, небось, что все вокруг такие же доброжелательные и бескорыстные, как и его земляки. Мертвые теперь земляки.

Вслух же Тул произнес:

— Поднимайся на борт, парень. Сейчас будем отплывать.

Скупно кивнув, Тенро быстро зашагал по шаткому трапу. Ступив на покачивавшуюся под ногами палубу, он быстро прошел вперед, к носу, остановившись там и привычно вглядываясь вдаль.

Матросы, удивленные странным поведением незнакомого пассажира, вопросительно посмотрели на Тула, что только что поднялся на корабль по трапу. Но тот лишь раздраженно передернул плечами:

— Чего застыли? Давайте. Отплываем, живо!

"Счастливчик" мелко задрожал, когда матросы бросились выполнять приказ. Прошелестев соскользнувшими с причала трапом и канатами, корабль потерял связь с землей, отдавшись водной стихии. Течение подхватило, его и рулевой крутанул штурвал, уводя корабль от берега.

Лориан, играясь, потянул "Счастливчика" за собой, как и множество других кораблей, снующих по серебристой глади воды. Перекрывая короткие команды, захлопали на ветру белоснежные паруса, и нос корабля с новой силой принялся вгрызаться в пенящуюся под ним воду, вспарывая ее ножом и устремляясь вдаль по течению.

* * *

Тенро продолжал стоять на носу, подставив лицо влажным каплям и прикрыв глаза. Он чувствовал, как вода стекает по щекам, смывая тревоги и усталость. Что-то всколыхнулось в сокрытой туманом памяти мужчины, что-то связанное с дождем.

Перед глазами встали кровавые капли, и руки Тенро конвульсивно сжались, словно пытаясь схватить рукоятки невидимого оружия.

— Ты в порядке? — осторожно спросил приблизившийся сзади Тул.

Открыв глаза, Тенро увидел белоснежные пушистые облака, скользящие по бескрайнему небосводу. Он был цвета безупречной, гладкой синевы, как глаза...

— Тенро! — Повысив голос, Тул аккуратно коснулся плеча мужчины и тот повернулся к нему в пол оборота, недовольно глядя на того, кто помешал его размышлениям.

— Пойдем, я покажу тебе место, где ты сможешь отдохнуть.

— Долго нам плыть? — Тенро не сдвинулся с места, вновь устремив взгляд к горизонту.

— Прилично, — выпятив нижнюю губу, призадумался Тул. — Если ветер не сменится и не будет никаких проблем, то дней пять — шесть точно. Может и больше. Ну, так что, ты идешь?

Тенро больше не реагировал на слова бывшего пехотинца и тот, бормоча проклятья, ушел прочь, оставив человека в черном плаще и дальше стоять на носу "Счастливчика" в одиночестве.

Редкие волны завораживали Тенро, и он любовался бликами солнца, играющими на воде. Они чем-то напоминали мужчине его память — она, то сверкала обрывком яркого воспоминания, то спокойно поблескивала на безмятежной глади безразличия и пустоты. Тенро постоянно пытался ухватиться за те обрывки, что во сне подсовывала ему память, но они водой утекали у него между пальцев, растворяясь в непроглядном тумане.

Он не знал ничего о себе, но, в тоже время, весь окружающий мир казался ему знакомым. А ведь он считал, что взглянул на него впервые, когда открыл глаза, стоя на окраине деревни Заречье. Кто он такой? Откуда он пришел? Тенро надеялся, что найдет ответы на свои вопросы в том месте, куда его так сильно тянуло...

* * *

Навязчивый стук в дверь повторился. Поспешно натягивающая блузку девушка выругалась сквозь зубы — кто бы мог подумать, что ее найдут так быстро. Загнав двух лошадей, она добралась до Сафраса в рекордные сроки и вот, в первой же таверне, где она решила на долгожданный отдых, ей не дали даже смыть с тела дорожную пыль!

Блузка на спине быстро намочила от растрепавшихся по ней мокрых волос. Огненно-рыжие и вьющиеся, они сейчас казались более темными из-за влаги и прямыми, на некоторое время, лишившись своей былой упругости.

— Проклятье! Проклятье!.. — пуговицы не желали подчиняться тонким ухоженным пальчикам, и девушка бросила попытки справиться с ними.

Оставив блузку распахнутой на высокой груди, она быстро натянула сапоги, сунув за голенище одного из них длинный и узкий, похожий на жало стилет. Накинув на плечи запыленный плащ, она почти добралась до распахнутого окна, когда дверь в комнату слетела с петель, едва не придавив собой несостоявшуюся беглянку.

Не оставляя попыток скрыться, девушка, гибко изогнувшись, ловко юркнула в окно и вынуждена была замереть на месте — с соседней крыши ей приветливо помахали двое бандитской наружности мужчин, целящиеся в нее из взведенных арбалетов.

— Леди Элисса, — осуждающий голос доносился от двери и в нем слышался тщательно скрывааемый гнев. — Я старался быть вежливым, но Вы просто не оставляете мне выбора. Будьте любезны, вернитесь в комнату и позвольте мне насладиться вашей чарующей красотой.

— Насладиться, ага, — змеей прошипела себе под нос та, кто носила имя Элисса и, стиснув зубки от бессильной злобы, вернулась в комнату, вновь воспользовавшись окном.

— Благодарю, — скупой улыбнулся невысокий, но крепкий мужчина, чьи седые волосы были аккуратно причесаны и убраны назад.

Он вольготно расположился на стуле, скрестив руки на груди и драгоценные перстни, венчающие его пальцы, завораживающе сверкнули в пламене свечей. Невыразительные, светло-серые глаза с явным удовольствием скользнули по ладной девичьей фигуре, остановившись на приятном узком лице.

— Вы, как всегда, очаровательны, — медленно протянул мужчина, глядя в зеленые глаза девушки. — Ваши веснушки просто сводят меня с ума.

— Благодарю, — кисло улыбнулась Элисса. Явно не оценив комплимент по достоинству, она плотнее запахнулась в плащ.

От похотливого взгляда этого старикашки, девушке становилось не по себе. Она давно бы уже отправила его на тот свет, если бы не два головореза, замершие по бокам от припозднившегося гостя. Эти выглядели весьма серьезными бойцами — вступать с ними в бой было бы очень рискованно.

Нет. Элисса любила рисковать, но только тогда, когда риск был обоснован. Сейчас же он граничил с безумной попыткой самоубийства. Быстро оценив свое положение, девушка слегка наморщила острый носик, после чего улыбнулась еще раз, теперь более тепло и приветливо.

— Я был очень опечален, когда узнал, что Вы ушли не попрощавшись. Мое общество так неприятно Вам? — Напустив на себя скучающий вид, старик продолжал беззастенчиво пялиться на девушку.

— Что вы — что вы, господин Гирс, — лилейным голосом пропела Элисса и ее пышные ресницы затрепетали. — У меня просто появились неотложные дела...

— Понимаю, — богато одетый гость сдержанно кивнул. — Когда кошель ломится от наэрских алмазов, неотложные дела могут появиться у кого угодно. Вы позволите?

— Конечно, — выбора не было и, когда один из верзил приблизился к Элиссе, та медленно сняла с пояса тугой кошель и вложила в его медвежью ладонь.

— Благодарю, — улыбка Гирса вышла еще более мерзкой, нежели обычно. — Знаете ли, люблю, когда мои вещи со мной. Вы же взяли их без спроса, чем, признаюсь, очень меня опечалили. Воспитанные леди так не поступают. Знаете, что бывает с теми, кто меня огорчает?

— Знаю, — улыбка пропала с губ Элисса и она, слегка согнув ноги в коленях, едва заметно подалась вперед.

Пусть попытка сопротивляться, скорее всего, окажется тщетной. Но она, хотя бы успеет вонзить стилет в эту сморщенную нахальную морду перед тем, как ее схватят. Лучше бы, разумеется, ее сразу убили. Иначе придется долго и крайне болезненно прощаться с жизнью. Из подвалов поместья барона Гирса еще никому не удавалось выбраться живым.

Элисса знала это, когда, прикинувшись дочкой одного из баронов севера, пробралась на званый бал в особняк Гирса и, очаровав владельца дома, позаимствовала из его спальни мешочек великолепных алмазов.

Пришлось, правда, оглушить не в меру похотливого старика, что претило Элиссе, как профессиональной воровке. Но тот начал распускать руки гораздо раньше запланированного, так что у девушки не было выбора. Позволять лапать себя какому-то отвратительному старикашке она не собиралась тогда, не собирается и сейчас.

Удача никогда прежде полностью не отворачивалась от ЭлиССы, и она искренне надеялась, что сейчас случится что-то, что поможет ей выйти из столь неприятной и щекотливой ситуации. И, желательно, без жертв, по крайней мере, с ее стороны.

Однако время шло, в глазах Гирса все сильнее разгоралось пламя похоти, но чудо не спешило происходить.

— "Ладно", — с тоской подумала девушка. — "На счет три, попробую достать мерзавца, но не в лицо, а пониже пояса. Если меня не убьют его головорезы то, хотя бы, ему будет не до того, чтобы надругаться надо мной".

Умирать Элиссе очень не хотелось, но, в этот миг, она, действительно рассчитывала на то, что барон, в порыве боли и ярости прикажет своим подчиненным убить ее на месте. Не будь за окном двух арбалетчиков, она, пожалуй, попробовала бы уйти. Но Элисса спиной чувствовала направленное на нее оружие, а за дверью маячили тени остальной охраны предусмотрительного барона.

Скорее всего, его люди ждут и внизу, и в стойлах, так что ускользнуть не выйдет. Нет, она в любом случае попытается уйти. Но вот сможет ли?

Раз...

Сердце быстрее забилося в груди девушки, и она собрала всю свою решимость в кулак. В конце-концов, выбирая для себя столь опасное ремесло, она всегда знала, что подобный момент неизбежно настанет. Те девушки, что выросли в трущобах, но не желали превращаться в кабацких шлюх, должны были драться за свою жизнь. Сейчас настало именно такое время.

Два...

Не отрывая взгляда от глаз барона, Элисса тихонько выдохнула. Один стилет за голенищем и кинжал под плащом. Метательные ножи лежали в сумке, висевшей сейчас на спинке кровати — не добраться. Значит, придется рассчитывать на то, что есть. Главное проскользнуть мимо громил, а там...

Три!

— Предлагаю вам сделку, моя дорогая Элисса, — неожиданные слова Гирса заставили

девушку замереть в нерешительности.

— Что, простите? — деликатно поинтересовалась она, незаметно делая крохотный шаг назад.

— Я навел о Вас справки, — продолжил Гирс, самодовольно ухмыляясь в седые усы. — "Огненная тень", "Неуловимая лисица", "Сестра ночи" — все эти ваши прозвища весьма звучны и характеризуют вас, как весьма умелую воровку. Ваша, кхм... работа, всегда безупречна. Почти всегда, — он смерил девушку многозначительным взглядом и коснулся своей макушки как раз в том месте, куда ранее ударила его Элисса какой-то подвернувшейся под руку статуэткой. — Хотя, признаюсь, то, что Вы провернули у меня в поместье — достойно уважения.

— Эмм... спасибо.

— Я не люблю ходить вокруг да около, Элисса. Поэтому скажу прямо — воры, которые пытаются забрать то, что принадлежит мне — долго не живут. Или же, наоборот, живут долго, но просто жаждут умереть.

От этих слов старого барона, у ЭлиССы по спине пробежал неприятный холодок и виною тому был вовсе не проникший сквозь распахнутое окно ветер.

— И, поверьте, Вы не избежали бы подобной скорбной участи. Пусть Вы мне и глубоко симпатичны но, репутация дороже смазливой мордашки. Однако, на Ваше счастье, у меня, есть одна слабость — я коллекционер.

— Я заметила, — вставила ЭлиССа, вспомнив, как украшены личные покои барона — великое множество различных фигурок, порою странных, а порою даже пугающих. Все они принадлежали детям Леса. Некоторым экземплярам лет насчитывалось едва ли не больше, чем самому королевству людей.

— Так вот, — невозмутимо продолжил Гирс. — В этом прекрасном городе, — он развел руками, — некогда жил мой большой друг, барон Шилре и у нас с ним имелось... общее дело, скажем так. Как и я, он был большим коллекционером.

— Был? — ЭлиССа ухватила за это слово, чем вызвала у барона довольную усмешку.

— Мой друг... скоропостижно скончался. Знаете, кто-то отравил беднягу.

По тону и виду Гирса у девушки не возникло никаких сомнений, кто именно стоял за смертью этого барона Шилре.

— Так вот. Когда мой друг покинул этот мир, его вдова отказалась продавать мне одну безделушку из коллекции своего несговорчивого и оттого очень покойного мужа. Она меня очень и очень расстроила. Я как раз собирался сказать ей об этом лично, когда мне сообщили, что вдова Шилре постриглась в монахини и отдала все имущество монастырю Склоса или, как его называют — Склосовой пустыни. Понимаете, к чему я клоню? — Глаза барона хитро блеснули.

— То, что вам нужно — внутри, — до этого не сложно было догадаться.

ЭлиССа выдавила из себя улыбку, подумав, как далеко люди могут зайти ради своей страсти.

— Пра-виль-но, — барон хлопнул в ладоши. — Видите ли, мои мальчики могли бы сравнять монастырь с землей, но это скверно сказалось бы на моей репутации, а я не желаю ссориться со жрецами. Право слово, как некстати вдова Шилре вздумала демонстрировать характер...

— Я не убиваю людей!

— Я знаю, — фыркнул барон, снова коснувшись затылка и пригладив широкой ладонью

седые волосы. — По крайней мере, не убиваете специально. Но этого и не потребуется. Мне нужно, чтобы Вы проникли в монастырь и не важно, как именно Вы это сделайте. Но! Вы должны доставить мне то, что я хочу.

— И что же вы хотите? — осторожно поинтересовалась Элисса, в голове которой уже начали строиться планы по предстоящему делу. Она даже не раздумывала, соглашаться или нет. Выбора у нее не было и следовало лишь поблагодарить судьбу и удачу за очередной предоставленный шанс сохранить голову на плечах.

— Фигурка наэрской волшебницы — флэриэ. Размером с ладонь, она целиком высеченная из одного прозрачного камня. Дева держит руки перед собой, будто играет на флейте, но ее ладони пусты. Подобных вещей больше нет, так что Вы ее легко узнаете.

— А где она может находиться?

— Не знаю, — просто ответил барон. — Можете перерыть весь монастырь. Мне плевать. Фигурка флэриэ должна быть у меня. Стоит ли мне говорить, что от меня бесполезно прятаться — я найду вас где угодно?

— Не стоит, — покачала головой Элисса — барон Гирс уже продемонстрировал ей свои возможности.

— Я могу считать, что мы договорились и Вы дали мне слово?

— Можете.

Мужчина продолжал выжидающе смотреть на нее, и Элисса обреченно произнесла:

— Клянусь воровской честью, я сделаю все возможное, чтобы доставить эту статуэтку в Сафрас.

— Замечательно, — седой мужчина улыбнулся и встал со стула.

Теперь он мог быть уверен — если профессиональная воровка поклялась своей честью, то выполнит уговор во что бы то ни стало. Хотя, это было для Гирса не так уж и важно, просто лишний повод указать девчонке на ее место, ведь если он захочет, то найдет ее где угодно. Довольный собой, мужчина произнес:

— Если все пройдет гладко, то я не только отпущу Вас, но и попрошу моих друзей забыть о том, что Вы у них что-то украли. Сможете начать новую жизнь, так сказать, с чистого листа.

— С чего такая щедрость? — Элисса с детства не верила в людскую доброту и недоверчиво прищурилась.

— Скажем так, — задумчиво произнес Гирс, растягивая слова. — В будущем мне могут еще пригодиться ваши таланты, и я не хотел бы, чтобы кто-то отправил столь талантливую воровку на тот свет раньше времени. Мы друг друга поняли?

— Вполне. — Девушка кивнула, хотя ни на мгновение не поверила словам мужчины.

— Помните, милая Элисса, у Вас очень мало времени. Я крайне нетерпелив. Как только я улажу свои дела, к стенам монастыря прибудет мой человек. Он прождет сутки. Если за это время Вы не передадите ему то, что мне нужно — он возьмет это сам. Что он сделает с вами, думаю, понятно.

— Понятно, — выдавила девушка, заметив, как в дверном проеме появилась крепкая мужская фигура в темных одеждах, с низко надвинутой на лицо шляпой.

От неизвестно типа просто разило могильным холодом и страхом, а взгляд ярких глаз был настолько пугающим, что девушка не смогла выдерживать его и трех ударов сердца.

— Вы сразу поймете, что мой человек пришел, — продолжал Гирс. — Я очень не хотел бы допустить кровопролития но, если оно будет неизбежно, то я ничего не смогу поделать.

Знаете ли, Леон не очень-то жалуется служителям Альтоса и с удовольствием сократит их количество в случае вашей неудачи. Он, кстати сказать, предлагает сразу же устранить тех, кто мешает моим планам но, знаете ли, я не люблю излишнего кровопролития, которого можно избежать. Так что поспешите, Элисса, иначе Вам придется отвечать перед Альтосом не только за свои собственные грешные деяния, но и за жизни монахинь, которые погибнут только потому, что Вы не справились со своей работой. По Вашим прекрасным глазам я вижу, что мы поняли друг друга.

Элисса кивнула, мысленно пожелав проклятому барону самому побыстрее отправиться к Альтосу и отчитываться перед ним обо всех своих грязных и темных делишках.

— В таком случае, я не смею больше отнимать ваше драгоценное время. Сегодня отдохните с дороги, а завтра — приступайте. Матир, — он кивнул одному из своих громил и тот небрежно бросил на стол тихонько звякнувший мешочек.

— На расходы. — Пояснил барон и, дав знак своим людям, удалился, напоследок еще раз взглянув на девушку. — У меня еще есть дела в этих землях. После я буду ждать вас здесь или же у себя в поместье. Я пока не определился, но вы же не успели забыть туда дорогу?

Когда дверь за незваными гостями закрылась, Элисса еще несколько мгновений простояла столбом, а потом, подойдя к кровати на негнущихся ногах, буквально рухнула на нее.

Готовую расстаться с жизнью девушку сейчас трясло и все произошедшее казалось ей какой-то дурацкой постановкой. Но, что бы ни случилось — она вновь смогла выйти сухой из воды. Почти.

Стоило обдумать, как лучше пробраться в монастырь и выкрасть эту статуэтку. Элисса понимала, что Гирс едва ли отпустит исполнительницу, когда та выполнит свою часть уговора.

Но, сначала надо было разобраться с делом, а уже потом решать, как быть дальше. Одно Элисса знала точно — в этот раз ей не позволят соскочить, а значит, придется выполнять договор.

Встав и пройдя по комнате, девушка обнаружила, что вода в ванной уже остыла. Вернувшись к столу, она подбросила на узкой ладони увесистый мешочек и улыбнулась:

— Что ж, по крайней мере, сегодня могу себе ни в чем не отказывать.

Превратности судьбы

День проходил за днем. Они медленно тянулись, мгновение за мгновением, когда-то слегка ускоряясь, а когда то, наоборот, замирая.

Белые облачка, что сопровождали "Счастливику" первые три дня пути, сменились тяжелыми тучами, преследующими корабль изо дня в день. Они нависали над хрупким суденышком, изредка щедро поливая его дождем и грозно бормоча вслед раскатами грома.

Была у непогоды одна хорошая сторона — она порой снисходительно позволяла "Счастливику" плыть под всеми парусами, преодолевая внушительные расстояния гораздо быстрее, чем рассчитывала команда. Разумеется, при таком капризном небе за кораблем нужен был глаз да глаз: ветер зачастую становился слишком порывистым и непредсказуемым, да и волны поднимались весьма серьезные. Не как на море, конечно, но "Счастливику" с его низкими бортами хватало и таких.

Тул без устали гонял матросов взад вперед по палубе так, что те едва не сбились с ног, выполняя приказы. Паруса метались то вверх, то вниз, корабль протяжно и жалобно скрипел, команда ругалась на чем свет стоит, а сам Тул сорвал себе голос. На руках правящего кораблем мужчины вздулись бугры мышц, когда он в очередной раз решил показать взбунтовавшемуся на волнах "Счастливику", кто здесь главный.

Из всеобщей суеты выделялась лишь фигура в черном плаще.

Когда холодные волны, с резким шелестом разбивающиеся о нос корабля начали взлетать выше бортов, Тенро благоразумно покинул свое привычное место. В душный трюм, где пахло смолой, потом и сыростью, он идти не желал, поэтому разместился позади капитана, держась одной рукой за грубые перила. Здесь ему никто не мешал сосредоточиться, да и сам странник не путался под ногами у матросов.

Непогода свирепствовала чуть больше суток и, когда небеса, наконец, смилоstinивились, вся команда едва не валилась с ног от усталости. Матросы, тяжело дыша, прохаживались по мокрой и скользкой палубе, недобро глядя на невозмутимого Тенро, вновь усевшегося на насиженное место.

Вернувшись на нос корабля, мужчина привычно начал вглядываться вдаль, вполуха слушая, как за его спиной переговариваются недовольные матросы. Их бесило, что странный тип даже не подумал помочь, а теперь вел себя как ни в чем ни бывало. Они и во время шторма пытались навязать Тенро какую-то работу, но тот, не обращая на них внимания, просто смотрел сквозь людей. Тогда Тул вразумлял своих ребят, но теперь, когда старый пехотинец отправился отсыпаться в трюм, гнев матросов никто не сдерживал.

— Эй ты! — крикнул один из экипажа "Счастливику", могучего телосложения детина с чуть тронутыми сединой пышными бакенбардами.

Когда мужчина в плаще не отреагировал на его слова, матрос, свирепея, прорычал:

— Слышишь, ты, тварь в плаще?! Я с тобой разговариваю! Отвечай мне или сейчас же вылетишь за борт, бледнокожий урод!

Команда поддержала его дружными и согласными криками.

— У тебя какое-то дело ко мне? — пропустив оскорбление мимо ушей, Тенро повернулся к матросам.

С каждым днем он все больше и больше понимал происходящее вокруг себя, словно начиная дышать полной грудью. О самом себе странник, по-прежнему, ничего не помнил, но

был твердо уверен, что становится именно самим собой. Он не знал и не понимал причин подобной уверенности, но она вселяла в его сердце надежду.

— Да, дело! — Матрос с бакенбардами криво усмехнулся. — Какого хрена ты только и делаешь, что жрешь, спишь, да бестолково пялишься вдаль?!

— Это не твоя забота, — холодно ответил Тенро.

— Нет моя! — Заупрямился мужчина, делая шаг навстречу фигуре в драном плаще. — Ты плывешь с нами, но брезгуешь нашей компанией, хотя ешь нашу еду, и пьешь нашу воду! Мы, по-твоему, не люди? Не уважаешь нас?

— Нет, — честно ответил Тенро и в его обычно лишенном эмоций голосе, промелькнуло искреннее удивление. — Я вас не знаю. С чего бы мне уважать незнакомых людей?

— Что сказал?! — Рука матроса метнулась к кривому длинному ножу, и тот с шипением рассерженной змеи покинул ножны. — Ты меня не уважаешь? Повторить рискнешь?

— Малто, — один из мужчин, стоявший позади буяна, положил тому руку на плечо. — Тул говорил...

— Плевать я на него хотел! — Брызнул слюной взбешенный Малто, сбрасывая с плеча руку товарища. — Этот урод сказал, что мы мусор!

Все, за исключением того, кто пытался остановить разъяренного матроса, поддержали слова Малто, согласными криками подбадривая задиру. Тот, ухмыляясь и поигрывая ножом, сделал шаг навстречу Тенро.

— Иди сюда. Сейчас я тебя немного подпорчу!

Тон и взгляд матроса не понравились мужчине в черном плаще. В глазах вооруженного ножом человека читалась злость и неподдельная ненависть. Ее пламя сверкало не хуже обнаженной стали клинка.

— Ненавидишь меня?.. — Тенро почувствовал, как и в его груди зарождается злость. Какая-то частичка его души радостно забурлила, требуя крови. Прислушавшись, Тенро понял, что обрел еще один кусочек себя — одну хищную, грубую часть своей души, полностью пробудившуюся лишь теперь. — Хочешь драки?

— Хочу и что с того? — С вызовом взглянув на стоящего без движения мужчину, оскалился Малто. — Порежу тебя на куски и столкну за борт. Тулу скажу, мол, выпал паренек-то. Выпал, да на корм рыбам пошел.

— Малто...

— Да заткнись ты, Нирт! — Озlobившийся матрос потрянул головой, обращаясь к тому самому молодому человеку, что пытался отговорить его от драки. Ловко перебросив нож из одной руки в другую, он шагнул к Тенро, проворным и уверенным движением вернув оружие обратно в правую руку.

— Хочешь меня убить? — Тенро развел раскрытые ладони в стороны, показывая, что в них нет оружия.

— Да, — ослабившись, признался Малто. — С первого дня мне рожа твоя не нравится! Ненавижу таких подонков, как ты. Думаете вы лучше всех, да?!

Когда матрос рассмеялся, Тенро почувствовал сильный запах какой-то бормотухи, исходящий от мужчины. Но, несмотря на это, Малто твердо держался на ногах и с ножом обращался весьма умело.

— Спрашиваешь, хочу ли я убить тебя? Да! Хочу!

Тенро кивнул, показывая, что услышал слова приближающегося к нему мужчины.

Последний раз хохотнув, Малто сделал неожиданный выпад, стремясь первым же ударом поразить противника в грудь. Он широко оскалился, уже предвкушая, как ледяная сталь войдет в тело неподвижного человека и стремился насладиться болью и ужасом в его глазах.

Неожиданно мужчина перед Малто превратился в размытое пятно — он неувловимым движением сместился в сторону и развернул корпус, пропуская смертоносную сталь в дюйме от своей груди.

Расширившимися от удивления глазами, Малто наблюдал, как одна рука противника легла ему на сгиб локтя, а другая обхватила кулак, сжимающий рукоять с оружием.

Тенро подался назад и, резко шагнув в противоположном направлении, надавил рукой на локоть матроса, второй отталкивая его нож от себя и выгибая хрустнувшее запястье.

Всего лишь один удар сердца и мужчина в черном плаще отошел в сторону, оставив Малто с недоумением смотреть на рукоять собственного ножа, торчащую у него же из груди.

Матрос силился что-то сказать, но из его рта вырвался лишь сдавленный хрип, после чего тело, пошатнувшись, начало заваливаться вперед. Дважды неуклюже переставив ноги, Малто вывалился за борт, глухо ударившись о борт "Счастливого", после чего навсегда исчезнув во вспененной воде.

Тенро спокойно продолжал смотреть на потрясенную увиденным команду корабля. Сам он не испытывал почти ничего — ни жалости, ни сострадания, ни раскаяния в содеянном. Пожалуй, единственным его чувством было едва ощутимое мрачное удовлетворение и, кажется, жажда.

— Что здесь происходит?! — На палубе появился взъерошенный и не выспавшийся Тул.

— Новенький, эта... Малто завалил... — растерянно пробубнил один из матросов, рассеянным жестом проведя рукой по горлу.

— ЧТО?! — Затравленным зверем Тул посмотрел на стоявшего на носу корабля Тенро.

Глаза мужчины были слегка прищурены и внимательно скользили по лицам столпившихся моряков.

— Я предупреждал Малто, чтобы не лез, — попробовал пояснить Нирт, но Тул, не слушая его робкого лепета, в четыре широких шага подскочил к Тенро и схватил его за грудки.

— Ты что творишь, скотина?! — брызгая слюной, прошипел Тул.

— Он хотел убить меня. — Невозмутимо ответил Тенро. — Но не смог. А я — смог. Ты тоже хочешь рискнуть?

— Да как ты...

— Тул! Парень правду говорит, — еще один член команды вклинился между мужчинами. — Малто сам наварлся. Полез на новичка с ножом и... прогадал.

— Измененные вас побери! — Взбешенный Тул зло сплюнул в воду. — Прочь с глаз моих! Быстро все за работу! И чтоб больше никто к новичку не приближался! Чтс смотришь?! — Он обжег Тенро взглядом.

— Я защищался.

— А, — бывший пехотинец махнул рукой. Малто он уже не вернет, а вот ссорится с победителем, Тулу не хотелось. Особенно сейчас, когда их разделяет всего ничего. — Ладно. Я понял, что ты не виноват. Но! Впредь не убивай моих людей.

— Если они не захотят убить меня, то не стану, — спокойно отозвался Тенро и, отвернувшись, уселся на носу корабля, наблюдая за беспокойными волнами, в которых тонул

альный шар угасающего к ночи солнца.

Видимо удовлетворенный таким ответом, Тул вернулся к рулю, встав за ним и с хрустом распрямив спину. Спать уже не хотелось.

Старый пехотинец начал привычно отдавать указания, время от времени кидая настороженные взгляды на фигуру в черном плаще и размышляя, как бы избавиться от этого парня, когда все будет сделано. Видимо, обойтись малой кровью, как вначале планировал Тул, не выйдет. Этот тип явно непрост и, если его вовремя не пустить под нож, то он может создать очень много совершенно не нужных сейчас проблем.

А может, стоит присмотреться к нему получше? Если этот Тенро и дальше будет проявлять себя как хороший боец, то выгоднее будет переманить его. Правда, странный он...

— Эй, Нирт! — подозвал Тул самого молодого члена своей команды.

Отец паренька был хорошим другом Тула и попросил пристроить своего сынка в надежное место. Толку от сопляка пока не было, но Тул не стал отказывать его отцу в просьбе, ведь чем больше народу тебе обязаны, тем лучше. И, как в воду глядел — настало время, когда и Нирт смог пригодиться.

— Звали, капитан?! — парнишка проворно подбежал к рулевому.

— Дуй в трюм. Возьми еды и отнеси Тенро, — властно приказал Тул, заметив, как расширились глаза молодого матроса — в них одновременно читался и страх и мальчишеское любопытство.

— А это не опасно?

— А плавать с контрабандистами не опасно?! А когда саблей ранят — не больно?! — всплыв, передразнил мальчишку Тул — минувший шторм и глупая смерть одного из подопечных порядком потрепал его нервы, и старый пехотинец никак не мог успокоиться.

— Понял, капитан!

Осознав, что сейчас не лучшее время для того, чтобы испытывать терпение Тула, Нирт быстро юркнул с глаз долой и скрылся в трюме.

Порывшись в нехитрых припасах, самый молодой член команды "Счастливого" набрал вяленого мяса, сухарей и перелил пресной воды из полупустого меха, в свою флягу. Выбравшись наверх, он направился к носу корабля. Остановившись в нескольких шагах от фигуры в черном плаще, парень робко произнес:

— Эм... привет. Мое имя Нирт. Я тебе поесть принес.

Капюшон дернулся, поворачиваясь к матросу, и пара зеленых глаз несколько ударов сердца изучала его.

— Ты редко ешь. Проголодался, небось? У меня вот, мясо есть, — в доказательство своих слов, изрядно нервничающий Нирт вытащил из-за пазухи тонкую полоску мяса и показал ее сидящему на носу корабля мужчине. — Я подхожу?

Когда мужчина отвернулся от него, Нирт расценил это как дозволение приблизиться. Паренек и боялся и уважал странного пассажира одновременно. Его пугала и привлекала эта таинственность и отрешенность мужчины в черном плаще.

От Тула парень слышал, что этот Тенро служил не абы где, а в легендарных "Черных стрелах". Теперь же Нирт и сам он увидел, как бывший разведчик споро отправил к праотцам задиру Малто. А ведь тот был вовсе нешуточным бойцом.

Быстрый, сильный и бесстрашный, Тенро вмиг стал для Нирта чем-то вроде идеала. Подбираясь к нему, паренек даже задумался — не пойти ли ему самому на военную службу?

— Вот, — усевшись рядом, матрос протянул мужчине горсть сухарей, высыпав их прямо

в подставленную тем ладонь.

Взяв один из сухарей, Тенро отправил его в рот, и, стоило тому хрустнуть на зубах, как он почувствовал какое-то странное ощущение. Он уже ел эти же сухари не один день за время, проведенное в плавании, но теперь ощутил что-то новое. Страннику вдруг показалось, что он ел их и в своей прошлой, как он ее называл, жизни. Знакомый вкус едва не вернул Тенро какое-то из потерянных воспоминаний, и он изо всех сил вцепился в ускользающую память, проглотив еще один неровный кусок черствого хлеба.

Брызги разбившихся о нос "Счастливого" волн попали Тенро на лицо, и он отчетливо увидел картину: молодой человек, в котором он с трудом узнал себя самого — загорелая кожа и каштановые волосы сбивали с толку. Он шел рядом с вереницей повозок, жуя сухари и настороженно глядя по сторонам.

Тенро попробовал разглядеть лица тех, кто ехал в телеге, но они казались ему лишь размытыми пятнами. Тогда он сосредоточился на самом себе. Мужчина мысленно попробовал коснуться своего отражения, но то вдруг треснуло и разлетелось на осколки, словно разбитое камнем стекло.

— Воды? — Нирт протянул спутнику свою флягу и тот, благодарно кивнув, сорвал крышку, жадно припав к горлышку.

Наблюдая за Тенро, молодой матрос обратил внимание на его оружие. Мечи в ножнах заинтересовали Нирта не так, как странный лук. Отклонившись назад, парень взглянул на грозное оружие, уважительно присвистнув.

— Хорошо стреляете? — спросил он вновь взявшегося за сухари Тенро.

— Наверное, — немного поразмыслив, ответил тот.

— Без стрел не постреляешь? — Нирт расценил слова мужчины по-своему, взглядом указав на пустой колчан. — Хотите, принесу? У нас в трюме их завал просто. Вот, поешьте пока мяса, а я сейчас, — выудив из кармана несколько полосок вяленого мяса, Нирт поспешно отдал их Тенро, а сам умчался в трюм.

Мужчина в черном плаще проводил паренька задумчивым взглядом. Тот ему явно кого-то напоминал. Кого-то из прошлого. Такого же старательного и молодого. Тенро не мог вспомнить кого именно но, почему-то был уверен, что этого кого-то уже нет в живых.

До этого неведомое чувство утраты неприятно кольнуло сердце мужчины. Оказавшись поразительно сильным, оно накрыло Тенро с головой, обволакивая в своей траурной отстраненности и печали. Из этого состояния странника вывели торопливые шаги за спиной, а через миг, довольный Нирт плюхнулся рядом, протянув ему связку стрел.

— Самые лучшие выбрал! — гордясь собой, заявил парень.

— Спасибо, — разом забыв и о своих мыслях и о еде, Тенро схватил стрелы, и его руки мелко задрожали.

В ушах у мужчины словно заиграла музыка из пения тетивы и тихого шелеста стрел. Когда он коснулся пальцами острых наконечников, то в его памяти начали всплывать яркие воспоминания: сотни, тысячи стрел срывались с его лука, безошибочно разыскивая тела врагов и впиваясь в них своими мелкими острыми клыками.

— Давайте помогу! — забрав у ошеломленного воспоминаниями Тенро связку стрел, Нирт ловко перерезал ножом стягивающие их веревки и быстро заполнил колчан за спиной мужчины.

Приятная и такая знакомая тяжесть легла на плечи Тенро, и он сразу выпрямился под ней. Его плечи гордо расправились, а руку, привычным движением отведенную за спину,

знакомо защекотало трепещущее на ветру оперение.

Вскочив на ноги, Тенро выхватил лук, неуловимо быстро положил стрелу на тетиву и, почти не целясь, выпустил ее, послав к горизонту.

— Ух ты!.. — восторженно воскликнул Нирт, восхищенным взглядом провожая скрывшуюся с глаз стрелу. — Вы же лучник, да? Охотились раньше?!

— Охотился, — медленно протянул Тенро. Он заметил то, что укрылось от глаз сидящего рядом парня — за мгновение до того, как сорваться с тетивы его лука, древко стрелы, коснувшись рукояти оружия — почернело. Мужчина посмотрел на черный лук в своей руке и уже увереннее повторил:

— Да. Раньше я много охотился.

* * *

Когда ворота монастыря Скедосовой пустыни закрылись за ее спиной, Элисса почувствовала себя крайне неудобно. Несмотря на то, что внутри все дышало теплотой и свежестью, девушке было как-то не по себе. Ощущая себя пойманной в клетку птиц, воровка поморщилась и постаралась отогнать терзавшие ее душу сомнения по поводу придуманного ей плана.

Разумеется, она все предусмотрела, но некоторые моменты все-таки смущали. Элисса никогда не считала себя праведной и набожной особой, но почему-то ей очень не хотелось лгать монахиням, словно кто-то свыше наблюдал за ней и каждый раз укоризненно качал головой, когда она, по пути к монастырю, обдумывала очередную ложь и хитрость.

Как бы то ни было, не успев оказаться за стенами, девушка восхищенным взглядом окинула пышные сады, поражающие своей красотой и ухоженностью. Между раскидистых ив в теплых лучах солнца приятно мерцала водная гладь небольших водоемов с белозелеными островками распустившихся кувшинок. Переливчато пели птицы, яркими пятнами выделяющиеся среди листвы, подобно россыпи разноцветных цветков, непрерывным ковром расстилающихся вокруг. Все выглядело так, словно войдя во врата монастыря, Элисса оказалась в каком-то сказочном детском мире.

— Что привело тебя к нам, дитя? — очень дружелюбно поинтересовалась немолодая женщина в одежде монахини.

Она была сестрой-хозяйкой в монастыре и носила имя Сара. Именно Сара встретила Элиссу и открыла ей ворота, а теперь вела девушку вглубь монастырского двора по аккуратной, устланной диким камнем дорожке.

— Я... просто устала от всего, — несмотря на то, что Элисса заранее подготовила и выучила речь, соответствующую выбранной ей новой роли, дружелюбие монахини немного поколебало ее решимость.

Сара смотрела на гостью с таким пониманием и сочувствием, что врать ей было очень тяжело. Благо Элисса имела в этом деле весьма объемный опыт. Заранее все продумав, она даже сменила свою привычную одежду на потрепанное и удручающе простое платье крестьянки, чтобы больше соответствовать образу.

Лошадь, так же, пришлось отпустить в небольшом лесу близ монастыря и выйти к его воротам пешком. Единственной вещью, с которой Элисса не стала расставаться — узкий и бритвенно-острый стилет — первый подарок ее наставницы и верный спутник воровки во всех авантюрах.

— Ты решила укрыться за нашими стенами от бед и невзгод внешнего мира?

— Да, — подобострастно закивала Элисса, напуская на себя печальный вид. — Я... моя

мать умерла, — она перешла не шепот и ее голос дрогнул.

Это уже не было игрой — девушка, для большей убедительности, рассказывала монахине правду.

— Когда ее не стало, мой отчим, он хотел надругаться надо мной. И я... убежала.

И это все было правдой. Единственное о чем умолчала Элисса, так это о том, как она семь раз ударила ножом в грудь похотливого борова, в котором что-то находила ее покойная мать.

— Это ужасно, — в светлых глазах Сары отразилась боль и она, скорбно покачав головой, коснулась щеки идущей рядом девушки. Ладонь монахини оказалась мягкой и теплой, а ее прикосновение нежным и ласковым, будто Элиссы касалась ее покойная ныне мать. — Бедная девочка, сколько же невзгод ты натерпелась...

— "Вы даже не представляете", — подумала Элисса, вспомнив, как оказалась на улице.

Девушка и сама представить не могла, чтобы с ней случилось, не встретить она свою наставницу — Мэлис Вороное перо, одну из лучших воровок Арстерда, теперь ушедшую на покой и решившую встретить старость в уютном домике на окраине столицы.

На самом деле, Мэлис до старости было довольно далеко и, как считала Элисса, той просто надоела вся суета и она решила отдохнуть. В любом случае, девушка считала наставницу второй матерью и была ей бесконечно благодарна за то, что та помогла ей выжить в этом мире. От теплых воспоминаний о Мэлис, Элисса едва не улыбнулась но, вовремя вспомнив о роли, натянула на лицо скорбную маску, доверительно прошептав монахине:

— Мне приходилось делать ужасные вещи. Но я... больше не хочу так жить! — Спрятав лицо в ладонях, девушка тихонько заплакала и ее плечи мелко задрожали.

— Тише, девочка, тише, — незамедлительно принялась успокаивать девушку Сара, даже не догадывающаяся, что ее в очередной раз провели. — Тебе здесь ничего не угрожает.

— "Если бы", — с тоской подумала Элисса, вспомнив пугающего спутника барона Гирса.

Пришедшая следом мысль о том, что головорезы барона сделают с этим чудесным местом, слово раскаленным прутком обожгла девушку. Она знала — ее наниматель из тех людей, что не останавливаются ни перед чем. Если он потеряет шанс свершить задуманное тихо, то примет более жесткие и решительные меры.

— Пусть твое прошлое останется вне этих стен, но частичку его тебе все же придется принести и сюда — твое имя. Как тебя зовут, милочка? — вежливо спросила сестра-хозяйка.

Еще до того, как подойти к воротам монастыря, Элисса придумала себе другое имя, но сейчас, уловив в словах монахини какую-то иронию судьбы, она представилась по-иному:

— Матушка, упокой Альтос ее душу, назвала меня Милой.

— Прекрасное имя, дитя. Оно очень подходит тебе. — Тепло улыбнувшись, Сара добавила. — Следуй за мной, Мила.

В молчании монахиня провела Элиссу по узкому мосту, перекинувшемуся через весело журчащий ручеек, убегающий куда-то под стены монастыря, заросшие ровными кустарниками и плющом.

На одно из перил моста села яркая птичка. Наклонив крохотную головку, она принялась разглядывать людей глазами бусинками, совсем не боясь их приближения. Когда Элисса протянула к ней руку, птица, что-то возмущенно чирикнув, взмахнула крыльями и унеслась прочь, теперь облюбовав низкую ветвь нависшей над ручьем ивы.

— Многие сестры приходили к нам в таком же состоянии что и ты, — медленно произнесла Сара, скорбно вздохнув и подняв глаза к небу. — Разбитые, потрепанные жизнью, почти лишенные надежды, они будто по велению самого Альтоса устремляли свои стопы в это святое место. Я верю, что всемилостивый Бог наш направил и тебя. Но, так же как Он помог тебе отыскать этот путь, ты сама должна понять, подходит ли он тебе. Уверена ли ты, что желаешь провести остаток жизни в служении Альтосу вместе с нами?

— Да! — не задумываясь, с напускным пылом и решительностью ответила Элисса.

На самом деле она никогда в жизни не приняла бы подобного решения. Девушка привыкла всегда и во всем бороться до конца, словно кошка, когтями цепляясь за свою свободу и независимость. Запереться за стенами монастыря, отрешившись от всего и вся — это точно не для нее. Главное, чтобы этого не поняла сестра-хозяйка и остальные монахини.

— Я вижу твою решимость. Она ярким пламенем горит в твоих глазах. Но... — при этих словах Сары, сердце Элиссы замерло в груди. — Но, — повторила монахиня, ласково глядя в зеленые глаза девушки, — мы должны дать тебе время все обдумать. Поживи здесь, с нами. Почувствуй дыхание этого места. Ощути на себе взор владыки нашего Альтоса и, если ты почувствуешь, что жаждешь подобной жизни всей душой — оставайся. Если же нет — ты сможешь уйти в любой момент. Я не желаю, чтобы ты приняла слишком поспешное решение, ведь пути назад уже не будет. Ты это понимаешь, Мила?

— Понимаю, — кивнула Элисса, чувствуя, как с ее души свалился один из камней — если не придется постригаться в монахини, то так даже лучше. Главное сделать дело, прежде чем все зайдет слишком далеко, а потом быстро улизнуть из монастыря. Если все пройдет гладко, то монахини даже не поймут, что случилось. Если...

— Тогда пойдем, я покажу тебе кельи и то место, что станет для тебя домом, по крайней мере, на какое-то время, — улыбаясь, Сара повела молодую девушку за собой, вглубь принадлежащих монастырю земель.

Вновь погрузившись в молчание, они шли по дороге. Пользуясь случаем, Элисса принялась отмечать важные для себя детали: кусты, где удобно прятаться, пару мест, где высокие деревья росли близко стене, позволяя, в случае чего, перебраться на другую сторону, довольно густой плющ, который можно использовать как лестницу и расположение водоемов, чтобы ненароком не провалиться в них, если вдруг придется уходить в темноте и спешке.

Случиться могло все, что угодно и чем больше путей отступления продумает Элисса, тем лучше для нее самой. Даже мельчайшая деталь может оказаться очень важной и значимой. Следовало запомнить как можно больше — наблюдательность и внимание к мелочам — далеко не один и не два раза спасали воровке жизнь.

А жить Элиссе нравилось. Нравилось настолько, что она ни за что на свете не хотела решать себя подобной радости.

Оставив мостик с пробегающим под ним ручьем далеко за спиной, сестра-хозяйка повела Элиссу дальше, сквозь небольшой ухоженный лесок. По правде говоря, это было скорее десяток ровных рядов посаженных на одинаковом расстоянии друг от друга деревьев, между которыми зеленела короткая травка. Кое-где стояли аккуратные резные скамеечки, так вписывающиеся в окружающую их зелень, что хотелось просто сесть на них и полностью погрузиться в свои мысли.

Чуть дальше от того места где проходили Сара и Элисса, несколько монахинь как раз заняли соседние лавочки тихо, едва слышно переговариваясь о чем-то своем. Подул теплый,

приятный ветерок и зеленые кроны деревьев затрепетали под ним, распространяя по округе тихий и приятный шелест.

Элиссе пришлось призвать всю свою силу воли, чтобы не раствориться в окружающей ее гармонии и сохранить способность мыслить в нужном для дела направлении. Она несколько раз глубоко вдохнула и медленно выдохнула, стараясь, чтобы этого не заметила сопровождающая ее монахиня.

Легко встряхнув головой, Элисса отбросила за плечи непослушные длинные волосы и придала своему лицу скорбное и, в то же время, восхищенное выражение, стараясь выглядеть как та, кто, потеряв всякую надежду, увидел перед собой робкий, едва заметный проблеск новой.

— Вижу, тебе здесь нравится, — лилейным голосом произнесла монахиня, от которой не укрылись эмоции спутницы, бесхитростно отразившиеся на ее открытом и красивом личике.

— О, да, — мечтательно проворковала Элисса.

Едва они покинули созданный руками монахинь лес, как пред ними предстал сам монастырь Скедосовой пустыни. Это было невысокое, приземистое здание в два этажа. Причем верхняя деревянная часть постройки явно появилась позже, чем нижняя, выполненная из камня.

Раньше воровка не заметила этого, потому что серые стены плотным ковром устилал плющ, отчаянно карабкающийся по ним к самой покатой крыше. Быстро осмотрев здание, Элисса отметила, что на окнах нет ни решеток, ни замков. Разумеется, оставались еще подвалы — это могло быть проблемой.

— "Что ж", — про себя рассудила та, кого называли Сестрой ночи, еще раз взглянув на окна, — "по крайней мере, не будет проблем с тем, как покинуть отведенные мне... покои".

Едва они ступили на потрескавшееся от времени крыльцо, как по телу девушки растекался приятный холодок. Все здесь дышало какой-то древностью и странным, скромным величием, как бы непонятно это не звучало.

Казалось бы — обычная древняя, ничем не примечательная постройка, была пронизана вековой мудростью, непоколебимым спокойствием и безмерной добротой. Все это было незнакомо выросшей на улицах шумного города Элиссе. Здесь никто никуда не спешил, а во всей этой лишенной городской суеты благодати, не находилось и тени от мирских стремлений и убеждений. Это показалось Элиссе крайне скучным.

— Пойдем, дитя, — первой ступив внутрь монастыря, Сара осенила себя знамением Альтоса и, посторонившись, жестом попросила гостью повторить то же самое.

В точности повторив действия монахини, Элисса склонила голову в почтительном поклоне и перешагнула порог. В ноздри сразу же ударил запах старых книг, цветов, масел и свечей. Несмотря на то, что стоял солнечный день, такой, как обычно и бывают после проливных дождей, внутри монастыря горел не один десяток свечей.

— Если идти в левую сторону, то придешь к нашей часовне и храму, — пояснила сестра-хозяйка, указав рукой в широкий коридор, украшенный белоснежными тканями, символизирующими чистоту и благость намерений. — Справа у нас жилые кельи, трапезная и кухни. Если тебе нужно омыть тело, то ты найдешь купальню сразу за кельями, позже я покажу.

— А что наверху? — спросила Элисса, глядя на винтовую лестницу, уходящую на второй этаж.

— Там у нас библиотека, дитя. Ты обучена грамоте? — в голосе монахини промелькнуло любопытство.

— Нет, я не умею читать и писать, — солгала Элисса и Сара разочарованно вздохнула.

Впрочем, открытое лицо монахини недолго хранило расстроенное выражение, и она быстро сказала:

— Это не беда. Главное — желание служить Альтосу. Грамоте же тебя здесь обучат, как и всему остальному. Мы с сестрами все здесь делаем сами — у нас свое хозяйство и тебе, если захочешь остаться с нами, придется постигнуть все тяготы, как уединения, так и тяжелого труда, ибо путь, которым ведет нас Альтос, не всегда прост.

— Конечно, я готова, — смиренно склонила голову Элисса, отметив, что под винтовой лестницей есть крохотная неприметная дверь. Поначалу она хотела расспросить Сару и о ней, но решила не торопить события, чтобы не вызвать лишних подозрений.

— Я рада это слышать. Но, всему свое время, дитя. Пойдем, я покажу тебе твою келью, где ты сможешь отдохнуть с дороги. Кстати, ты голодна?

— Немного, — призналась Элисса, подумав, что этим вызовет к себе дополнительную жалость и сочувствие. — Но я не хотела бы обременять вас, — потупившись, пролепетала она.

— Не переживай. Для нас, скромных служительниц Альтоса, нет большего блага, чем помочь нуждающимся.

С этими словами, Сара повела девушку за собой, по просторным коридорам, освещенным солнечным светом, в котором мелькали кружащиеся в танце пылинки. Тени идущих вперед женщин скользили по старым стенам, от которых пахло едва ощутимой сыростью. Потертые доски пола тихо потрескивали от шагов, слабо пружиня под ногами.

Навстречу Саре и Элиссе трижды попадались другие монахини. Они уважительно кланялись сестре-хозяйке, не забывая поздороваться и с незнакомой девушкой, незаметно разглядывая ее с доброжелательным любопытством.

— Мы все живем здесь в мире и согласии, — продолжила свой рассказ Сара, когда они остановились на развилке — два пути расходились в стороны и один вел прямо. — Там у нас трапезная и кухня, — сестра-хозяйка указала себе за спину. — Там же и выход на задний двор, где мы ведем хозяйство. Если ты пойдешь прямо, то придешь к купальням, а сразу за твоей спиной — жилые кельи.

Элисса кивнула, показывая, что все поняла.

— Ты говорила, что голодна, — спохватилась Сара. — Пойдем, я отведу тебя на кухню.

— Спасибо, но я устала, так что лучше прилягу, — покачала головой воровка, которой не терпелось осмотреть свое новое жилище, в особенности окна — какие они и куда выводят.

— Тогда я попрошу одну из сестер принести еду в твою келью.

— Я была бы вам очень признательна.

— Что ты, пустяки, — почти по-матерински улыбнулась монахиня и повела спутницу к кельям.

Коридор стал заметно уже и темнее. Теперь его освещал в большей степени свет от свечей, чьи огоньки, слегка колышущиеся от сквозняка, отчаянно тянулись к потолку.

Буквально через несколько десятков шагов, по сторонам от коридора начали появляться двери. Ссохшиеся и, наверняка, скрипучие, с облетевшей краской и разболтанными ручками, они едва ли могли стать помехой для воровки уровня Элиссы, что не могло не обрадовать

девушку.

— Если тебе срочно что-то понадобится, то смело можешь зайти в любую келью — мы не запираем замков, или же позови прямо из коридора. Кто-нибудь из сестер обязательно откликнется и поможет.

Остановившись напортив одной из дверей, примерно в середине коридора, сестра-хозяйка толкнула ее, пропуская Элиссу в тесную комнатку где едва помещалась простая узкая кровать, стул и закрепленная прямо на голой стене столешница. На кровати лежал узкий матрас и колючее одеяло, на котором не было видно ни единой складочки.

— Как я и говорила, живем мы скромно, — пояснила Сара. — Главное для нас — служение Альтосу и наше духовное благополучие. Телом мы слабы и лишение всяческих благ укрепит не только его, но и наш дух. Располагайся. Скоро я пришлю к тебе кого-нибудь из сестер.

— Благодарю вас, — Элисса склонила голову, и сестра-хозяйка кончиками пальцев коснулась ее темени, быстро прошептал молитву.

— Отдыхай дитя. Возможно, вечером, после службы, с тобой пожелает поговорить наша настоятельница. Она расскажет тебе куда больше чем я и поможет определиться с выбором. Прислушайся к ней.

— Хорошо.

Еще раз улыбнувшись, Сара покинула келью и аккуратно прикрыла за собой слабо скрипнувшую дверь, оставив гостью монастыря в одиночестве. Дождавшись, пока шаги монахини растворялись в тишине и безмятежности, Элисса легла на жесткую кровать и с наслаждением, словно кошка, потянулась. Оказаться внутри получилось гораздо проще, чем она рассчитывала. Теперь оставалось разузнать, что здесь к чему, прикарманить эту проклятую статуэтку и придумать, как быть дальше.

Наматывая кончик вьющегося локона на палец, Элисса принялась разглядывать низкий серый потолок, перебирая в голове различные варианты дальнейших действий. Она, конечно, могла бы рассказать все монахиням, но это было слишком рискованно и не в стиле увлеченной воровки. В монастыре, несмотря на все его гостеприимство, она оставаться не желала.

Стало быть, как только статуэтка окажется у нее в руках — следовало поспешно убираться отсюда. При таком раскладе еще оставался подручный Гирса, а от этого мрачного типа ожидать можно всего, чего угодно. Уж таких-то Элисса видела предостаточно — хладнокровные, расчетливые убийцы. Она любят свою работу и готовы собственную мать отправить на тот свет, ради лишнего золотого. С такими шутки плохи.

Элисса подумала о том, что могла бы податься в бега. Но постоянно она скрываться не сможет, а вот у барона вполне хватит желания и средств, чтобы отравить всю ее оставшуюся жизнь.

Обращаться к страже Элисса ни за что на свете не станет. Во-первых, это претило ее профессиональной гордости, а во-вторых, узнай стражники кто она такая — сразу бросили бы в темницу.

Оставалось лишь вернуть фигурку проклятому Гирсу, а потом надеяться на то, что верткий старикан сдержит слово. А это само по себе — маловероятно. Но потом — будет потом, а сейчас следует сконцентрироваться на первостепенной задаче. Какой смысл думать, что делать с фигуркой, когда Элисса ее даже в руках не держала и в глаза не видела?

Робкий стук в дверь нарушил раздумья воровки.

— Войдите, — благосклонно позволила Элисса, сев поудобнее.

Дверь слегка приоткрылась, и в образовавшейся щели показалось совсем юное личико с чистыми, небесно голубыми глазами — все остальное скрывала просторная одежда монахини. Судя по цвету бровей, заглянувшая в келью девушка была светловолосой.

— Добрый день, — тоненьким голосом поздоровалась девушка, которой было не больше шестнадцати зим — на девять меньше, чем самой Элиссе. — Меня зовут Хэли. Меня прислала сестра-хозяйка. Я принесла еду. — Говорила девушка невнятными обрывистыми фразами, трогательно нервничая и волнуясь.

— Входи Хэли. Меня зовут Мила, — в очередной раз солгав, Элисса поднялась на ноги, оказавшись выше молодой монахини почти на голову.

Пока Элисса старательно делала вид, что утоляет голод, ее гостя молчала, сидя на краешке кровати и разглядывая носки своей поношенной обуви. Было видно, что девушку что-то гложет, но она не решается заговорить.

— Давно ты здесь, Хэли? — спросила воровка, прожевав теплый хлеб с пахучим сыром и запив это все свежим молоком из крынки.

— Я? — девушка испуганно округлила глаза. — С рождения. А вы... — она помедлила, явно пытаясь превозмочь себя и побороть робость и страх. — Вы зачем пришли сюда?

— Как сказать, — таинственно улыбнулась Элисса, прекрасно зная, как следует вести себя с подобным типом людей. Если подобрать к этой Хэли "ключ" то та сама расскажет все, что ей известно. — Наверное, я бегу от проблем. Внешний мир...

— Какой он? — с жадностью спросила Хэли, даже привстав с кровати. Ее голубые глаза блеснули любопытством, а голос предательски дрогнул. — Мир за этими стенами, какой он?

Стоило Элиссе заглянуть в эти наивные глаза, как она почувствовала жалость к бедной девочке, запертой в этих стенах с детства. Для свободолюбивой воровки подобная участь была хуже смерти, но ей удалось быстро совладать со своими эмоциями. Отодвинув поднос, Элисса легко встала из-за стола и, подойдя к так же поднявшийся Хэли, предложила:

— Может, покажешь мне, что здесь к чему? А я расскажу тебе об этом мире за стенами.

— Конечно! — Обрадовалась юная монахиня, с пылом сжав ладони гостыи монастыря. — Я все вам покажу!

"Ключ" к этой девушке долго искать не пришлось.

"Счастличик", следуя по течению широкой реки Лориан, быстро мчался на всех парусах к своей цели. Высокие стены Кирлинга уже появились на горизонте, а перед ними туда-сюда мелькали мелкие рыбацьи лодки, неторопливо проплывали баркасы и величественно скользили редкие торговые суда. Сама же река, заходя в город, раздваивалась, выводя корабли на Сафрас или же к одной из крепостей расположенной у Королевского кряжа.

Чем ближе подплывал "Счастличик", тем громче становились крики, доносящиеся со стороны порта. Да и сама команда корабля приободрилась, обрадованная долгожданной остановкой.

Они мчались по волнам шесть дней и семь ночей, без усталости следуя к своей цели и порядком устали, однако Тул не собирался давать своим людям поблажки. Уступив руль одному из матросов, он неспешно прохаживался взад вперед по узкой и мокрой палубе, заложив руки за спину и разглядывая доски под своими ногами.

— Держись правее, — приказал он рулевому. — Мы войдем в южные доки. Нам быстрее будет пройти через город, чем ждать своей очереди среди торговцев, спешащих в Сафрас.

— Понял, — живо отозвался рулевой и "Счастличик" начал плавно заваливаться на бок.

Обойдя несколько крупных судов, корабль Тула мчался навстречу докам, постепенно теряя скорость. Когда справа начала тянуться крепостная стена, "Счастличик", и вовсе, замедлил ход, плавно притершись обшарпанным боком к низковатой для него пристани. С борта полетели канаты, а, когда корабль притянули к помосту, с него спустили крепкие сходни.

— Все, собираемся, — хрипло скомандовал первым сошедший на пристань Тул. — На борту никто не остается. Все идут со мной. Берите сундук и на пристань! Твою!.. — он отпрыгнул назад, когда рядом с ним бесшумно приземлился прыгнувший прямо с борта Тенро.

Черный плащ взметнулся, на миг, скрыв фигуру мужчины, и затрепетал под резким порывом ветра. Тенро втянул носом воздух, пропитанный всевозможными запахами большого города, и поморщился — пахло, в основном, тухлой рыбой, потом и смолой.

— Не делай так больше, — предупредил странного спутника Тул и сразу же отвлекся на низкорослого человека, спешащего к нему со всех ног.

— Господин Тул, — запыхавшийся крепыш, примчавшийся со стороны города, тяжело оперся пухлыми ладонями на колени, стараясь выровнять дыхание.

— Что?

— Недавно прилетела птица от нашего общего знакомого, — мужчина не назвал имя Трига, но его собеседник и так понял, о ком идет речь.

— Что? — с той же интонацией, но чуть более раздраженно, повторил свой вопрос Тул.

— Он сказал, что его прижала стража и Ищущие, так что он умывает руки...

— Что?! — прежде чем посыльный успел растерянно моргнуть, взбешенный Тул схватил его за грудки и приподнял над землей.

Причин для злости у бывшего пехотинца мигом стало хоть отбавляй. То, что Триг

"умывает руки", означало, что он вышел из дела, предварительно сдав своих подельников. Ладно бы на контрабандиста вышли простые стражники, но Ищущие... тут явно что-то не чисто. А этот седой проныра просто взял и сдал им Тула и его команду со всеми потрохами!

Мысленно пообещав поквитаться со старым знакомым, Тул, шумно выдохнув, спросил:

— Как давно пришла птичка?

— Вчера днем, — выпалил посыльный, отчаянно болтая ногами в воздухе.

— Значит так, — в голове у Тула сразу же родился один рискованный, но замечательный план. Если Триг вышел из игры, то все карты на руках у Тула. Да, теперь о нем знают Ищущие, но если он успеет обставить дельце сам, да еще и быстро, то сможет просто потеряться где-нибудь за морем. Эта мысль очень понравилась мужчине, и он даже поставил посыльного на пол.

— Что будем делать? — сдавленно пискнул тот, потирая горло, плавно переходящее во второй подбородок.

— Ты останешься здесь, — решил Тул. — Продашь корабль. Особо не торгуйся, сделать все надо быстро. Потом, вместе с деньгами, забьешься в самую глубокую нору в этом проклятом городишке. Я все проверну сам, а после найду тебя. Понял?

— Да, — подобострастно закивал толстяк. Он делал это так усердно, что еще бы чуть-чуть и его круглая голова могла бы попросту отвалиться.

— Только о нашем разговоре — никому, — шепнул Тул, оглядев свою команду, как раз спускающуюся на пристань. Взгляд бывшего пехотинца задержался на фигуре в черном плаще.

Тенро стоял довольно далеко, чтобы слышать разговор двух мужчин. По крайней мере, так подумал Тул. При нынешнем раскладе ему понадобится каждый клинок, но этот человек, убив Малто, лишний раз доказал, что доверять ему нельзя.

За время путешествия Тул так и не понял, что творится у этого странного парня в голове и это его порядком нервировало. Очень погано иметь под боком человека, за несколько мгновений способного отправить на тот свет бывшего вояку и не знать, что у него на уме.

— Тенро, — позвал Тул. — Подойди.

Когда мужчина в черном плаще бесшумно приблизился, бывший пехотинец представил ему посыльного:

— Этой Рик. Он много чего тут знает и расскажет тебе о доме. Потрещите пока, а я соберу ребят. Нужно кое-что сказать. — Оставив этих двоих, Тул поспешил к команде.

— Зеленые поляны. — Отрывисто бросил Тенро, не мигая, глядя в глаза побледневшему посыльному.

Грузный мужчина попробовал отстраниться, но ему не позволили.

— Что... что вам надо?! — тоненько пискнул Рик, судорожно сглатывая. Он не мог отвести взгляда от зеленых глаз незнакомца и огоньки, плясавшие в них, вселяли в душу посыльного суеверный ужас. Он будто смотрел в глаза собственной смерти.

— Все что ты знаешь о Зеленых полянах. Быстро. — Тенро легонько встряхнул толстяка.

— Это... это деревня! — затараторил Рик. — Недалеко от кряжа, была... — он виновато улыбнулся, но по глазам жуткого собеседника понял, что тот не удовлетворен ответом. — Говорят там резня случилась. Все погибли от клыков измененных. Никто не выжил.

— Как мне попасть туда?

— Никак, господин, — проямлил посыльный, чувствуя, как у него во рту все пересохло, а глаза защищало от выступившего на лбу и теперь стекающего по густым бровям

пота. — Там Ищущие все выжгли подчистую. Все вокруг предали огню и крепость построили. Говорят мол, через пещеры в кряже можно выйти к Застывшему лесу. Так что никак вам туда не попасть. Никого Ищущие с солдатами не пускают. Да и на что там смотреть — пустыри да стена каменная вдоль кряжа.

Тенро задумался. Трясущийся человек перед ним не лгал, а это значило, что если даже он доберется до Зеленых полян, то найдет там лишь пепел своего прошлого. Последняя ниточка, ведущая к его воспоминаниям — оборвалась.

Пальцы Тенро сжались, впившись в плечо посыльного. Только жалобный писк Рика вывел Тенро из состояния задумчивости, и он ослабил хватку.

— Что ты еще знаешь? Имена? Кто жил в деревне?

— Не ведаю, господин. Да и кто знает?! Там даже опознать добром никого не смогли. Только старосту, по увечьям да знаку пехоты, что с войны остались.

— Старосту? — Это слово обожгло слух Тенро, и он жадно ухватился за него. — Кто он?

— Говорю же, — взмолился Рик, ужом пытаясь выскользнуть из стальных тисков, в которые вновь обратились пальцы удерживающего его мужчины. — Может на могиле написано, не знаю...

— Могила? Где?!

— Селос! — Едва не взыв от боли, процедил сквозь зубы Рик. — Монастырь! Сселосова пустынь! Всех жертв похоронили там.

— Как мне туда попасть?

— Я покажу, — Жесткая ладонь Тула легла на запястье Тенро. — Отпусти его. У нашего общего знакомого еще много дел. Я покажу тебе, где монастырь, клянусь.

Только после этих слов пальцы Тенро разжались и Рик, бормоча слова благодарности, поспешил прочь. Лишь единожды он затравленно обернулся, потирая ноющее плечо но, стоило ему встретиться взглядом с мужчиной в черном плаще, как посыльный ускорил шаг, растворившись в пестрой толпе снующего туда-сюда люда.

— Я уже понял, что деньги тебя не слишком интересуют, да? Свою долю ты, разумеется, получишь, как только мы сделаем дело, а потом я покажу тебе, где монастырь. Нам как раз по пути туда, — Тул широко улыбнулся, всем своим видом демонстрируя спокойствие и дружелюбность. — Доведем сделку до конца, как договаривались, а дальше — возмешь свою долю, лошадь и я сам покажу тебе дорогу, что приведет тебя прямо к воротам монастыря. Так и распрощаемся. Идет?

— Идет, — Тенро скупно кивнул.

— Вот и славно, — потер ладони Тул. — Вижу, тебе не терпится отправиться в путь. Что ж, не буду юлить — мы, тоже, торопимся. Так что пойдем, нас все ждут.

Старый пехотинец пошел первым и Тенро тенью заскользил следом за ним. Он то и дело внимательно смотрел по сторонам, жадно выискивая любые детали, которые могли бы пролить свет на его затянутое туманом прошлое. Но город казался страннику чужим, не знакомым, по крайней мере, пока.

Тул с людьми быстро шел по людным докам, наполненными суетой и шумом. Кто-то только что приплыл, а кто-то, наоборот покидал беспокойный город, отправляясь в очередное плавание. Резко пахло рыбой и, объезжая людской поток, слева проехала телега, груженная свежей широлью, — длинной рыбой, водящейся в реке Лориан. Двое сидящих в повозке мужчин увлеченно спорили, где им лучше сбыть товар, пока тот не начал портиться.

Телега неспешно набирала ход, оставляя за собой влажный след и неприятный запах рыбы. Тул грязно выругался и повел людей правее, так, чтобы между ними и отрядом патруля встали три прилавка с овощами, хлебом и какой-то зеленью. Нирт сразу же юркнул к торговцам, чтобы потом нагнать Тенро:

— Держи, — парень с улыбкой протянул спутнику мягкую, еще теплую булочку, пахнущую свежей сдобой и еще чем-то пряным.

— Спасибо, — Тенро принял угощение, сразу же впившись в него зубами.

— Вкусно, да? Все знают, что в Кирлинге лучшая выпечка! — Говоря об этом, Нирт выглядел так, будто это лично его заслуга.

Парень важно шмыгнул носом, неуклюже поправив ножны с мечом, которые шли ему примерно, как корове пятая нога. Худой и нескладный, он был просто не создан для того, чтобы носить оружие. Даже когда он похлопал по рукояти меча, это выглядело, будто парень пытается погладить собаку, которую до смерти боится.

Тенро заметил все это быстро, ровно так же, как и походку Нирта и его движения. Парень не был воином и, вероятно, никогда им не станет. В нем не ощущалось никакой природной агрессии, стремительности и желания держать в руках оружие.

— "Такой не вернулся бы с войны", — отчего-то подумал Тенро и сам удивился таким мыслям. Почему он вообще подумал об этом, да еще с такой уверенностью? Ища ответ на этот вопрос, он взглянул на беззаботного юношу, вышагивающего рядом и уплетающего сдобную булочку за обе щеки.

— Что? — даже не прожевав, спросил Нирт. — Что-то не так?

— Давно ты в команде? — Взглядом Тенро указал спутнику на шагающих рядом мужчин, во главе с мрачным, словно дождливая туча, Тулом.

— Почти три месяца, — важно ответил Нирт, положив ладонь на украшавшее рукоять простого меча яблоко. Этот жест получился скорее смешным, нежели пугающим, или даже просто внушительным.

Почувствовав это, парень смущенно убрал руку от оружия и сунул в карман.

— Правда, я пока еще не был в настоящем деле, понимаешь? За все время я лишь раз плавал сюда и все. А так — драил палубу, да занимался всякими мелкими вещами. Хорошо, что коз еще пасти не заставили...

— Коз? — Снова что-то всколыхнулось в памяти Тенро.

— Коз, — обреченно выдохнув, кивнул парень, заглядываясь на смуглую девушку, торгующую красными яблоками на углу улицы. — Я в детстве пастухом был. Фу, даже вспоминать не хочу прошлую жизнь. Но вы, вряд ли, меня не понимаете — сначала охотником были, а потом вообще, в "Черных стрелах" служили. Здорово, наверное!

— Наверное, — не стал спорить Тенро, но спутник расценил его слова как шутку и довольно хмыкнул.

— Хватит лясы точить, — Тул поравнялся с разговаривающими мужчинами. — Незачем лишнее внимание привлекать. Просто идите за мной. Молча. Да по сторонам глядите — увидите кого подозрительного, включая стражу — сразу ко мне. И шагайте ближе к остальным, чтобы сундук было не видно.

— Понятно, — с готовностью отозвался Нирт, для которого все происходящее выглядело как интересное приключение.

Тенро не разделял радости молодого человека, так как четко уловил в голосе Тула некую нервозность и волнение, обратившиеся в злость. Что-то его сильно тревожило, и

бывший пехотинец не убирал мозолистой ладони с рукояти меча.

Тенро украдкой взглянул на татуировку пехотинца, всегда казавшуюся ему знакомой, но снова не смог вспомнить, когда и где видел ее прежде.

Как и остальные, Тенро пошел так, чтобы прикрывать собой двух мужчин, несущих сундук. Судя по лицам и походкам моряков, ноша у них была не тяжелой, но они, отчего-то, держались очень напряженно. Причиной этому послужили два отряда стражи, стоявшие справа и слева от высокой арки. Они останавливали всех, у кого при себе был какой-либо груз и не важно, обычный ли это тук или же целая повозка.

Кстати говоря, груженная широлью телега, только что отъехала от стражников и теперь те посвятили все свое внимание группе людей, быстро приближающихся к ним.

Шагающий впереди Тул жестом попросил своих людей остановиться и с широкой улыбкой выступил навстречу коренастому мужчине, чьи блестящие на солнце доспехи выглядели новее и дороже чем у остальных солдат.

Мужчины обмолвились всего парой слов, после чего пожали руки и только Тенро заметил, как золотая монета лишь на миг блеснув на солнце, перекочевала из одной ладони в другую.

Крепыш сразу же заулыбался, будто встретил старого друга, после чего вдруг подобрался, быстро развернулся к своим людям и резким жестом указал им на удаляющуюся телегу, выкрикнув короткий приказ. Солдаты бросились следом, а их командир просто отвернулся от Тула, потеряв к нему всякий интерес.

— Быстрее. Проходим! — Бывший пехотинец первым поспешил вперед. Остальные последовали за ним.

Неожиданно пестрая мелькающая толпа растворилась, словно по волшебству. Шум и гам остались позади, вместе с запахами доков, суеющимися людьми, и солдатами стражи, остановившими злополучную телегу. Теперь, под пристальным надзором командира, они тщательно копались в сырой рыбе, выискивая несуществующую контрабанду.

Оглядевшись, Тенро увидел, что их отряд уже миновал высокую арку, по сторонам от которой покоились мощные, укрепленные сталью створки ворот, отсекающие порт от остального города.

С этой стороны, так же, стояла охрана, но им уже не было дела до тех, кто входит в город. Этих стражей порядка интересовали лишь те, кто собрался по тем или иным причинам покинуть Кирлинг.

— Идем к западным воротам, — повернувшись вполоборота, бросил Тул. — Там я постараюсь найти нам лошадей и повозку. — Идем быстро. Смотрим по сторонам. Не останавливаемся. — Говорил он коротко и быстро, как и подобает человеку привыкшему отдавать и исполнять приказы. Пожалуй, эта черта в старом пехотинце была Тенро по душе, чем-то напоминая ему о прошлом.

Странник слушал Тула вполуха, наблюдая за мужчиной в кожаном длинном плаще, под которым сверкала отполированная до зеркального блеска кираса. Он медленно расхаживал взад вперед по улице, лениво поглядывая на копошащийся рядом с портовыми воротами люд. Невыразительное, незнакомое, плосковатое, обрамленное темными волосами лицо мужчины не обладало отталкивающими чертами, он от одного взгляда на него, Тенро охватывала непонятная злоба. Причин для нее не было, но чувство от этого слабее не становилось.

— Измененного тебе в кишки, Ищущий! — Тихо прорычал Тул, тоже заметив мужчину в

сверкающей кирасе, чью одежду украшали символы Альтоса. — Вот кого не хватало-то. Аккуратнее, парни.

Но Ищущий даже не взглянул в их сторону. Его внимание привлек шум, поднятый стражниками обыскивающими груженую рыбой телегу. Перед тем, как скрыться за аркой, Ищущий, будто услышав отголоски слов Тула, запоздало обернулся, но его взгляд успел лишь скользнуть по лицу пехотинца, после чего их скрыли друг от друга две выючных лошади и их хозяева.

— Ходу! Не стоим.

Отдав приказ, Тул резко свернул вправо. Петляя между людьми и повозками, он устремился к углу улицы, где за палатками торговцев возвышался ровный ряд невысоких домиков. Бесцеремонно расталкивая случайных прохожих, команда "Счастливчика" поспешила следом за командиром. Едва нырнув в спасительную тень между домами, Тул замедлил шаг, немного отстал от своих людей и осторожно выглянул из-за угла, проверяя, не увязался ли кто следом.

— Ух, — шумно выдохнул Нирт. — Едва не попали...

— Заткнись, — оборвал его тип с рассеченным шрамом лицом. — Не радуйся раньше времени, беду накличешь!

— Заткнулись оба! — Тул вновь занял место во главе отряда. — Пасти на замки и идем за мной. Кут, Дерко, ваш черед нести груз.

Ящик перекочевал из одних рук в другие, после чего отряд продолжил путь. На этот раз они двигались узкими улочками, и Тенро ничего не мог разглядеть, кроме нависших с двух сторон домов, тянувшихся почти непрерывными рядами. Тул то и дело отставал, но быстро догонял остальных, уверенно находя путь в этом каменном лабиринте.

Тенро изредка поглядывал на узкую полоску неба над головой, единственное, что подсказывало ему, сколько времени они бродят среди домов и задних дворов. Когда солнце прошло свою полуденную отметку, а городской шум начал нарастать, Тул решил вывести своих людей на широкую улицу в том месте, где та расходилась в две стороны.

Одна из вымощенных брусчаткой дорог упиралась в огромную постройку, чья высокая башня, казалось, старалась дотянуться до редких белых облачков, чтобы поймать одно из них за пушистый бок. Ослепительно белые стены, с узкими, но длинными окнами, украшенными яркими витражами блестели на солнце, а все пространство перед постройкой было забито людьми.

Вторая дорога, петляя между выступающих на нее домов, выходила к воротам. Металлическая решетка была поднята, а створки открыты настежь и единственной преградой, не позволяющей просто так войти в город, являлась стража. Здесь, правда, в отличие от порта, солдаты почти никого не останавливали. Они лишь провожали прохожих ленивыми взглядами, да непрерывно зевали.

Тул повел своих людей к этим воротам но, не дойдя до них, остановился рядом с одной из построек. Двухэтажный дом чем-то напомнил Тенро таверну Трига "Полосатый кот" — большой, обнесенный высоким забором двор, откуда доносилось лошадиное ржание и приглушенные голоса. Приветливо распахнутая калитка слабо раскачивалась на ветру, который выносил наружу запах пищи и лошадиного пота.

— Меня ждите во дворе, — хрипло приказал Тул, стряхивая со лба капельки пота. — Старайтесь не привлекать внимания. Я быстро.

Оказавшись по ту сторону забора, команда "Счастливчика" разместилась в тени,

неподалеку от призывно распахнутой калитки. Мужчины уселись прямо на землю, уставшие после плавания и долгого пешего перехода. Только Тенро остался стоять, чем заслужил одобрение переводящего дух Нирта:

— Вы будто и не устали вовсе, — вымученно улыбнулся парень, с нескрываемой завистью глядя на спутника.

— В прошлом приходилось много ходить, наверное, — безучастно отозвался Тенро, наблюдая за парой шатающихся мужчин, в нерешительности застывших у входа внутрь дома.

— Все охотники такие выносливые?

— Не знаю, — мужчина в черном плаще пожал плечами, а кто-то из его спутников презрительно фыркнул, сплюнув на землю.

Для Тенро не было секретом, что его обществу здесь рады далеко не все, но его это абсолютно не заботило. Он не переставал размышлять о своем проломе, принимая настоящее, как должное.

Охотник не искал чьей-либо дружбы, он жаждал найти самого себя, а для этого ему следовало как можно быстрее добраться до Скелосовой пустыни. Таковой являлась его единственная цель.

Еще раз взглянув на солнце, чей дневной жар уже пошел на спад, Тенро нетерпеливо переступил с ноги на ногу и перевел взгляд на двери, за которыми ранее скрылся Тул. Мужчины не было довольно долго, а это шло в разрез с планами охотника.

— Эй, Нирт, — подал голос мужчина со шрамом через все лицо, которого, кажется, звали Пит. — Сходи, попроси у трактирщика воды, что ли...

— Тул сказал ждать его здесь, — заупрямился паренек.

Он взглянул на Тенро, ища его поддержки, но того не интересовали взаимоотношения в отряде и он явно не собирался вступаться за недавнего знакомца. Осознав это, Нирт даже пожалел, что потратил деньги на булку, для этого неблагодарного охотника но, по определенным причинам, решил ему этого не говорить.

— А я сказал — принеси нам попить, малой, — с нажимом повторил Пит и Нирт нехотя встал на ноги.

— Сейчас-сейчас, — недовольно буркнул он и поплелся к дверям.

Едва парень поднялся на ступени, как сразу же привлек внимание двух стоящих у входа мужчин. Когда Нирт проходил мимо них, то один из них наклонился так, чтобы парень столкнулся с ним плечами, после чего, заплетающимся языком послал проклятье в адрес "слепого щенка".

— Простите, — пробормотал Нирт, пытаясь проскользнуть между оживившимися мужчинами, но те живо преградили ему путь.

— Не так быстро, приятель — с туповатой улыбкой сказал тот, кого парень случайно задел плечом и Нирту в ноздри ударил запах медовухи. — Ты меня оскорбил, но я забуду об этом, если ты купишь мне и моему другу выпить!

— О, гляди, — Пит даже привстал, наблюдая за разворачивающейся картиной. — Сейчас начнется что-то интересное.

— Может, вмешаемся? — вяло предложил один из матросов "Счастливого", но Пит дернул головой:

— Нет. Тул велел ждать здесь, а паренек не послушался и сейчас поплатится за это.

— А ты — злодей! — Одобрительно заржал матрос.

— Еще какой, — с улыбкой отозвался Пит, словно благодаря приятеля за

комплимент. — О, вот сейчас!

Стоило Нирту повернуться к спутникам в поисках помощи, как один из стоящих в дверях мужчин замахнулся, метя кулаком точно в ухо растерявшемуся пареньку.

Тенро действовал повинуюсь внезапному порыву, взметнувшись из глубины души. С быстротой молнии он буквально влетел на крыльцо и один из любителей дармовой выпивки взвыл, когда его занесенная для удара рука выгнулась под неестественным углом.

Удар в кадык заставил вопящего мужчину замолчать и, тщетно пытаясь вдохнуть, сползти по стене. С грязной руганью его приятель схватился за нож, но так и не успел вытащить оружие из-за широкого пояса. Кулак Тенро врезался ему в нос, жалобно хрустнувший от удара и мужчина, отдернув голову назад, врезался затылком в приоткрывшуюся дверь.

Вцепившись рукой в горло стонущей жертве, охотник рывком поднял ее одной рукой, другой вытаскивая принадлежащий мужчине нож.

— Тенро... — остолбеневший Нирт с ужасом наблюдал, как в глазах охотника начинает разгораться яркое зеленое пламя.

— Хватит! Довольно! — Выскочивший из таверны Тул ухватил Тенро за запястье, удерживая его от удара, который, несомненно, оказался бы последним для жалобно скулящего мужчины со сломанным носом.

Поначалу охотник хотел сбросить чужую ладонь но, бегло взглянув на татуировку меча и щита, замер. Он по-новому взглянул на символ на загорелой руке, только сейчас осознав, что, действительно, уже видел его раньше. У кого-то близкого Тенро был точно такой же... но у кого?

— Хватит, — повторил Тул и с облегчением вздохнул, когда охотник выронил нож, воткнувшийся в доски крыльца.

Тенро разжал пальцы другой руки и его несостоявшаяся жертва, чье лицо заливала кровь из разбитого носа, рухнула к ногам охотника.

— Вас вообще оставить нельзя, — Тул подтолкнул спутников к лестнице. — Я договорился — нам дадут две повозки, лошадей и припасов. Пришлось ждать возвращения хозяина этой дыры, а потом долго торговаться, но ничего! Дело у нас сладилось, так что теперь успеем на место в срок. Что у вас тут произошло-то? — Он обернулся на тщетно пытающихся подняться мужчин.

— Да так... ничего, — Нирт виновато улыбнулся, с опаской покосившись на охотника.

— Прямо таки и ничего? — недоверчиво сощурился Тул, пытаясь рассмотреть сокрытое капюшоном лицо охотника.

— Ничего, — хладнокровно подтвердил Тенро.

— Ладно, измененный с вами, парни. Пошли. — Тул жестом поманил всех за собой, обходя здание таверны. — Коней уже запрягают. Скоро поедем.

Пропустив остальных членов команды "Счастливого" вперед, Нирт пошел рядом с охотником, на ходу шепнув ему:

— Здорово вы их.

Тенро не ответил, и парень решился задать мучавший его вопрос:

— А глаза... они у вас всегда такие яркие?

— Что? — охотник выглядел удивленным и Нирт, порывшись в сумке, вытащил оттуда небольшую полированную миску. Подышав на нее и протерев грязным рукавом, он протянул ее Тенро.

Мужчина в черном плаще, не говоря ни слова, взял миску и поднес ее к лицу. Сбросив капюшон, он уставился на свое мутное и размытое отражение — с гладкой поверхности на него смотрела пара неестественно ярких глаз. Тенро встряхнул головой и несколько раз моргнул — его глаза погасли, снова став обычными.

— И что это было? — шепотом поинтересовался сгорающий от любопытства Нирт.

— Не знаю, — честно признался охотник и его голос дрогнул.

* * *

Хэли оказалась удивительно общительным и открытым человеком. За свою жизнь Элисса таковых почти не встречала и была приятно удивлена, ведь она почти утратила веру в людскую доброту и понимание, а теперь воочию наблюдала безупречного образчика этих, сейчас почти утраченных, добродетелей.

Буквально с первых мгновений знакомства Хэли стала считать Элиссу едва ли не своей родной сестрой, без утайки рассказывая ей все, что только знала сама. Воровке это было только на руку, поэтому она внимательно слушала рассказы девушки, посвящающей ее в тонкости монастырской жизни.

Так Элисса узнала, что всего в монастыре живет шесть с половиной десятков сестер и у каждой из них свои обязанности. Хэли, к примеру, вместе с еще пятью сестрами отвечает за сад. Им как раз нужна была седьмая помощница и Элисса, не раздумывая, согласилась. Во-первых — она всегда будет рядом с бесценным источником знаний о монастыре в лице разговорчивой простушки. Во-вторых — сад раскинулся вокруг монастыря, что давало возможность лучше узнать, что здесь к чему. И, в-третьих — монахини часто гуляют по саду, а значит, есть возможность услышать что-нибудь интересное.

Да и сама Элисса будет всегда на виду и быстрее примелькается в Скелосовой пустыни, пусть и ненадолго, но став ее частью. Это же давало воровке и идеальное прикрытие — всегда можно сослаться, что выдирала сорняки где-нибудь в уединенном местечке.

Наверняка, у Хэли не вызвало бы подозрительности и появление изрыгающего пламя дракона, но, все же, Элисса решила не рисковать и раньше времени не сильно нагружать новую подругу расспросами.

Излишняя спешка может только навредить. Поэтому Элисса чередовала вопросы со своими рассказами о мире за стенами монастыря, которые Хэли слушала с жадностью, почти не дыша и даже не шевелясь. Глаза юной монахини святились такими мечтами и надеждами, что Элиссе стало ее немного жалко. Она понимала, что Хэли вряд ли, когда-нибудь сможет познать мир, отличный от своего.

И это к лучшему. Арстерд не знает жалости и такой открытый и наивный человек, как Хэли, просто станет для него пищей. Охваченное войной королевство пожрет эту крохотную беленькую овечку и даже не заметит, когда ее не станет.

Но самой Хэли лучше об этом не знать. Пусть и дальше живет мечтами в своей уютном и тихом мирке, где ей ничего не грозит.

— Вот бы и мне побывать в столице, — прикрыв небесно-голубые глаза, проворковала Хэли, когда они с Элиссой вернулись в келью воровки после обхода территории монастыря. — Я так хочу увидеть мир! И не только наше королевство — мне интересно, как живут наэрцы. Ведь я никогда прежде не видела ни одного из них. Говорят, что их волшебницы, флэриэ — невероятно красивы. А живут дети Леса в домах, что вырезаны в толще вековых деревьев!

— Этого я не знаю. Но какие твои годы, — улыбнувшись, солгала Элисса, чувствуя

легкий и укол почти позабытой совести. — Еще успеешь везде побывать и все посмотреть.

— Может быть, — обрадовалась было юная монахиня, но сразу же погрузилась. — У меня в детстве было слабое здоровье, и я не уверена, смогу ли пережить такой долгий путь. Старшая настоятельница часто говорит, что я слишком много витаю в облаках, и мне следует больше времени уделять молитвам и размышлением над своими поступками. Я стараюсь, но меня все равно тянет за стены. Даже когда я молюсь, то прошу Альтоса позволить мне увидеть мир, с детства сокрытый от меня.

— Тогда побольше отдыхай и набирайся сил. Если хочешь когда-нибудь отправиться в путешествие, то тебе следует быть к нему готовой. Никогда не знаешь, когда именно тебе выпадет шанс изменить свою судьбу. Может завтра? Тогда прямо сегодня нужно как следует отдохнуть и выспаться, — посоветовала Элисса. Сейчас воровке нужно было многое обдумать в одиночестве, о чем она и мягко намекнула Хэли.

На счастье Элиссы, монахиня оказалась очень сообразительной:

— Что ж это я! — спохватилась Хэли. — Вы ведь проделали долгий путь и, наверняка, устали! Вам самой нужно отдохнуть, а я тут донимаю вас расспросами! Только о себе и думаю, а ведь это грех перед Альтосом!

— Ничего страшного. Мне приятно общаться с тобой, Хэли. Но, ты права, я немного устала и хотела бы прилечь, а завтра мы продолжим наш разговор. Обещаю.

— Тогда завтра утром я зайду за вами. Мы вместе пойдем на утреннюю молитву, потом на завтрак и в сад! — Оживилась Хэли.

Уже перешагнув порог, она запоздало добавила:

— Если вы не против, конечно. — В ее глазах было столько надежды, что ее хватило бы и на взвод обреченных на смерть солдат. Когда на тебя кто-то так смотрит, отказать практически невозможно.

— Я согласна, — благосклонно кивнула Элисса.

— Тогда до завтра, Мила, — ослепительно улыбнулась монахиня, напоследок сказав:

— Моя келья последняя по коридору, налево. Если что-то понадобится — обращайтесь в любое время. Добрых снов, сестра и да хранит тебя Альтос.

— И тебя, — закрыв дверь за Хэли, Элисса некоторое время стояла неподвижно, слушая звуки удаляющихся легких шагов, после чего вернулась к кровати и с облегчением растянулась на ней.

Что ж, для первого дня все складывалось довольно таки неплохо. Элисса была не из тех, кто радуется случайно удаче. Она не любила делить шкуру неубитого медведя, оставляя радость на тот момент, когда дело будет сделано.

Сейчас следовало сосредоточиться и довести все до конца — права на ошибку нет. Нужно втереться в доверие к монахиням и по-тихому стянуть фигурку, после чего навсегда оставить это место за своей спиной. Желательно провернуть все до того, как ее сочтут достойной и постригут в монахини.

Представив себя в благопристойном образе, коленопреклоненно молящейся Альтосу о его милости, Элисса едва не рассмеялась во весь голос. Некогда она еще не играла роли монахини. Это было неожиданно и, пожалуй, даже интересно.

Кости Нирта ныли, а сам он ни на мгновение не прекращал проклинать Тула. Разумеется, делал он это про себя, чтобы никто не слышал. Внешне же парень старался выглядеть бодрым и неунывающим, вот только получалось у него, мягко говоря, не очень убедительно.

Трое суток тряски в телеге утомили команду "Счастлищика", но Тул был неумолим. Две телеги, запряженные четверкой лоснящихся от пота лошадей, практически не останавливались и, если животных бывший пехотинец еще жалел, то с людьми был предельно строг. В короткие остановки, Тул заставлял всех, кто не ухаживал за лошадьми, чистить и точить оружие. Каждый привал люди менялись, предоставляя другим заниматься клинками и броней.

У Нирта, кажется, уже мозоли натерлись от давящей на плечи кольчуги. Хорошо хоть арбалет можно было просто положить на колени, да и меч в ножнах не так тянул его вниз, когда молодой человек сидел.

Если бы еще не палящее солнце — было бы проще, а так броня быстро раскалялась под беспощадными лучами. Нирт чувствовал, будто его варят заживо, причем весьма изощренным способом — замариновав в собственном поту.

Кольчуги, кстати, Тул обязал всех надеть заранее. Ему удалось уговорить даже Тенро, который, по мнению Нирта, с каждым днем выглядел более "живым". Странный охотник не стал более разговорчивым, но теперь в его взгляде отражалось меньше отрешенности, да и кожа перестала быть такой бледной.

После выезда из Кирлинга, Нирт заметил, как спутник задумчиво разглядывает прядь своих темных волос, словно видит их впервые. Когда же парень спросил охотника, в чем дело, тот, пожав плечами, выпустил прядку из пальцев и медленно произнес: "Кажется, они были светлее".

Больше в тот день он не проронил ни слова.

Вот и все. И понимай его после, как хочешь.

Вчера Нирту удалось поговорить с Тенро дольше — Тул определил их двоих ухаживать за лошадьми во время привала, а потом парень сел в телегу рядом с охотником. Нирта распирало от любопытства, и он засыпал спутника вопросами и иногда тот даже отвечал на них. Правда, не всегда.

Зачастую Тенро просто погружался в себя, уставившись в одну точку, словно что-то вспоминал. Тогда его взгляд становился отчужденным и пугающим, но ненадолго.

После случившегося в Кирлинге, Нирт побаивался охотника. Однако, увидев, что лошади спокойно относятся к человеку в черном плаще, парень немного успокоился. Животное не обманешь, а если уж лошадки не боятся охотника, то и ему опасаться не стоит.

Глядя на то, как самый молодой член команды запросто говорит с новичком, остальные мужчины перестали относиться к Тенро с осторожностью. Кажется, их даже не слишком заботил тот факт, что охотник отправил их товарища на корм рыбам. Как оказалось позже — Малто вообще никому не нравился и никто не держал на Тенро обид за содеянное.

— Придурок сам наварлся, — однажды сказал Тул и все согласно поддержали его, окончательно приняв Тенро в команду.

Вот только самому охотнику было это безразлично. Пусть он и стал обращать больше

внимания на окружающих людей, его все равно больше интересовало собственное прошлое. Тенро окончательно убедился, что раньше был охотником и что имя, которым он назвался — принадлежит именно ему.

Разузнав у Нирта о "черных стрелах", Тенро открыл еще оду часть себя, и эта часть принадлежала убийце. Это объясняло, почему он так легко обращается с оружием и, не задумываясь, отнимает чужие жизни.

Еще ему была знакома татуировка Тула. Но, узнав о ее происхождении, Тенро так ничего и не понял. Он готов был поклясться, что в тот момент, когда в Кирлинге, старый пехотинец удержал его от убийства, он почувствовал, что уже переживал нечто подобное однажды.

Но пока что эта нить, ведущая к потерянному прошлому, обрывалась.

Еще оставался Нирт. Он кого-то напоминал охотнику. Кого-то знакомого и теперь потерянного, оставшегося в затянутом туманом прошлом.

Изо дня в день Тенро копался в своей памяти, но все было безрезультатно. Тогда он принял решение больше узнать об окружающем мире, таком знакомом и одновременно чужом.

Охотник начал больше общаться с окружающими людьми. В основном с Ниртом, так как парень был, пожалуй, самым разговорчивым из всех. Из него не приходилось тянуть каждое слово, хотя порой это порядком и утомляло.

Вот и сейчас, когда третий день пути стремился к закату, Нирт, не умолкая ни на мгновение, рассказывал Тенро о войне Арстерда с Наэрой. Охотник слушал, не перебивая, глядя в тянувшийся за бортом телеги лес. В тени деревьев он видел неясные картины множества боев, через которые когда-то прошел. Глаза сов, напоминали сверкающие золотом глаза детей Леса, а пение каких-то птиц в самой чаще, успокаивало, убаюкивало и казалось знакомым, как и все вокруг. Мерное покачивание телеги, фыркание лошадей и тихий разговор наполняли сердце мужчины какой-то позабытой теплотой и спокойствием. Тенро даже подумал, что сейчас отчетливее ощущает его биение в своей груди, чем раньше.

— Слушайте! — Нирт щелкнул пальцами, привлекая внимание задумавшегося охотника. — Если Вы недавно вернулись с войны, получается, что и с измененными воевали?!

— Измененными? — переспросил Тенро.

Он уже не однократно слышал это слово, часто используемое Тулом в качестве ругательства или очередного проклятья, которыми он все чаще сыпал по поводу и без. Тенро беззвучно, одними губами повторил это слово еще раз, словно пробуя его на вкус. Вкус оказался горьким, затхлым, с запахом плесени, крови и ненависти.

— У них глаза горят, как... — перейдя на шепот. Нирт осекся, с опаской взглянув на соседей по повозке. — Прямо как у вас, тогда, в Кирлинге. Мне ведь не показалось? Это из-за того, что вы их много убили, да?

— Измененные, — не слушая парня, Тенро вновь повторил слово, от которого теперь начало веять могильным холодом.

Он повернулся к Нирту так резко, что тот вздрогнул, едва не упав с телеги.

— Расскажи мне о них подробнее, — попросил охотник и его глаза холодно блеснули в слабых лучах почти скрывшегося за горизонтом солнца.

— Да я сам не так много знаю, — нехотя признался Нирт, шмыгнув носом и зябко поежившись. — За кряжем есть лес, его Застывшим называют. Вот оттуда эти измененные

прут. Говорят, что раньше там какие-то священные для наэрцев леса были, а наше королевство те земли всегда своими считало. Из-за этого-то война и началась. А когда эти самые леса утонули в крови воинов с обеих сторон, то тамошние духи взбесились — начали мертвецов поднимать, да на живых натравливать. Говорят, они приходят с туманом и забирают с собой тех, кто слаб. Кто духам сдался...

— Тех, кто сдался, — Тенро скрипнул зубами. — Что еще знаешь?

— Пожалуй, все рассказал уже, — задумавшись, Нирт почесал грязными ногтями едва пробивающуюся на щеках бородку, явно гордясь этим редким и невнушительным символом собственной мужественности. — Мы с наэрцами заключили мир и теперь вместе сражаемся с новой напастью. Измененных удастся сдерживать на границах, но некоторые сюда пробираются. Слышал, вашу деревню вот они сгубили, твари! — Парень в сердцах ударил рукой по борту телеги и, зашипев, принялся растирать ушибленное место. — Ну, ничего, и на них найдется управа! Ищущие не дремлют!

— Ищущие... — Тенро напрягся и сжал кулаки.

— Слыхали о них? Хотя, вы же воевали, так что и видели их, небось. Да и в городе мы одного встречали. В плащах своих рыскают везде, выискивают, вынюхивают, как псы у жрецов на поводке. Это раньше их было мало, а теперь, почитай в каждом городе есть по пять-шесть ищущих. Выслеживают измененных. Вроде и благое дело делают, а жуткие какие-то. А еще...

Лошади, тянущие телегу, неожиданно остановились и Нирт, умолкнув, недоуменно уставился на спрыгнувшего на землю Тула.

— Хватит на сегодня. — Разминая широкие плечи, проворчал старый пехотинец. — Мы почти до места добрались, так что сегодня отдыхаем всю ночь, а завтра... — он помолчал, после чего процедил сквозь зубы:

— Завтра видно будет. Все. Пит, ты вместе с Ниртом первые на вахте. Потом разбудите меня, я осмотрюсь и решу, кто вас сменит. Давайте, распрягайте лошадок, пусть тоже отдохнут. Отбой.

Не став слушать причитания недовольного Нирта, который не желал караулить первым, Тенро спрыгнул с телеги. Сойдя с дороги, он ловко вскарабкался на раскидистое дерево у самой обочины и, пристроив лук на коленях, закрыл глаза. Возня людей внизу его не слишком заботила, и охотнику пришлось сдерживать раздражение, когда кто-то из них приблизился к дереву.

— Завтра важный день, парень, — снизу произнес Тул и Тенро, не открывая глаз, кивнул. Неизвестно, заметил ли это Тул, но он продолжил:

— От тебя будет многое зависеть. Справишься — отправишься, куда пожелаешь со своей долей, а захочешь — останешься с нами. Скучать тебе не придется, гарантирую.

— Ты обещал показать мне, где Скелосова пустынь, — холодно напомнил мужчине Тенро с присущим ему упрямством.

— Не передумал, значит, — в голосе Тула проскользнуло легкое сожаление. — Из тех, кто никогда не отступает что ли? Хех, ладно, коли обещал — покажу. А ты, главное, завтра не подведи.

Охотник в своей обычной манере промолчал и Тул, послав ему полный раздражения взгляд, убрался прочь, мысленно пожелав надменному щенку спокойной и последней в его жизни ночи.

— Если они тебя не прикончат, тогда сам все сделаю, — принял решение Тул, любовно

погладив рукоять старого меча, висевшего на поясе.

Вопреки пожеланию старого пехотинца, спокойно поспать у Тенро не получилось. Вначале ему мешал шум снизу — мужчины распрягали лошадей, разжигали костер и еще долг обменивались пошлыми шуточками, громко смеясь и ругаясь.

Когда же, наконец, все кроме караульных улеглись, и Тенро почти удалось заснуть, ему вдруг показалось, будто кто-то смотрит на него из темноты. Открыв глаза, охотник огляделся, кожей ощущая чье-то пристальное внимание. Весь лагерь спал, только Нирт, да Пит сидели у костра, изредка оглядываясь и переговариваясь шепотом.

Никто из команды "Счастливого" не смотрел в сторону разместившегося между ветвей Тенро, и это не понравилось ему еще больше. Стало быть, за ними наблюдает кто-то еще. Кто-то неизвестный.

Охотник прищурился, вглядываясь в ночной мрак, и тот вдруг расступился перед ним. Тьма разбавила свою густую черную краску, позволив охотнику видеть гораздо дальше и яснее, не как днем, но и не как ночью.

Поборов удивление, мужчина медленно потянул из колчана стрелу, кожей пальцев чувствуя легкое прикосновение оперения. Стрела беззвучно легла на лук и, оттягивая тетиву, Тенро продолжал осматриваться. Какое-то внутреннее чувство подсказало ему, что он не сможет долго удерживать лук в натяжении, но собственное тело свидетельствовало о другом. Не чувствуя усталости в руках, Тенро продолжал удерживать готовое к выстрелу оружие, взглядом ища свою цель.

Все вокруг стихло. Охотник слышал биение собственного сердца, к которому вдруг примешался еще десяток подобных звуков — спокойных и ритмичных — биение сердец спящих внизу мужчин. Тенро весь обратился в слух, жадно ловя каждый звук, каждое дуновение ветра, которое говорило ему о том, что если кто-то и наблюдает за ним, то он свое дело знает, а значит, никогда не станет подкрадываться с той стороны, откуда дует ветер.

Всматриваясь в подветренную сторону, Тенро вдруг слышал, как в привычное биение сердец вмешивается еще одно. Оно билось чаще и значительно дальше, так, что он едва мог разобрать слабый стук. Где-то между старым дубом и зарослями кустарника, за поваленной сгнившей корягой, кто-то замер в ожидании, наблюдая за спящим лагерем.

Охотник не колебался. Задержав дыхание, он навел лук на цель, чей алый контур отчетливо различил вдалеке. Оперение стрелы приятно защекотало щеку, и он почему-то прошептал слова, которые сами пришли ему на ума:

— Найди для себя свежей крови, сестренка.

На мгновение замерев, Тенро взял упреждение и разжал пальцы. Стрела с тихим шелестом сорвалась с лука, прямо на лету, словно оборачиваясь в ночной мрак и становясь иссиня черной. Охотник отчетливо заметил, как тускло блеснул ставший ониксовым наконечник, а мгновением позже, кто-то сдавленно вскрикнул и лагерь сразу же ожил.

Первым вскочил Тул, сразу же рванув из ножен меч. Следом за ним начали подниматься остальные бойцы. Встав спиной к спине, они низко пригибались к земле, щурясь и вглядываясь во мрак вокруг костра.

— Кто кричал? — взревел Тул, поняв, что лагерь не атакуют. — Кто, мать его, орал здесь?! Звери?!

— Примерно сто шагов на север, — как можно спокойнее сказал Тенро, стараясь, чтобы голос не выдал его волнения. — Может, меньше.

От того, что с ним происходило, охотника бросало в дрожь — люди просто не могут слышать биение чужих сердец. А он смог! Он четко видел противника, хотя не должен был.

Выровняв учатившееся дыхание, Тенро завернулся в свой драный плащ, медленно успокаиваясь. Только сейчас он подумал, что следовало солгать, сказав, что противник подкрался ближе. С другой стороны, если он убил ночного гостя, то его тело все равно найдут и правда, так или иначе, раскроется. Значит, следовало придумать правдоподобное объяснение того, как он смог попасть в цель ночью, со ста шагов.

— И что там? — Тул с сомнением посмотрел в указанном направлении, не в силах различить ничего за освещенным костром неровным кругом.

— Кто-то подкрадывался к нам, — последовал невозмутимый ответ с кроны дерева. — Сейчас ушел. — Тенро больше не ощущал чьего-то чужого присутствия, поэтому, устроившись поудобнее, накиннул на голову капюшон. Сейчас он не видел своего отражения, но что-то подсказывало охотнику, что его глаза светятся ярче. Точно так же, как и тогда, в Кирлинге.

— Проклятье! Давайте двое за мной, проверим! — Тул первым пошел вперед.

Мужчин не было довольно долго, но охотник слышал каждый их шаг. Привыкшие к разбою и дракам, эти люди совсем не умели ходить по лесу. Возможно, они и не сильно шумели, но Тенро казалось, что сквозь заросли ломится целая свора диких кабанов. Усилием воли он заставил себя успокоиться и звуки сразу же стали тише, после чего растворились в ночи, чтобы чуть позже вернуться вновь.

— Трава примята, — Тул вернулся в освещенный костром круг. — Зверь, наверное. Кровь есть. Мало. Ты стрелял? — Задрав голову, он посмотрел на едва различимый среди ветвей силуэт охотника, сливающийся с ночью.

— Я, — подтвердил Тенро.

— Стрелу не нашли. Стало быть, ты попал. Везучий сукин сын, как ты его вообще увидел? Ночью, в ста шагах...

— Повезло, — Тенро пожал плечами, так и не придумав ничего более подходящего.

— Измененные с тобой, парень! Всем отбой. Караульные — внимательнее! Может это был зверь, а может, и нет. Не важно. Завтрашняя сделка — наш единственный шанс на нормальную жизнь, где-нибудь подальше от этой дыры. Если наш охотник подстрелил парня, которого послал на разведку наш клиент — скверно, но будет ему уроком — не нужно к нам лезть, ведь и у нас есть клыки. Все. Отбой. — Вложив меч в ножны, Тул улегся на прежнее место, но еще долго смотрел на укрывшегося в тени ветвей охотника.

Тенро чувствовал прикованные к нему взгляды членов команды "Счастливого".

Постепенно мужчины успокоились. Только Нирт, которого все же сменили на посту, никак не мог уснуть. Ему казалось, что он видел, как сверкнули в темноте ярко-зеленые глаза. Вскоре усталость взяла верх над страхом и любопытством, и юноша провалился в сон. Парню снилось, как он снова пасет коз в родной деревне и это ему даже нравилось. Но потом все скрыл туман...

Нирт старался убежать, но туман подбирался все ближе и ближе, тогда как сам парень бежал на одном месте. А потом туман догнал его, растворив в себе. Нирт хотел вскрикнуть, вырваться, но не смог и погрузился в забвенье.

* * *

Ночь прошла тихо и Тенро, на удивление, выспался. Его не мучили кошмары, и, кажется, вообще ничего не снилось — картинки просто растворялись в густом тумане, мягко

и лениво клубящемся повсюду. Разбудил охотника голос Тула, который уже успел всех растормошить и теперь поторапливал с едой и сборами.

Легко соскочив с ветвей на землю, Тенро оставил суесящийся лагерь, отправившись за дерево, приютившее его на ночь. Пройдя чуть более трех десятков шагов, охотник нашел то, что искал — узкую серебристую полосу ручейка, скачущего по кочкам и журчащей змейкой огибающего гладкие камни.

Склонившись над водой, Тенро умылся и попил, ощущая, как приятный холодок пробегает по всему телу. Сквозь ветви начали пробиваться теплые солнечные лучи, отгоняя вчерашние события, и охотник почувствовал себя намного лучше.

Наполнив флягу, мужчина выпрямился, разминая тело. Потом он некоторое время просто стоял на месте, зажмурившись, откинув капюшон и подставив лицо солнцу.

Слушая звуки леса, Тенро вдруг подумал, что этот лес нравится ему больше, чем тот, другой. Смутные, окутанные мраком и пропитанные кровью воспоминания вязкой рекой хлынули в его разум, и мужчина резко встряхнул головой. Развернувшись, он поспешил к лагерю — следовало сконцентрироваться на чем-то другом, чтобы отвлечься от тяжелых мыслей.

Широко шагая, Тенро разрывался между двумя желаниями — узнать больше о своем прошлом и как можно скорее позабыть о кошмарах, что ему удалось пережить. Когда он вышел к спутникам, то утвердился в первом и отбросил второе — чтобы не случилось с ним раньше, это все его часть и, если он хочет познать себя заново, значит, придется пройти через все еще раз. Какой бы не была дорога, он пройдет по ней и не отступит. Тенро был уверен — раньше он никогда не отступал, не станет и теперь.

— Вернулся? — Тул окинул мужчину в черном плаще оценивающим взглядом. — По дороге поешь, и так задерживаемся, а у нас еще дела. Опаздываем на сутки, клиент может устать ждать.

Не говоря ни слова, охотник запрыгнул в телегу, сев рядом с Ниртом. Парень отчего-то вздрогнул и в его глазах на мгновение отразился страх.

Нервно хмыкнув, Нирт справился с чувствами и протянул Тенро небогатые съестные припасы, едва не выронив их, когда телега дернулась и покатила вперед. Лошади, повинаясь приказам людей, шли быстро и повозки неприятно подпрыгивали на многочисленных кочках.

Как ни странно, никто из команды "Счастливого" не ворчал. Мужчины выглядели собранными, готовыми к бою и настороженными, будто волки на охоте. Они зорко поглядывали по сторонам, памятуя о ночном незваном госте, и ласково поглаживали оружие, баюкая его на коленях.

Все молчали и даже Нирт, вопреки своему обыкновению, не проронил ни слова. Парень вообще смотрел в пол, теребя краешек плаща. Он то и дело вздрагивал, когда его плечо касалось плеча сидевшего рядом охотника.

Словно стараясь соответствовать общему мрачному настроению, погода начала быстро портиться. Совсем недавно сиявшее веселыми лучиками солнце затянули тучи. Налитые свинцом, они грозили смертным сорваться с небосвода и обрушиться на землю всей своей тяжестью.

Ближе к полудню начал накрапывать мелкий дождик, судя по порывам ветра вскоре обещавший превратиться в настоящий ливень. Тул все чаще вставал со своего места, вглядываясь вдаль, словно ища что-то.

— Послушайте, — шепнул Нирт и усилием воли заставил себя не отводить взгляда, когда черный капюшон повернулся в его сторону. — Вам... вам снятся плохие сны?

Когда-то отец учил его заглядывать своим страхам в лицо, чтобы побороть их. И вот сейчас Нирт решил, что настал именно такой случай.

— Чаще чем хотелось бы, — последовал невеселый ответ.

— Мне ночью снился отвратительный сон, — парень стал говорить еще тише. — Там были вы, — ожидая реакции, Нирт посмотрел на охотника, но лицо под капюшоном оставалось невозмутимым.

Вздыхнув, юноша продолжил:

— Кажется, мне снился Застывший лес!

В зеленых глазах Тенро что-то сверкнуло, загоревшись лишь на миг и сразу же угаснув.

— Продолжай, — попросил он.

— Меня опутывали какие-то корни, — обрадованный интересом охотника, послушно продолжил рассказывать Нирт. — Они были такими скользкими и сильными, что ломали мне кости, сдавливая тело. Я старался вырваться, но у меня ничего не получалось. И тогда... тогда я увидел вас. Вы шли между деревьев, среди густого тумана, медленно и даже жутковато. Я закричал, забился сильнее, прося о помощи. Вы взглянули на меня и глаза... ваши глаза светились, как у измененного. — Завершение своей речи Нирт произнес едва слышно, сам с трудом разбирая звуки своего голоса.

— И что потом?

— Потом... — с трудом сглотнув, юноша натянуто и очень неестественно улыбнулся. — Потом я умер. Корни сдавили мне горло и смяли его, а вы пошли дальше. И я проснулся.

— Скверный сон. — Отвернувшись от Нирта, охотник опустил голову, уставившись в одну невидимую на досках телеги точку, между носками своих стоптанных сапог.

— Мама говорила мне, что такие сны несут беду. Умерев там, можно умереть и взаправду. Я считаю, что это все сказки, а вы?

Тенро не ответил. От этого Нирту стало еще больше не по себе. Он до боли стиснул рукоять меча, зашептав молитву Альтосу, которую по наставлению матери выучил еще в детстве. Сам он не то чтобы верил в бога, но сейчас готов был поверить во что угодно, лишь бы все обошлось, и дурной сон не обернулся явью.

Слова, что быстро произносил Нирт, показались Тенро смутно знакомыми. Он определенно слышал их раньше, но где и когда? Жадно вслушиваясь в молитву парня, охотник пропустил момент, когда телеги, слабо дернувшись, замерли.

— Приехали. Распрягайте лошадей! — прыгнув на землю, Тул быстро подошел к телеге, где сидел охотник. — Парень, слушай меня — сейчас многое будет зависеть от твоих действий. Но ты вроде не из тех, кого легко напугать, да?

Тенро промолчал, выжидающе глядя на капитана "Счастливого" и тот, сплюнув себе под ноги, продолжил:

— Мой подельничек на другой стороне Арстерда, Триг, будь он не ладен — кинул нас всех. Сдал страже, так что возвращаться нам нельзя. Сделаем дело, поделим деньги и рванем куда-нибудь в Наэру, а может и дальше, за леса.

— Селосова пустынь, — упрямо напомнил охотник об уговоре.

— Да попадешь ты в свой монастырь, не переживай! Я слово держу. Понял?! — нервно рывкнул Тул и сразу же взял себя в руки. — Просто сделай то, что я скажу и все. Все будут довольны.

— Что от меня требуется?

— Вот это разговор! — одобрительно кивнул Тул, одновременно сделав знак двум морякам, и те поставили перед ним тот самый сундук, который везли с собой от самого Заречья. — В общем, поступим так — берете с Ниртом этот сундук и тащите вон на тот холм, — Тул указал на высокий холм у себя за спиной. Его было плохо видно, так как телеги остановились не доезжая до цели и укрывшись в глухом кустарнике, сразу перед небольшим леском, отделяющим их от нужного места.

Увидев на вершине расщепленное молнией дерево, Тенро нахмурился — оно казалось ему знакомым.

Тул и сам обернулся, внимательно окинув холм взглядом. Облизнув сухие губы, он снова обратился к спутникам:

— Несете сундук туда, на самую вершину. Ставите и ждете. К вам подойдут...

— Кто подойдет? — сразу же спросил Нирт, чем едва не вывел капитана из себя.

— Да почему я знаю?! — прорычал Тул. — Одно точно — кроме нужных нам людей здесь никого быть не может. Земли-то дикие, безлюдные, место встречи — оговорено. Холм этот ни с чем не спутать. Вон, на нем дерево когда-то молнией расщепило. В крайнем случае, потопчитесь, чутка, подождете, потом получите плату и обратно. Уговор у нас был на три сотни золотых, так что деньги на месте посчитаете.

Услышав, как Тул назвал весьма внушительную сумму, несколько человек из команды мечтательно присвистнули, но Нирт не разделял их радости.

— То есть пойдем только мы вдвоем? — осторожно спросил юноша, неловко переступив с ноги на ногу и с опаской взглянув на обитый железом сундук.

— Да, — кивнул Тул. — Мы вас подстрахуем отсюда. Рисковать нельзя, понимаешь, парень? Клиент неизвестный, так что вам страховка нужна, понимаешь? Мы с парнями здесь схоронимся и, если что не так, отгоним уродов стрелами, а остальных ребятки на лошадках порубят. Тогда и груз будет у нас и деньги.

— Но почему...

— Потому! — резко оборвал Нирта капитан, не дав тому договорить. — Это приказ, понял?! Если ты не выполнишь — сам прирежу! Ты или с нами или нет! Уяснил?!

— Уяснил, — отступив под напором мужчины, Нирт попятился и потупился, когда его лопатки уткнулись в борт телеги.

— А ты? — Тул перевел взгляд на охотника и тот безразлично кивнул.

— Добро, — немного успокоился старый пехотинец. — Оружие снимайте и идите. Мы и так опаздываем.

— Меч нужно оставить? — Нирт вцепился в рукоять оружия так, будто оно могло защитить его ото всех напастей на свете.

— Придется, парень. Уговор такой был — без оружия. Да не дрейфь! Покупатели тоже без клинков явится. К тому же, мы привезли наэрские побрякушки, так что за ними придет какой-нибудь богатенький коллекционер, — Тул по слогам произнес непривычное слово и цокнул языком.

Нирт хотел было поупрямиться, но, покосившись на Тенро, увидел, как тот беспрекословно снимает с себя вооружение и последовал его примеру. Охотник скинул перевязь с мечами, колчан и лук, заботливо завернул все это в свой плащ и, отойдя в сторону, спрятал в кустах.

— Ты зачем это сделал? — приподняв одну бровь, спросил Тул, внимательно

наблюдавший за действиями охотника. — Не заберем мы твоих пожиток. Вернем сразу, как все закончится.

— Мне так спокойнее, — просто ответил Тенро.

— Как знаешь, — не стал спорить Тул и, когда двое мужчин взяли сундук за резные ручки, скомандовал:

— По местам, ребятки. Быстрее начнем — быстрее закончим... и станем богаче!

Команда "Счастливого" быстро разделилась на две части — одна, подхватив луки и арбалеты, поспешила к леску, чтобы занять выгодную для стрельбы по холму позицию, а другая — вскочила в седла, заранее обнажив мечи.

Тенро легко пошел вперед и Нирту, державшему сундук с другой стороны, не оставалось ничего другого, кроме как последовать за ним. Ноша оказалась не то что весомой, но, отчего-то, тяготила юношу. Казалось бы, легкий сундук тянул его к земле, а пальцы сами разжимались так, что приходилось прилагать усилия, чтобы удержать прохладную рукоятку.

Когда они почти вышли из леса, Нирт обернулся и встретился взглядом с Тулом.

— Давай, парень, докажи, что ты мужчина! — приободрил юношу бывший пехотинец.

Нирт, сквозь зубы, послал капитана куда подальше с его напутствиями и мысленно пообещал сам себе больше не ввязываться ни во что подобное. Все-таки его дело — пасти коз, а не учувствовать в таких опасных делах. Именно сейчас Нирт ощутил свое предназначение особенно остро, тщетно пытаясь унять разыгравшуюся в коленках дрожь.

Шагающий рядом охотник выглядел спокойно и уверенно, чем приободрил спутника гораздо больше фальшивых напутствий Тула.

— Вот ведь ублюдок, этот Тул, — зло прошептал Нирт, глядя на медленно приближающийся холм. — Тварь та еще. Сам боится своей шкурой рисковать, так послал нас. Урод...

— Ты можешь вернуться, — безразлично произнес Тенро, но его молодой спутник дернул головой:

— Нет. Я сам согласился на все это и вот мое наказание. Отец говорил, что мужчина должен держать слово, вот сейчас я сдержу, но потом... десять раз думать буду, прежде чем рот свой разевать!

Злость придала юноше храбрости и его понесло:

— Может, будете смотреть на меня, когда я с вами разговариваю?! — выпалил он.

— Сейчас не время, — коротко бросил Тенро, неотрывно глядя на холм.

— Время! — Щеки Нирта вспыхнули, и он дернул рукоятку сундука на себя, вынуждая спутника остановиться. — Все постоянно относятся ко мне, как к ребенку! Мне это надоело! Я мужчина и требую к себе такого же отношения, слышите?!

— Успокойся, — Тенро, все-таки, повернулся к юноше и наткнулся на его полные обиды глаза.

— Не желаю до самой смерти быть на побегушках! Не умереть бы только, а там уж я больше глупостей делать не стану. — Кажется, сам себе пообещал Нирт. — Да еще сон этот... говорят, такое к смерти снится и!..

Ослепительно сверкнула молния.

— Этого еще не хватало, — сокрушенно буркнул Нирт.

Вдруг он заметил, как впереди на холме, между редких деревьев, кажется, что-то блеснуло. Юноша замер в нерешительности.

— Берегись! — крикнул Тенро, чьи слова растворились в грохоте грома.

Но охотник опоздал.

— Что это... — пораженный Нирт, коснулся арбалетного болта, торчавшего из его груди и в этот же миг второй, точно такой же, пробил его руку насквозь, пригвоздив ладонь к сердцу парня.

На побледневших губах Нирта выступила кровь, и он с досадой взглянул на замершего рядом охотника. Перед тем, как жизнь покинула юношу и его глаза навсегда закрылись, он увидел, как арбалетные болты, словно рассерженные пчелы, врезаются в тело охотника.

* * *

Когда Тенро упал на траву, он уже не дышал. Два арбалетных болта пробili его грудь, один вошел в живот и еще один пробил бок навывлет. Кольчуга не смогла защитить тело — ее звенья лопнули под острыми стальными жалами, засевшими глубоко в человеческой плоти, пробившими сердце и вдоволь напившимися свежей крови.

Боль была жуткой, ослепительной, с металлическим привкусом и безумным жжением. Потом тело Тенро ударилось о землю, отчего по пропитанному болью телу пробежала судорога, после которой сердце охотника остановилось.

Застывшими глазами он уставился на пасмурное небо, роняющее на его лицо холодные капли дождя, казавшиеся алыми. Он умирал в крови и грязи, и это показалось знакомым.

А потом наступила тьма. Она окутала Тенро своим саваном, заключив в ледяные и колкие объятия так, как уже делала это раньше. Он уже умирал и теперь вспомнил это.

Мысль об очередной смерти стала для Тенро последней.

Охотник не слышал шума боя, доносящегося с той стороны, откуда он шел. Он не узнал, что Тул, вместе со всеми своими людьми погиб вскоре после него самого. Не видел он и неспешно идущих к его телу мужчин...

Их было чуть меньше двух десятков. Каждый хорошо вооружен и, судя по повадкам, не понаслышке знающий, с какой стороны братья за меч и арбалет. Словно стая волков, они окружили своих жертв, но даже не взглянули на мертвые тела — их интересовал только сундук.

— Как детей, чес слово... — хмыкнул один из мужчин, шмыгнув кривым носом.

— Деревенщины, чего ты хотел-то? — с нескрываемым презрением ответил другой, пнув лежавший неподалеку труп совсем юного парня, с двумя болтами в груди.

— Ага, только один из этих деревенщин ночью отправил Муга на тот свет. — Возразил первый. — Стрелой точно сердце! Это с такого-то расстояния!

— Муг сам виноват! Нечего было шуметь. Я ж за ним прямо стоял, так меня чуть этой же стрелой не прошло. Еще и утаскивать его пришлось.

— А Тигнир и Алиандр? Этот старик порешил их...

— Надо было расстрелять из арбалетов, а не идти на него врукопашную. Он же бывший пехотинец, я сразу татуировку приметил. Да и ладно теперь. Подумаешь, пятеро трупов — больше наши доли. А так, говорил же — дело плевое! Сейчас и денежки поделим...

— А что хозяину скажем? — недоверчиво прозвучал третий голос. — А если еще и Леон прознает, как быть тогда?

— Скажем, что отдали дуракам деньги, да и отпустили, как договаривались. Барону этого хватит. А Леон... этот бы и сам пустил им кровь, если бы не дела в монастыре.

— Мы сейчас к нему? — В голосе неизвестного прозвучало опасение и явное нежелание, куда-либо ехать.

— Угу. Он сказал, что если до нашего прихода не получит то, что нужно хозяину —

монастырю конец. Так что давайте поспешим. Глядишь, найдем пару миленьких маленьких и кротких монашек! — Говоривший расхохотался и остальные поддержали его.

— Может эта, поглядим, чего у этих осталось?

— На что ты тут будешь глядеть-то, Гарка? Они ж с деревни. Вон, на оружие глянь — разве что не ржавое, но тупое, что твоя башка! Кошели срезали, и будет, да и в сундуке добра хватает.

— Дык кто ж знает, что Леон с сундука-то заберет? А если все возьмет? Может, хоть лошадей поймает? — взмолился бандит, но товарищ вновь отказал ему:

— По дороге к монастырю сбыть животных некуда, а коли с собой лишних приведем, так барон может чего и заподозрить. Да и возиться с ними — морока лишняя. К тому же мы взяли деньги, а это главное. Все, седлайте коней, да поспешим к монастырю, а то Леону все веселье достанется, уж больно нетерпеливый он, когда дело доходит до крови.

— Твоя правда, — уже более охотно согласился один из бандитов, тот самый, что поначалу не хотел ехать в монастырь. — Гарка, подсоби-ка с сундуком. И, взяли!..

Звук шагов отдалялся и, со временем, стих, точно так же, как стихли и голоса убийц, растворившиеся в шуме дождя.

Потом наступила тишина. Пугающая, траурная, она раскатилась над холмом, раскинув неосязаемые крылья над мертвыми телами, словно оберегая их вечный сон. Пусть не скоро, но ее прогнали. Захлопали черные крылья и вороны, падальщики, одержимые предвкушением нового пира, начали слетаться к месту бойни. Здесь людей забили, словно скот и сам воздух уже пропитался смертью и отчаянием.

Поначалу падальщики кружили над мертвецами, медленно снижаясь, осторожно ступая по мокрой от дождя и крови земле. Сверкая черными бусинками глаз, они равнодушно взирали на безжизненные тела. Черными пятнами птицы сновали по сгущающемуся туману, подбираясь все ближе и ближе к заветной цели и вот, наконец, крупный самец первым запрыгнул на грудь одного из мертвецов. Клюнув его в бледную, впавшую щеку ворон хриплым криком оповестил сородичей, что пир начался.

Одна из птиц, взмахнув черными, как ночь крыльями, прыгнула с торчавшего из груди мертвеца арбалетного болта на его шею, дважды щелкнув крепким клювом перед остекленевшими зелеными глазами, будто примеряясь к одному из них.

Склонив голову набок, ворон дважды моргнул, нетерпеливо переступив с ноги на ногу. Он уже был готов полакомиться, когда что-то с поразительной скоростью метнувшееся откуда-то снизу, сдавило его горло стальными тесками.

Ворон забил крыльями, заставив своих сородичей беспокойно взмыть вверх, но сам не смог улететь с ними — пальцы, сжимавшие его шею, напряглись и птица, поперхнувшись своим криком, обмякла.

Чужое сознание хлынуло в разум человека неудержимым потоком. Он увидел свое собственное лицо, свои горящие зеленым огнем глаза, но со стороны. Будто смотрел на себя глазами недавно бьющейся в его руке птицы.

Время обернулось вспять, пальцы выпустили ворона и тот, спустя несколько мгновений, спиной вперед запрыгнул на арбалетный болт, с которого взмыл в серое небо, начав кружить над трупами задом наперед.

Все вокруг закружилось, и в поле зрения попал большой отряд конников, мчащихся куда-то вдаль по узкой тропе. Затем краски потемнели, картинка расплылась и рассыпалась на части осколками битого стекла.

Зеленые глаза моргнули, и начавшая затягивать их пленка пропала. Зрачок растекся, заняв все пространство, потом резким рывком вернулся в свое обычное состояние.

Глаза мертвеца ярко вспыхнули. Судорожно, будто только что вынырнул из непроглядного омута, Тенро вдохнул.

Выпустив труп птицы, мужчина зашарил дрожащими руками по собственному телу. Наткнувшись на торчавшие из него арбалетные болты, Тенро вцепился в них пальцами и вырвал, вместе с кусками собственной плоти.

Боль пронзила все тело, но сразу же откатила, оставив после себя только холод и привкус горечи на плотно сжатых губах. Избавившись от засевших в теле болтов, охотник растянулся на траве, глядя на круживших над ним воронов, хрипло и гневно каркающих в пасмурном небе.

Он не понимал, что с ним происходит, но знал одно — люди не воскресают после смертельных ран. И еще этот ворон... Тенро будто видел все, что случилось с ним до смерти, чувствовал тоже, что и он.

— До смерти, — рывком сев, охотник задрал кольчугу и плотную рубаху, обнажив бледную кожу.

Прямо на его глазах, вытекшая из тела кровь вместе с легкой туманной дымкой втягивалась обратно в рану. Капля за каплей, не оставляя после себя и следа, кровь Тенро, чуть более темная чем обычная, исчезла с его тела, а раны быстро затянулись, превратившись в белые полоски шрамов. С каждым ударом сердца боль отступала, и вскоре охотник с удивлением обнаружил, что может встать на ноги.

Поднявшись, он несколько раз глубоко вдохнул, сжал пальцы на руках — тело слушалось превосходно — в нем не было и следа усталости или боли. Потрясенно покачав головой, Тенро замер — его взгляд наткнулся на замершего рядом мертвеца.

Нирт лежал на спине и смотрел на Тенро остекленевшими, погасшими глазами. Одна рука молодого человека была плотно прижата к сердцу пробившим ее насквозь арбалетным болтом. Стекавшая из уголка приоткрытого рта кровь, уже начала густеть и теперь темной полосой выделялась на белоснежном лице.

— Нирт, — опустившись рядом с телом юноши на колени, охотник ощутил горечь потери. Она показалась ему знакомой, значит, он уже терял кого-то и не раз.

Прикрыв глаза, Тенро заглянул в свою память и та, будто сжалившись над ним, показала охотнику перевернутую телегу, неподалеку от которой лежало тело молодого парня, ровесника Нирта. Его тело покрывали ужасные рваные раны, а пальцы все еще сжимали рукоять меча, погруженного в шею одному из противников — незнакомому человеку с изъеденным гнилью лицом.

Рядом валялись два больших обезглавленных волка с черным косматым мехом, так же, умерших от ударов клинка. За спиной парня замерли еще два тела — немолодая женщина и совсем еще юная девушка.

— Атар... — имя пришло охотнику из темного уголка памяти, и Тенро вспомнил улыбчивого парнишку, которого когда-то знал.

Теперь тот был мертв, так же, как и Нирт.

Со вздохом, Тенро коснулся бледной щеки мертвого юноши и снова, как и в случае с птицей, чужое сознание ледяной рекой влилось в разум охотника. Время обернулось вспять и потекло задом наперед.

Охотник увидел стрелу, торчащую из груди, потом самого себя, несшего сундук,

услышал слова Нирта, будто говорил их сам и почувствовал злость юноши на то, что к нему относятся, словно к ребенку.

Вздвогнув, Тенро отдернул руку от холодного лица Нирта, чувствуя, как на его спине и лбу выступил холодный пот.

— Кто... что же я такое?.. — потрясено, прошептал охотник.

Мысли и надежды Нирта все еще слышались слабыми отголосками в его разуме и Тенро почувствовал горечь от того, что им уже не обратиться в реальность. Сам Нирт уже никогда не вернется в родную деревню, и не будет пасти коз. Он не повзрослеет... никогда, а его убийцы сейчас где-то далеко. Они остались совершенно безнаказанными за то, что отняли чужую жизнь. Отняли подло, ради собственной выгоды, втоптав в грязь невинные детские мечты и стремления.

Тенро резко выпрямился, сжав кулаки и стиснув зубы. Он же видел их! Видел глазами ворона, как группа всадников мчится прочь по дороге.

Повернувшись, Тенро быстро нашел взглядом то место, куда поскакали всадники. Его легко было узнать по двум раскидистым деревьям, росшим по правую руку от холма. Он видел их с высоты птичьего полета, но узнал сразу же. Следы такого количества лошадей отыщет даже ребенок.

Жажда мести жадно запульсировала в крови охотника, забилась в его сердце, застучала в висках, едва не затмив рассудок. Отогнав от себя это наваждение, Тенро вновь склонился над Ниртом. С опаской он коснулся тела юноши, но больше ничего не произошло — охотник по-прежнему оставался самим собой.

Подняв Нирта, Тенро быстро понес его к тому месту, где Тул и его люди планировали дожидаться их возвращения.

Еще на подходе охотник почувствовал резкий и неприятный запах крови, поэтому не удивился, когда увидел мертвые, иссеченные мечами и пронзенные арбалетными болтами тела. Команде "Счастливого" не повезло — их буквально уничтожили за считанные мгновения.

Неизвестные напали быстро и стремительно, словно ураган, сметая все на своем пути. У людей Тула не было никаких шансов, так же как и у него самого — бывший пехотинец сидел, прислонившись спиной к дереву, пронзенный стрелами, а рядом с ним в собственной крови лежала пара нападавших. Одному Тул распорол живот и рассек горло, другом пронзил сердце.

Кто бы ни напал на команду "Счастливого", они бросили тела собственных товарищей вместе с трупами своих жертв.

Пройдя мимо мертвецов, Тенро донес Нирта до неглубокой впадины. Воспользовавшись чьим-то брошенным широким мечом, он углубил ее, срезав края и выбросив дерн. Аккуратно положив тело юноши на дно ямы, охотник присыпал его землей и камнями. В изголовье он воткнул тот самый клинок, которым и копал могилу.

Тенро не знал молитв, поэтому просто немного постоял рядом, с грустью глядя на свежую землю. Злость вновь начала медленно подкатывать к охотнику и на этот раз он не стал ее сдерживать.

Отвернувшись от последнего пристанища Нирта, Тенро быстро подошел к телу Тула и коснулся пальцами его сникшей головы.

Перед глазами охотника развернулся скоротечный бой, в котором бывший пехотинец сразил двух противников и пал от стрел их подельников. Тул дрался отчаянно, но

нападавших было в два раза больше чем его людей, которые гибли один за другим. Кто бы ни стоял за этой атакой, они явно спланировали все заранее, к тому же нападавшие оказались более искусны во владении оружием, чем команда "Счастливого" — исход боя был предreshен даже до его начала.

Пальцами, закрыв глаза бывшего пехотинца, Тенро вложил в его руки выпавший из них старый меч. Пусть он и узнал из мыслей Тула, что тот хотел убить его, но, все же, этот человек кого-то напоминал охотнику. Кого-то, кто заслуживал уважения.

В очередной раз, взглянув на татуировку пехотинца, Тенро озадаченно моргнул. Неожиданно память подбросила ему образ пожилого мужчины с одной рукой, который добро улыбался, хотя в его теплом взгляде, отчего-то, проскальзывала грусть.

Еще одно потерянно воспоминание. Еще один из тех, кого Тенро больше не сможет увидеть и не сможет ему ничего сказать.

Оставив Тула на месте кончины, Тенро наклонился и ухватил одного из нападавших за волосы. Рывком приподняв голову мертвеца, он взглянул на произошедшее здесь глазами убийцы.

Охотник увидел меч, торчащий из своей груди и соскальзывающего по стволу дерева Тула, в чье тело одна за другой вонзались стрелы.

Время быстро потекло вспять, и нападавший оказался в седле лошади, поскакав обратно в лес. Тенро почувствовал, как дернулся в его руках арбалет, выплевывая болт прямо в лицо одному из матросов "Счастливого". Потом увидел оскаленные в хищных ухмылках лица незнакомых мужчин, ожидающих в засаде в лесу.

Тенро запомнил их перед тем, как воспоминания мертвеца рассыпались осколками битого стекла и он вернулся в свое собственное сознание.

Перед глазами охотника до сих пор стояли довольные лица нападавших и, глядя на них, он чувствовал бушующую в душе жажду мести.

Сорвавшись с места, Тенро подбежал туда, где оставил свое оружие. Быстро надев перевязь с клинками, закинув за спину колчан со стрелами и лук, он вдруг услышал тихое тревожное ржание. Последовав по направлению звука, охотник увидел зацепившуюся поводьями за колючий кустарник лошадь.

Хищно улыбнувшись своей удаче, Тенро решительно пошел к животному, уже предвкушая месть и ощущая в душе нарастающую жажду. Жажду крови. Вместе с ней пришло и еще одно воспоминание: он был на краю гибели, израненный и обезображенный, тщетно пытающийся ухватиться за ускользающую жизнь и повторяющий одни и те же слова — "Никогда не сдаваться".

Он думал лишь об одной алой нити в своем сознании, за которую всегда держался, и которая давала ему силы продолжать бороться.

Пусть в прошлом Тенро уже свершил свою месть, но его жажда не была утолена и тогда тысячи голосов, звучавших из тумана, спросили его, хочет ли он жить. И он ответил, что хочет. Тогда они спросили, готов ли он проливать кровь в обмен на свою жизнь. Хочет ли он получить силу, чтобы жить ради мести.

И он согласился.

— Настала пора выполнить свою часть договора, — в зеленых глазах Тенро всколыхнулось яркое пламя.

Работа в саду оказалась куда сложнее, чем представляла Элисса. Одни и те же действия изо дня в день сводил девушку с ума. Проклятые, нежелающие кончаться сорняки, подобно сказочной гидре, за ночь выращивали вместо одной оторванной головы две, а то и три. Ненасытные цветы постоянно требовали воды, и поливать их следовало даже после дождя. А о нуждающемся в каждодневной стрижке кустарнике, девушка и думать не желала.

Пусть она провела в монастыре всего четыре дня, они показались месяцами, если не годами. Один и тот же скучнейший распорядок — подъем до рассвета, молитва, завтрак, работы в саду, молитва, обед, снова работы, опять молитва и ужин, потом длинная служба в местной часовне и долгожданный сон.

Несмотря на то, что ложились монахини рано, задолго до того, как в каком-нибудь из крупных городов начиналась ночная жизнь, Элисса, привыкшая к ней, попросту валилась с ног. Единственный способ хоть как-то отвлечься от монотонной и скучной жизни в Склосовой пустыни — забыться сном.

Благо еще, что главная настоятельница пока никак не могла выкроить время для беседы с гостьей монастыря, иначе уныние этих стен значительно приумножилось бы для девушки.

Элисса даже прониклась уважением к Хэли — как только у бедной девочки хватало выдержки безмолвно терпеть бесчисленные наставления старших сестер и кропотливо выполнять любую взваленную на ее хрупкие плечи работу.

Пару раз воровка даже хотела вступить за юную монахиню, но, вспоминая о своей роли, продолжала разыгрывать кроткую овечку. Это было просто — следовало всего лишь смирить гордыню, сделать трогательные глазки и скорбно потупившись, разглядывать обшарпанный пол, изредка кивая и делая вид, что внимательно слушаешь все, что тебе говорят.

Но не молитвы, на которых можно было вздремнуть, и не монотонные речи монахинь, пропускаемые воровкой мимо ушей, были ее главной головной болью и проблемой.

Сад! Вот что она возненавидела всей душой за три дня, что провела, копаясь в земле кверху задом. Поддерживать красоту в многочисленных цветах оказалось удручающе тяжело — привыкшая к действию и опасности воровка вынуждена была кропотливо пропалывать клумбы, бережно подстригать растения, поливать их, удобрять и едва ли не целовать каждый листочек отдельно. Это сводило Элиссу с ума и вгоняло в такую меланхолию, что она превращалась в капризную куклу.

Если бы не Хэли, то Элисса точно свихнулась бы. Юная монахиня просто лучилась энергией и добротой, каждый раз поражая воровку своей любовью ко всему, что ее окружает, будь то назойливые сестры или какой-нибудь, по мнению Элиссы, мерзкий паук.

Хэли не могла раздавить даже букашку. Вместо этого она бережно снимала ее с цветка и сажала в глиняный горшочек, накрытый платком. Девочка постоянно бегала к воротам, чтобы вытряхнуть скопившихся жуков за стены и позволить им лететь куда пожелают. Чаще всего неблагодарные твари возвращались, так что Хэли снова и снова приходилось проделывать одну и ту же работу, но она не унывала.

Помимо юной монахини Элисса познакомилась и с другими сестрами. Они были приветливы и милы, но в них не ощущалось того чистого, безупречного и нестерпимо яркого луча душевной доброты, что сиял в Хэли.

Воровка, вопреки своим планам подружилась с юной монахиней. Ей вообще начало казаться, что в мире не существует такого человека, к которому Хэли не нашла бы подход. Она никогда не повышала голос, всегда улыбалась и принимала чужие проблемы, как свои собственные. Элисса даже подумала, что Расскажи она Хэли о том, зачем здесь на самом деле, то та не стала бы осуждать ее или рассказывать все сестрам.

Узнай девочка, что всем здесь грозит опасность — сама бы принесла Элиссе эту злополучную фигурку. Но воровка не желала никого вмешивать в свои дела.

За то время, что она провела в монастыре, Элисса хорошо изучила расположение комнат и распорядок дня монахинь. Она успела побывать практически везде, но нигде не находила и намека на расположение фигурки.

Повод наведаться в подвалы монастыря вовсе представился лишь однажды. Прознав у Хэли, что именно там хранятся запасные садовые инструменты, Элисса сразу же сломала ножницы, мотыгу и, для верности, еще и грабли с лопатой. С последней, кстати, пришлось повозиться: Элисса дождалась, когда на крыше монастыря начнет гулко бить колокол, собиравший монахинь на молитву. В такт его ударам девушка колотила лопатой по большому валуну, пока у бедного инструмента не треснул черенок.

Когда же Элисса показала дело рук своих уже собиравшейся в часовню Хэли то та, поначалу, перепугалась и взволнованно начала расспрашивать у воровки — не поранилась ли та. Причины, по которым инструменты пришли в негодность абсолютно не интересовали монахиню, а вот пустяковую занозу, что Элисса получила, пока ломала лопату, она обработала, будто рану от настоящего меча.

В результате, воровка добилась того, чего хотела — сразу после общей молитвы, она напросилась в подвал вместе с Хэли, якобы с бескорыстной целью отблагодарить ее за доброту и помочь донести новый садовый инвентарь. Монахиня пыталась убедить Элиссу, что справится сама, но воровка видела, что Хэли рада. У девочки вообще все эмоции были написаны на лице — она абсолютно не умела лгать и притворяться.

Подземелье монастыря выглядело именно так, как и должно выглядеть: голые каменные стены, темнота и спертый воздух. Не на что смотреть, если бы не одно ответвление прямого коридора, в конце которого горел крохотный огонек.

На вопрос Элиссы, ее спутница сразу же и без утайки сказала, что там, под надзором помощницы сестры-хозяйки Вирты, хранятся подношения монастырю. И не только. Эта самая Вирта заведовала всем, что хранится внизу — следила за сохранностью инструментов, точила косы, топоры и лопаты, заботилась о подвалах и вообще проводила здесь почти все свое время.

Жила эта женщина в келье здесь же, внизу, неподалеку от подвала с подношениями, так как пожертвований было много, и монахиня постоянно вела их учет, прерываясь лишь на сон, еду и молитвы.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Подношения очень важны для нас, — сказала Хэли, чуть выше поднимая лампу, от которой исходил приятный теплый свет. — Их добровольно приносят люди, и мы бережно храним их, пуская на нужды монастыря или же отсылая в храмы Альтоса.

— А если кому-то извне понадобится что-то из этих вещей? — как бы невзначай поинтересовалась Элисса, разглядывая паутину под потолком.

— У главной настоятельницы свои принципы — она никогда не отдаст и не продаст ради собственной выгоды то, что человек от чистого сердца пожертвовал монастырю.

Собственно говоря, это было все, что интересовало Элиссу, поэтому она, не задавая больше вопросов, прошла следом за Хэли дальше. Вскоре они добрались до крохотной кладовки, под завязку набитой всяческой садовой утварью, начиная с серпов и заканчивая топорами для рубки леса. Последние, кстати, выглядели весьма внушительно — Элисса не смогла представить ни одной из увиденных ею монахинь, размахивающей подобной шпуквиной.

— С этим может управляться только сестра Вирта, — явно гордясь способностями той, что сторожила подношения, поведала Хэли. — Говорят, она раньше была кузнецом, а потом служила в ополчении. Воистину непостижимы пути Альтоса, что приводят стопы наши в это священное место! У сестры Вирты была тяжелая судьба...

— Надо же, бедняжка, — с притворным сожалением посочувствовала нелегкой судьбе Вирты Элисса, про себя отметив, что со стражницей местных сокровищ могут возникнуть проблемы.

Судя по словам Хэли и размерам топора — на хрупкую монашку эта Вирта никак не тянет. Но Элиссе было не в первой "работать" с теми, кто крупнее и сильнее ее самой. Воровка пусть и имела миловидную внешность и хрупкое, чувственное тело, во владении кинжалом могла многим дать фору.

Разумеется, Элисса не любила доводить дело до драки. Это, по ее мнению, было непрофессионально, а сама воровка слишком гордилась своими навыками, чтобы пренебрегать ими в пользу грубой силы. Так что стоит придумать, как быть с Виртой и, желательно, сделать это быстро — неизвестно, когда явиться этот посланник барона Гирса и что будет на уме у этого жуткого типа. Как там его? Леон, кажется.

Весь остаток дня Элисса провела работая в саду и раздумывая над своими дальнейшими действиями. Ей следовало поспешить, но при этом есть риск наломать дров.

Главный урок, который извлекла и усвоила Элисса из своей воровской практики — спешка крайне редко идет на пользу, а ошибок сейчас допускать нельзя. Значит, придется действовать наверняка.

Возвращаясь в комнату после вечерней службы, Элисса в очередной раз для себя отмечала, какая из монахинь в какой келье живет. Это вряд ли поможет ей, но вполне подходит, как способ отвлечься. В пол уха слушая неназойливое и даже милое щебетание Хэли, воровка время от времени кивала ей.

Когда они подошли к двери во временное пристанище Элиссы, та заметила, что Хэли ведет себя как-то странно — мнется у двери и, кажется, не хочет уходить. Боится чего-то.

— В чем дело? — спросила воровка, заглядывая в беспокойные голубые глаза монахини. — Тебя что-то беспокоит?

Хэли вздрогнула и, натянув на лицо виноватую улыбку, замотала головой:

— Нет, все в порядке.

— Тогда, спокойной ночи, — Элисса как раз собиралась закрыть дверь, когда юная монахиня тихо спросила:

— Мила, а вам снятся кошмары?

— Бывает, — не стала лгать воровка, про себя подумав, что иногда они еще и являются к ней наяву.

— А у меня не было, — голос монахини звучал озадаченно и немного напугано. — Раньше не было. Около месяца назад меня начали мучить скверные сны. Страшные, словно это была явь. Я видела ворона, залитый кровью сад, мертвых сестер и человека в черном,

который пришел из дождя и тумана. Он склонился надо мной, и на его руках была кровь. Кажется... моя кровь.

— Да уж, жуткий сон, — услышав подобное откровение, Элисса сразу же вспомнила подручного барона Гирса. Хэли стояла так, что девушка никак не могла закрыть дверь, да и тревога, плескавшаяся в голубых глазах монашки, тронула воровку. — Не переживай, — она погладила Хэли по голове. — Все обойдется.

— Все уже обошлось и мне... мне кажется, это случилось благодаря вам.

— Мне? — удивилась Элисса.

— Вам. Кошмары кончились, как только мы с вами познакомились. Поэтому я хотела бы сказать вам спасибо! Не знаю как, но вы, кажется, отвели беду от нашего дома. Спасибо вам, Мила, — проникновенно заглянув в глаза Элиссе, Хэли сжала ее ладонь своими мягкими и теплыми руками. — Да сохранит вас Альтос и да продлит Он ваши годы. Спокойной ночи!

Юная монахиня выпустила ладонь ЭлиССЫ и, коротко поклонившись, поспешила в свою комнату, оставив воровку наедине со своими размышлениями. А подумать было над чем. Неужели у этой девочки был пророческий дар?

— Бред какой-то, — пробормотала Элисса, энергично встряхнув головой, отчего ее густые рыжие волосы разметались по плечам.

Стараясь вбросить из головы слова Хэли о странном сне, Элисса плотно закрыла дверь, по привычке подперев ее стулом. Она как раз собиралась подойти к стоящей на подоконнике свече, чтобы зажечь ее, когда вдруг замерла на полушаге.

В неясном свете луны, она увидела, что узкое окно, выходящее в сад, запотело и на нем резкими мазками написано одно единственное слово — "сегодня".

В груди ЭлиССЫ похолодело. Она подбежала к окну, проведя пальцами по стеклу и к ее удивлению, неровные буквы пострадали от ее прикосновения — надпись была сделана не снаружи, а изнутри кельи! Быстро найдя под одеждой стилет, Элисса сжала его рукоять и, отступив в угол, огляделась — в тесной комнатке она была одна.

— Проклятье! — в сердца выпалила девушка, сразу же повторив. — Проклятье!

Он все-таки пришел! Посланник барона Гирса прибыл многим раньше, чем рассчитывала Элисса, а в том, что это был именно он, воровка отчего-то не сомневалась.

Но когда?! Судя по подтекам на стекле, надпись сделали вечером, еще до появления звезд, сейчас же уже взошла луна, а по небу разметалось бессчетное количество серебристых кристаллов. Но раньше Элисса увидеть ее просто не могла — она работала в саду.

Стало быть, времени остается совсем мало.

За окном грянул гром. Да так сильно, что воровка подпрыгнула на месте, а стекла в окне ее кельи тревожно затряслись. Спустя несколько мгновений в них забарабанил дождь.

Скользя спиной по ледяной стене, Элисса добралась до двери и вжалась в нее лопатками. Не дыша, она наблюдала, как сад заволакивает плотный туман. Он клубился между стволов деревьев, поднимаясь все выше и выше, огромным белым змеем скользя к ее окну. Поднявшись по стеклу, он растекся по нему с легким треском и принялся затягивать сначала инеем, а затем и тоненькой корочкой льда.

Крадучись подступив ближе, Элисса коснулась окна кончиками пальцев и сразу же отдернула обожженную холодом руку. Отступив на шаг, она глубоко вдохнула и выдохнула, пытаясь выровнять дыхание, и унять бешено заколотившееся сердце.

Тщетно.

— Спокойнее, спокойнее, — повторяла девушка, стараясь сосредоточиться. — Чтобы ни случилось, я еще все успею. Главное собраться и...

За окном хрипло каркнул ворон. Элисса невольно подняла взгляд, и ее замедлившееся было сердце, едва не выскочило из груди — на окне появилось еще одно слово — "Поздно".

Спустя один лишь короткий миг, стекло содрогнулось от удара, затем треснуло от еще одного и, наконец, разлетелось на куски.

К ногам Элиссы рухнул окровавленный ворон, неистово бивший крыльями и силившийся подняться в воздух. Он хрипло каркнул, разбрызгивая кругом теплые капли своей крови и вдруг прыгнул прямо на девушку.

С криком Элисса выскочила из комнаты, сразу же наткнувшись на нескольких монахинь, покинувших свои кельи из-за шума и теперь спешащих к ней.

Не слушая, что ей говорят, Элисса метнулась в сторону и побежала прочь. У нее еще должно остаться время, чтобы все исправить. Если она сейчас достанет статуэтку то, возможно, сумеет успокоить вестника барона Гирса.

— Только бы успеть! — Резко изменившаяся ситуация подтолкнула Элиссу к действию, очищая ее разум и возвращая прежнюю расчетливость.

Краем глаза заметив, что монахини слишком заняты бьющейся в собственной крови птицей, воровка быстро юркнула в располагавшуюся слева от нее приоткрытую дверь.

Хозяйка кельи вместе с остальными сестрами суежилась сейчас рядом с комнатой Элиссы, чем воровка и воспользовалась. В покоях, куда сейчас проникла Элисса, жила сестра Гая — средних лет женщина ростом едва ниже самой воровки.

Из-за проблем со здоровьем, Гая раньше отходила ко сну, и Элиссе это было только на руку. Она давно заприметила эту женщину, так как не собиралась получать собственную одежду монахини, предпочитая воспользоваться чужой, а эта, как нельзя кстати, больше остальных подходила по размеру.

Сама Гая, судя по расстеленной постели, уже собиралась уснуть или даже спала, когда ее потревожил шум. Так что она облачилась в ночную сорочку, оставив повседневную одежду на вешалке, сорвав которую Элисса стрелой выбежала из чужой кельи.

Где-то снаружи раздался крик, шум и, кажется, топот лошадиных копыт. Кто-то закричал еще раз. Теперь женщина, монахиня, кричала пронзительно и страшно.

Погруженная в ночную дрему Скелосова пустынь ожила.

Когда Элисса, проклиная все на свете, бежала к подвалам, в часовне при монастыре тревожно забил колокол. Укрывшись в небольшой нише, за плотной шторой, Элисса быстро переоделась, убрав волосы под узкий капюшон одеяния монахини, который она старательно натянула чуть ли ни до самого носа. В темноте подвалов Вирта не сможет ее узнать издалека — получится подобраться поближе, а там....

Элисса крепче сжала рукоять стилета — лучше пожертвовать одной жизнью, чем подставить под удар всех монахинь. Пусть это будет только ее грех. Элисса заслужила его.

Когда мимо ставшей ее укрытием ниши пробегало несколько сестер, воровка выскочила из-за шторы и последовала сразу за ними. Но когда монахини поспешили к дверям во двор, Элисса побежала в другую сторону, незаметно скрывшись за дверью в подвалы.

Едва воровка успела ее прикрыть, как нос к носу столкнулась с высокой статной женщиной в такой же одежде, что была теперь и на ней самой. В руках неизвестная уверенно держала массивный топор дровосека, а ее глаза горели холодной решимостью.

Элисса никогда не видела сестру Вирту, но сразу догадалась, что перед ней именно она.

Прежде чем девушка успела выхватить стилет, монахиня обратилась к ней раскатистым басом:

— Что стряслось, сестра?! Я слышала крики и колокол! На нас напали разбойники?

— Да! — Выпалила Элисса, судорожно кивая и придавая своему голосу тревожную вибрацию.

Темнота у спуска в подвал сыграла воровке на руку и Вирта не могла разглядеть ее лица. В глубине души она возблагодарила судьбу за то, что статная монахиня сама подсказала ей выход из неприятной ситуации.

Воровка никогда не верила в Бога, разве что в детстве, до того, как он допустил смерть ее матери и посягательства отчима. Вера Элиссы иссякла, как и кровь, льющаяся из ран на теле попытавшегося овладеть ею мужчины. С тех пор девушка верила лишь в судьбу и удачу. Если первая частенько забрасывала ее в весьма щекотливые и не дающие скучать ситуации, то вторая всегда помогала выбраться из них живой и невредимой.

Вот и сейчас две этих неразлучных сестрички были в своем репертуаре — затянули по уши в глубокий омут и сразу же подали руку, за которую воровка и вцепилась когтями, будто кошка. Испуганно всхлипнув, она залепетала:

— Там неизвестно что творится. Ужас какой-то. Меня послала настоятельница, чтобы я позвала вас! Кажется, на монастырь напали разбойники...

— Держи! — Никаких вопросов Вирта задавать не стала. Она просто сунула в руку воровки длинный резной ключ, сорвав его с бечевки, что висела на ее толстой шее. — Оставайся здесь, а я пойду и вразумлю этих заблудших овец. Если... если я не вернусь — запришь внутри и жди. Мы зажжем сигнальный костер, и вскоре придут солдаты из ближайшей крепости. Да поможет нам Альтос!

Тяжелая рука Вирты коснулась плеча Элиссы и монахиня, едва не сорвав дверь с петель, поспешила на помощь сестрам. Не веря собственной удаче, воровка с не меньшим рвением бросилась в обратном направлении.

Заблудиться в прямом коридоре с редкими ответвлениями было сложно, поэтому Элисса быстро отыскала нужную секцию. Промчавшись мимо стола с открытым молитвенником и горевшей рядом свечой и едва не уронив стоявший за ним стул, девушка остановилась у двери, врезавшись в нее руками. Быстро сунув ключ в замочную скважину, она дважды повернула его, слыша приятно для уха воровки щелканье.

С трудом открыв скрипучую тяжелую дверь, воровка взяла со стола свечу и осторожно заглянула внутрь — ничего впечатляющего. Какие-то коробка разных размеров, в изобилии расставленные вдоль каменных стен, увешанных потемневшими пронумерованными стеллажами, пара бочонков, завалы мелких деревянных коробок и несколько тугих тюков — вот и все богатство Скедосовой пустыни. К тому же все здесь было покрыто внушительным слоем пыли и паутины, что свидетельствовало о том, что сестра Вирта не очень-то добросовестно исполняла свои обязанности или же эти вещи покоятся в подвале без надобности очень и очень давно.

Внимание воровки сразу же привлекли несколько коробов свободных от пыли и паутины. На краю одного из них лежали листы бумаги и огарок свечи, рядом — чернильница и потрепанное перо.

Видимо, Элисса все же зря грешила на Вирту — свое дело та делала. Склонившись над бумагами, девушка быстро пробежала глазами по тексту, едва заметно шевеля губами. Из прочитанного ее больше всего заинтересовали последние строки: "серебряные подсвечники

три шпуги, два канделябра золотых, коллекция фигур...".

— Вот! — Элисса обрадовано щелкнула пальцами, и звук вышел куда громче, чем она рассчитывала.

Напротив интересующей ее строки стояла цифра "десять". Быстро отыскав нужный стеллаж, девушка стянула с него довольно тяжелый короб и, с грохотом поставив его на пол, начала разбирать заботливо сложенные в нем статуэтки.

Искомое она нашла довольно быстро — статуэтка лежала на самом верху и была выполнена куда более искусно, нежели остальные. Элиссе на миг показалось, что она держит в ладонях не теплый камень, а настоящую, крохотную наэрку в невесомом платье из листвы. Дочь Леса грациозно сидела и держала изящно изогнутые руки так, будто в них должно что-то быть.

— А вот и ты, — приветливо улыбнулась Элисса. — Приятно познакомиться. Пойдем-ка со мной, милашка, — спрятав фигурку за пазуху, воровка устремилась к выходу.

Она не стала закрывать дверь, так как знала, что остальные сокровища монастыря не интересуют тех, кто сейчас вторгся за его стены. Им нужна была именно эта фигурка и чтобы заполучить ее, они не остановятся ни перед чем.

Возможно, прямо сейчас монахини гибли, сами не понимая за что. Это придало Элиссе сил и решимости, и она понеслась по узким коридорам подобно ветру — если она отдаст людям борона то, что им нужно, это поможет прекратить бессмысленное насилие. Должно помочь!

Воровка внезапно замерла. Ее ноги остановились сами, помимо воли, когда до выхода из подвалов оставалось не больше пяти шагов.

— Что я делаю?! — спросила Элисса сама себя, поражаясь неизвестно откуда взявшейся наивности и простоте.

Видимо жизнь в монастыре и общество простодушной Хэли повлияло на Элиссу сильнее, чем она думала.

— Они уже пролили кровь, значит никого не оставят в живых. Никаких свидетелей. Даже если я отдам им то, что нужно, я уже никого не спасу.

Девушка неуверенно попятилась и в этот миг дверь в подвал распахнулась. Внутри ввалился бритый наголо мужчина, в чьих ушах торчало множество колец, а один из глаз перетягивала черная повязка. Дико хохоча, он за волосы тащил за собой извивающуюся монахиню, приговаривая:

— Сейчас ты мне все покажешь, милая. Все, что я только захочу... — он осекся, встретившись взглядом с Элиссой.

Затем бандит улыбнулся еще шире и более мерзко, цепким похотливым взглядом оценивая гибкую, заметную даже под монашеским одеянием фигурку. Рывком подняв голову пленной монахини, он одним движением распорол ей горло, бросив умирать у своих ног, а сам шагнул к Элиссе, поигрывая окровавленным мечом.

— Не подходи, — девушка попятилась. На миг ее разум помутился — девушка увидела в неизвестном разбойнике своего отчима и ее охватила неконтролируемая паника. — Не подходи! — Пронзительно закричала она.

— Не бойся, малышка, — одноглазый послал Элиссе воздушный поцелуй, от которого ее передернуло. Ноги девушки подкосились, и она едва не рухнула на колени, когда бандит приблизился к ней вплотную. — Поиграем? — С улыбкой спросил он, обдав ее зловонным дыханием.

— Мила! — Тонкий, звенящий страхом и отчаянием голос раздался у мужчины из-за спины и он недовольно развернулся.

— Какого... о! Сегодня точно мой день! — при виде растрепанной юной девушки, настроение у головореза улучшилось еще больше. — Этот ваш Альтос, видимо, для меня собирал в своей обители таких красоток.

— Покинь это места, нечестивец! — Коленки Хэли отчаянно тряслись, голос дрожал, но она даже не подумала бежать, когда одноглазый сделал шаг к ней. В наспех накинутом монашеском одеянии, с непокрытой головой и ужасом в глазах, девушка выставила перед собой трясущиеся руки и крикнула: — Уходи!

— Ну уж нет, девочка. Я никуда не уйду! Сначала я наиграюсь с тобой, а потом с твоей сестричкой. Пока Леон наверху забавляется с остальными, я тоже, не останусь без дела. Слышишь крики? Это вопят твои подружки!

Хэли на миг замерла, расширившимися от страха глазами глядя на бандита, а потом вдруг бросилась на него. Она была намного легче и слабее, но ее неожиданный поступок застал мужчину врасплох и он потерял равновесие.

— Мила! Беги! Я задержу!... - договорить Хэли не успела, так как вскочивший на ноги бандит наотмашь ударил ее по щеке обратной стороной ладони.

— Сучка! Да как ты... хагах!.. — издавая булькающие звуки и выпучив удивленный глаз, бандит начал оседать на землю, тщетно пытаясь зажать рану на шее, из которой толчками вытекала густая кровь.

Подскочив к мужчине, Элисса еще два раза ударила его ножом — один раз в сердце и еще один в живот, после чего грубо отпихнула в сторону, припечатав головой о стену.

— Вставай! — Воровка склонилась над Хэли и подняла ее на ноги.

— Я слышала твой крики и прибежала сюда, а тут.... Ты... убила его?! — Юную монахиню будто парализовало — она стояла неподвижно и глядела на замершего на холодном полу мужчину.

— Или он или мы, — ухватив Хэли за ледяную руку, воровка спросила. — В подземелье есть запасной выход?

— Нет, — потерянно замотала головой девушка, продолжая смотреть на увеличивающуюся лужу крови.

— А из монастыря? Кроме ворот, есть какой-нибудь черный ход?! — Элисса лихорадочно пыталась сообразить, что делать дальше. На ум ей пришла пара деревьев, по которым можно забраться на стену, но все они росли неподалеку от входа в монастырь

— Раньше был проход, за огородом, но мать настоятельница велела заложить его. Теперь там не пройти и... Боже мой, сколько крови!

— Все, пошли, — понимая, что стоять у входа в подвал, куда вот-вот нагрянет посланник барона в поисках драгоценной безделушки — довольно глупая идея, Элисса потянула монахиню за собой.

Выглянув в коридор, воровка сразу же отшатнулась — прямо у входа лежало еще одно изрубленное тело монахини. С улицы и со стороны жилых комнат доносились крики, а в воздухе пахло кровью и чем-то горелым.

— Старайся не смотреть на тела, — Элисса встряхнула потерянную Хэли, вынуждая заглянуть себе в глаза. — Слышишь? Соберись! Мы должны выбраться.

— Хорошо, — послушно кивнула та.

Юная монахиня выглядела потрясенной, что и не мудрено. Судя по внешнему виду, она

только собралась лечь спать. Когда же вокруг началось это безумие, то девушка наспех одевшись, выскочила в коридор, даже не надев головной убор. Теперь же Хэли видит, как погибают те, кого считала своей семьей и один только Альтос знает, что сейчас творится у нее на душе.

— Не стоим, вперед! — змейкой выскользнув в коридор, Элисса побежала вдоль стены, не выпуская ледяной руки Хэли.

Идти во внутренний двор сейчас было равносильно самоубийству, точно так же, как и попытаться остановить людей барона. Пока те будут искать фигурку — перероют все подвалы, так что использовать подземелья как укрытие — не получится. У ворот, наверняка, стоит пара головорезов, но сейчас это меньшее из зол.

— Выберемся с обратной стороны монастыря, пройдем через огороды и укроемся в саду, — шепнула Элисса своей дрожащей спутнице, которая нервно убирала со лба прядку светлых волос, спускавшихся почти до середины спины. — Там осмотримся и попробуем выбраться через ворота. Главное — во всем слушайся меня и не шуми. Уяснила?

Хэли согласно затрясла головой. В глазах девушки стояли слезы, а губы беззвучно и непрерывно шевелились, вознося Альтосу одну молитву за другой. Однако она послушно следовала за Элиссой, не устраивая ненужных сейчас истерик и не отставая.

Добравшись до ближайшего окна, Элисса попробовала открыть его и выругалась, когда то оказалось запертым, как и следующее. Разбивать стекло воровка не стала, хотя легко могла бы это сделать рукоятью стилета.

Все же оставался шанс, что звон битого стекла услышат даже в общей суматохе, царившей кругом, к тому же оно может послужить прекрасным ориентиром для преследователей. Выглянув в другое окно, ведущее во внутренний двор, Элисса едва успела отскочить, когда оно разлетелось на мелкие осколки от мощного удара и в коридор ввалились две фигуры.

Элисса с трудом узнала сестру Вирту — одежда на высокой и сильной женщине превратилась в окровавленные лохмотья, а правая сторона лица представляла собой сплошной синяк, но она продолжала отчаянно сражаться, двумя руками удерживая меч бандита, которым тот пытался ударить ее.

Не раздумывая, Элисса подскочила и двумя точными и быстрыми ударами под лопатку отправила разбойника на тот свет, где ему предстояло ответить за свои поступки перед высшими силами, если те, разумеется, существовали. Воровку же вполне устраивал тот факт, что еще один озверевший ублюдок растянулся на полу в луже собственной крови и уже никому и никогда не причинит зла.

— Сестра...

— Бегите! — Прохрипела Вирта, подхватывая выроненный бандитом меч. Она грубо отпихнула Элиссу в сторону, указав свободной рукой на коридор. — Главная настоятельница мертва и почти все сестры тоже. Бегите через кухню, на огород, там не должно никого быть. Спасайтесь!

— А как же вы!? — Хэли хотела приблизиться к монахине, но та решительно отвернулась.

— Мой долг — защищать это место, а твой — вывести всех, кого можешь и рассказать стражникам о том, что здесь произошло. Бегите! Я постараюсь отвлечь их.

— Но...

— Я ранена, они быстро найдут наши следы. Ты! — Вирта повернулась к Элиссе. — Уж

не знаю, где ты так научилась обращаться с ножом и зачем пришла к нам, но забери Хэли и уходите отсюда. Обещай, что выведешь ее! Обещай!

Вирта так посмотрела на Элиссу, что та не смогла ей отказать и коротко кивнула.

— Спасибо. Теперь же — уходите. Живо!

Элисса не стала спорить. Она взяла за руку Хэли и потащила за собой. Юная монахиня не сопротивлялась, но постоянно оборачивалась на оставшуюся в коридоре Вирту.

Прежде чем воровка увела ее прочь, Хэли успела заметить, как в разбитое окно залез еще один бандит, и сестра Вирта храбро шагнула к нему навстречу с клинком в руке. Коридор резко вильнул в сторону, и происходящее скрыла неровная, местами потрескавшаяся стена. До беглянок донесся лишь зловещий скрежет, когда сталь столкнулась со сталью.

Грянул гром и его раскат растворил в себе даже заунывный звон колокола, что бил теперь реже и намного тише. Крики стихли.

Когда они достаточно отделились от главного входа, Элисса могла слышать лишь собственное дыхание, да дыхание бежавшей рядом Хэли. Девушки быстро пересекли столовую, неясными тенями проскользнув вдоль ровных рядов столов и стульев. В конце трапезной находилась дверь, за которой находилась кухня и, на счастье Элиссы, она оказалась не запертой.

Едва переступив порог, воровка чуть не споткнулась о распростертое на входе тело одной из монахинь, в чей спине торчал арбалетный болт. Женщина лежала лицом вниз и не дышала.

— Альтос милосердный... — выдохнула Хэли, едва не налетев на спину остановившейся воровки. — Сестра Агата!

— Уходим! — Элисса быстро развернулась — монахиня явно не пришла из трапезной, а значит, убили ее тут или на огородах. Стало быть, они опоздали — монастырь взяли в кольцо.

По спине воровки пробежал неприятный холодок — очень знакомое для нее чувство, выражающее близкую опасность. Что-то щелкнуло, но за миг до этого Элисса ухватила Хэли за плечи и рывком сместилась в сторону.

Арбалетный болт с сухим и досадливым звуком вошел в дверной косяк, расщепив его надвое. Развернувшись, Элисса легким движением запястья, почти без замаха, метнула стилет и тот, тускло сверкнув в слабом ночном свете, впился в горло появившемуся в противоположном дверном проеме мужчине.

Пришедший с огородов бандит захрипел, выронил арбалет и, сделав еще два неуверенных шага, рухнул на столешницу. При падении он задел руками начищенную до блеска кастрюлю и выложенные в столбики глиняные тарелки. Посуда с грохотом упала на пол вместе с мертвым телом, почти похоронив его под собой.

Послав неуклюжей твари страшное проклятье, Элисса в несколько прыжков пересекла кухню и без всякой брезгливости извлекла стилет из мертвеца. Откуда-то сзади послышался топот и крики.

— Быстрее! Не стой! Запри засов и ко мне! — Будь воровка одна, она бы уже выскользнула в огороды и растворилась в тенях. Но Элисса вдруг четко осознала — если она бросит Хэли, то не простит себе этого до конца жизни.

К тому же она дала обещание Вирте. Ничего подобного с девушкой раньше не бывало и она никогда не жаловалась на внезапные обострения чрезмерной совестливости. Однако

обстановка не способствовала размышлению и самопознанию, так что Элисса решила действовать по ситуации.

Когда Хэли, опустив засов и едва не поскользнувшись на битых тарелках, добралась до спутницы, та уже успела выглянуть за дверь, через которую на кухню проник бандит.

— Вроде пусто, — шепнула воровка, взяв монахиню за узкую ладонь.

— Вы ведь пришли к нам не ради спасения души, да? — неожиданно спросила Хэли и ее глаза влажно блеснули.

— Ты меня раскусила, — Элисса покосилась на арбалет, но тот оказался слишком громоздким для нее, к тому же все стрелы сейчас покоились вместе с их хозяином под грудой битой посуды, разбирать которую не было времени.

Дернув спутницу за руку, Элисса юркнула за дверь и, низко пригибаясь, поспешила укрыться в тени растущих вдоль ровных грядок яблонь. Тяжелые капли дождя неприятно били по спине, почти сразу же промочив монашеское одеяние насквозь, но сейчас было не до жалоб и удобств. Хэли нечаянно задела одну из толстых ветвей и на девушек посыпалось еще больше ледяных капель, вкупе с парой яблок, с глухими ударами упавших на землю.

— Простите, — прошептала монахиня, стараясь, чтобы ее зубы не стучали от ночного холода, сразу же жадно накинувшегося на мокрое тело.

— Будь аккуратнее, — пробормотала Элисса.

Со стороны кухни доносились голоса, и зажегся огонек факела. Кто-то вышел из здания, но его позвали обратно. Скользящие по небу тучи, ледяной дождь и невесть откуда взявшаяся туманная дымка существенно снижали видимость.

Это было как на руку беглянкам, так и нет, но воровка скорее радовалась, чем огорчалась. Бандиты рыскали по монастырю вольготно, явно чувствуя себя новыми хозяевами, так что, даже не смотря на то, что их было не видно, определить местоположение головорезов по шуму не составляло труда. А вот им, не знающим местности внутри стен, придется постараться, чтобы отыскать здесь двух девушек. Если повезет, то бандиты и не узнают, что перебили не всех.

Под прикрытием яблонь добравшись до сада, Элисса огляделась и закусила губу — если бы у нее было больше времени, она могла бы спрятать тело убитого мужчины или же подстроить так, словно того убила монахиня перед тем, как сама умерла от потери крови. Но теперь уже не до этого.

Бандиты наткнулись на мертвого дружка. Скорее всего, они обыщут тут каждый куст. К тому же некоторые из людей барона Гирса знали воровку в лицо. Более того, им было известно, что Элисса здесь и если они не отыщут ее тела, так же как и фигурки, то явно что-то заподозрят.

Элисса даже пожалела, что не оставила статуэтку в кладовой. Она вообще позабыла о ней и только теперь нащупала теплый камень в узком кармане монашеской одежды.

— Ну уж нет, ублюдки, — воровка отбросила желание подбросить фигурку под окна монастыря. — Вы не получите то, зачем явились.

Элиссе неоднократно говорили, что она крайне вредная и злопамятная особа. Она никогда с подобными заявлениями не спорила, так как прекрасно знала, что это все правда. Вот и сейчас она решила, во что бы то ни стало не допустить того, чтобы убийцы, явившиеся в Склосову пустынь, получили то, зачем пришли. Они все равно будут искать Элиссу, как свидетельницу произошедшего, а если эта статуэтка так важна для них то, возможно, воровка сможет поторговаться за свою жизнь, если ее прижмут к стенке.

Но пока никакого преследования не было. Нападавшие решили сначала обыскать сам монастырь, а уже потом заняться остальными делами. Если они выставили у ворот охрану, то беспокоиться им не о чем. Наружу ведет лишь один путь, так что бандиты уверены, что никто не уйдет отсюда живым.

Очень зря — у воровки на этот счет были совершенно иные планы.

— Пошли, только тихо, — шепнула Элисса, но Хэли и не подумала послушаться. Вместо этого девушка обеими руками ухватила за ладонь воровки и, заглянув ей в глаза, спросила:

— Кто вы? Кто эти люди?

— Сейчас не лучшее время, Хэли, — Элисса попыталась освободиться, но монахиня держала поразительно крепко.

— Это все как-то связано, да? Перед тем, как все это началось, я видела сон. Человек в черном принес беду в наш дом, а вы хотели ее отвести, но опоздали.

— Послушай, — промедлив лишь мгновение, Элисса решила. В конце-концов хуже теперь уже не будет. — Мне угрожали. Приказали выкрасть из монастыря одну вещь. Вот, — быстро заговорила девушка, показав юной монахине фигурку. — Но, похоже, заказчику надоело ждать, и он прислал своих людей.

— Но почему бы просто не попросить? — Хэли не отрывала взгляд от высеченной из камня наэрки.

— Такие люди, как мой заказчик не привыкли просить, — горько усмехнулась Элисса. — К тому же твои сестры отказались продавать эту вещь. Сказали, что подношения не продаются. Послушай, Хэли, я пыталась...

— Я верю, — неожиданно мягко произнесла монахиня, выпустив ладонь воровки. — Сестра настоятельница слишком упряма... была. А теперь... теперь все мертвы из-за такой мелочи, — слезы покатались из голубых глаз девушки и она начала медлен подниматься.

— Ты куда? — опешила Элисса, быстро спрятав фигурку обратно в карман.

— Ты хороший человек, Мила, — печально улыбнулась Хэли. Выпрямившись во весь свой небольшой рост. — Я не понимаю, что происходит, но верю, что ты не виновата и не желала никому зла. Поэтому — уходи. Я никогда не смогу идти так же быстро, как ты. Буду мешать и задерживать. Поэтому я останусь и разделю судьбу сестер...

— Не мели ерунды! — Элисса подсекла монахине ногу и, когда та упала на траву, навалилась сверху, придавив жалобно пискнувшую Хэли к земле и зажав ей рот ладонью. — Моя медлительность и осторожность стала причиной того, что произошло. Можешь называть меня эгоисткой, но я вытащу тебя отсюда и, возможно, этот твой Альтос, если он существует, спишет мне грешок другой, — резко прошептала воровка, чувствуя злость на саму себя и на безмерно добрую и всепрощающую монахиню. — Хочешь ты или нет — ты пойдешь со мной!

Элисса медленно убрала руку ото рта спутницы.

— Хорошо, — слабо кивнула та. — Если так тебе будет спокойнее, то я отправлюсь с тобой. Но ты не должна винить себя в случившемся. На все воля Альтоса...

— Что же он за бог такой, если допускает подобные зверства? — не выдержала Элисса, едва не повысив голос.

В сердца девушка сорвала с головы монашеский чепец и едва бросила его на землю. В последний миг она одумалась и решив не оставлять лишних следов, вернула головной убор на место.

— Как ты можешь оставаться такой доброй и сохранить веру после всего, что

произошло?

— Все мы слепы, перед лицом Бога. — Пылко ответила монахиня. — Нам не понять Его провидений. Он направляет нас и все, что ни случается, угодно Ему. Мы же должны принимать это, будь то благодать или испытание. Если верить...

— Это не по мне, — встряхнув головой, Элисса встала и помогла подняться Хэли. — Давай попробуем выбраться отсюда и, возможно этот ваш Альтос, нам поможет. Но я больше рассчитываю на удачу.

Стараясь держаться в тени, Элисса повела Хэли в сторону ворот. Они двигались так, чтобы деревья и тщательно подстриженные кусты всегда находились между ними и монастырем, в чьих разбитых окнах один за другим зажигались факелы — перебив всех монахинь, бандиты занялись разбоем. По крайней мере, воровка искренне надеялась, что этих уродов ослепит жадность, и они не сразу бросятся обыскивать прилегающие территории.

Услышав лошадиное ржание, Элисса подумала о том, чтобы позаимствовать пару скакунов, но быстро отбросила эту идею — лошадей должны охранять, беречь как зеницу ока.

Если покинуть монастырь не удастся, то можно найти укромное местечко и, все-таки, попробовать дожидаться помощи. Вот только как долго придется ждать? Вирта говорила что-то о сигнальных кострах. Но, кажется, их так и не подожгли.

— Как вы подаете сигналы, если на вас нападают? — спросила воровка у Хэли и та сразу же указала на колокольню, темной громадиной возвышавшуюся над монастырем.

— Там наверху есть костер, — тихо ответила монахиня и сразу же добавила. — Странно — колокол звонит, но пламени нет. Мне плохо видно из-за ветвей, там наверху кто-нибудь есть?

— Уже не важно. Пойдем, — Элисса поспешно отвернула Хэли от колокольни, пока та не заметила то, что смогла разглядеть воровка — тело в монашеских одеждах, повешенное на веревке, крепящейся к языку колокола.

Бедная женщина свисала с колокольни, и бушующий ветер раскачивал ее мертвое тело, приводя в движение язык колокола, теперь уже едва слышно говорящий о творимых в этих стенах зверствах.

Остановившись под низкими ветвями ивы, росшей неподалеку от ворот, Элисса замерла, пытаясь разглядеть, что там происходит. Из импровизированного убежища открывался бы неплохой обзор, но туман и ливень сводили видимость "на нет". Казалось, будто приоткрытые ворота никем не охраняются, но воровка никогда не доверяла первому впечатлению и именно поэтому была до сих пор на свободе и жива.

— Не может же все быть так просто, — прошептала Элисса себе под нос, ища взглядом знакомые деревья, растущие вдоль стены.

Поначалу она думала воспользоваться стволами, как лестницей, но тогда Элисса планировала прихватить с собой еще и веревку, которой сейчас под рукой не оказалось. Когда воровка прибыла сюда несколько дней назад, то, перед тем как постучать в монастырские ворота, несколько раз обошла вокруг него. Сейчас эй пригодилось то, что удалось заметить — с другой стороны стены нет ни деревьев, ни плюща, а спрыгивать оттуда вниз было слишком рискованно. Не хватало еще сломать себе ноги и потом, вопя от боли, ожидать прихода бандитов.

Нужен другой план. Вот только откуда его взять?

— Мы пойдем к воротам? — тихо спросила Хэли и воровка почти с трудом разобрала ее голос в усилившемся шелесте дождя.

— Если я не придумаю ничего лучше, — буркнула девушка, пытаясь отыскать еще какие-нибудь варианты решения проблемы, в которой они очутились.

В голову ничего не приходило, а полный доверия и надежды взгляд Хэли просто раздражал. Поэтому Элисса ядовито шепнула монахине:

— Как на счет того, чтобы попросить помощи у Альтоса? Может он укажет нам путь и все такое.

— Я...

Хэли не договорила, зажмурившись от вспышки молний, зато вот Элисса не смогла промолчать, и прошипела проклятье, когда увидела двух рослых мужчин, замерших у ворот. Как она и ожидала — просто так выйти им не дадут, а с одним лишь стилетом она ничего не сможет сделать, портив двух хорошо вооруженных воинов.

— Леди воровка! — Громкий и полный мрачного веселья голос прозвучал со стороны главного здания монастыря. От него, будто от волчьего воя, кровь стыла в жилах, а неуместные веселые интонации пугали еще больше.

Неприятно поморщившись, Элисса подумала, что если бы было с кем, то она поспорила бы на любые деньги, что этот голос принадлежит тому самому помощнику барона Гирса — Леону.

— "Можно подумать, он рассчитывает, что я встану и помашу ему ручкой, проклятый урод", — криво усмехнулась воровка, но улыбка мгновенно пропала с ее лица, когда тот же голос, рассмеявшись, добавил:

— Плакучая ива будет долго оплакивать ваши жизни. Я вижу вас. Вижу и иду!

— Кто это? — Хэли до боли вцепилась в локоть Элиссы. — Кто это был?

— Я тот, кто принес смерть в твой дом, маленькая монахиня, — голос Леона прозвучал совсем близко. — Я тот, кто заберет твою жизнь так же, как забрал жизни твоих сестер!

— Бежим! — Времени на раздумья не оставалась.

Решившись, Элисса сорвалась с места, потянув остолбеневшую Хэли за собой. Лучше рискнуть и попробовать прорваться, чем дрожать в ожидании смерти.

Девушки выбежали из-под приютившего их дерева, бросившись к воротам. Они почти достигли моста, когда следующая за Элиссой монахиня вдруг споткнулась и упала в грязь.

— Хэли! — воровка обернулась и остолбенела, увидев, как над распластавшейся, на земле монахиней навис мужчина в черных одеждах.

На этот раз на его голове не было скрывающей лицо шляпы и, во вспышке молнии, девушка увидела, как выглядит Леон — обритая наголо немного вытянутая голова с угловатым подбородком и заостренными чертами лица, бледная кожа, крючковатый нос и жуткие, горящие ярким желтым огнем глаза. Таких глаз просто не могло быть у обычного человека, их взгляд пугал, завораживал и заставлял сердце замирать в груди.

Сейчас взгляд Леона скользнул по пытавшейся подняться монахине и остановился на лице Элиссы.

— Желаете умереть первой или отправитесь следом за этой прелестной девицей?

Ногой придавив Хэли к земле, Леон достал из под плаща два хищно изогнутых серпа, явно предназначенных для убийств, а не для сборки урожая — длинные прямые рукояти и толстые, отточенные ониксовые лезвия были созданы для того, чтобы срезать жизни.

— Тебе же нужна фигурка, так? — с пылом спросила Элисса. — Ты же за ней пришел?

— Не только, — Леон даже не взглянул воровку. — Эту вещь я вполне мог получить от тебя. Для такой способной воровки подобное дельце — сущий пустяк — вопрос времени, которое, кстати, у меня еще есть и я мог бы дожидаться, пока ты все сделаешь сама. Но!..

От улыбки Леона Элиссе передернуло.

— Я не люблю пропускать веселье. Зачем довольствоваться малым, если можно получить все? Столько жизней... столько жизней срезано сегодня, — мужчина запрокинул голову к темному небу, подставив лицо каплям дождя, и блаженно зажмурился. — Великолепно!

— Ты больной!

— Это вы больны, а я — я излечу вас, — Леон перенес вес тела на правую ногу, и Хэли сдавленно крикнула под его сапогом.

— Не тронь ее! — Элисса бросилась к монахине, но взмах серпа заставил ее отступить. — Отпусти ее! Если тебе нужна эта фигурка, то она там, в подвалах! В ящике...

— М? — На бледном лице отразилась легкая задумчивость. — Ладно, — Леон отступил и Хэли, кое-как поднявшись, бросилась к Элиссе.

— Ты в порядке? — Прижав к себе девушку, спросила у нее воровка и та судорожно кивнула, встав рядом с ней.

— Как трогательно, — мужчина в черных одеждах развел руками, в которых сжимал жуткие серпы. — Кто бы мог подумать, что в лучшей воровке Арстерда заговорят чувства. Тем приятнее мне будет убить тебя!

Элисса даже не заметила, как Леон метнул в нее один из своих серпов. Странное оружие уже готово было вонзиться в грудь девушке, когда прямо перед ней неожиданно выскочила Хэли. Широко раскинув руки, монахиня закрыла воровку своим телом, и серп с чавкающим звуком вонзился в ее содрогнувшееся от удара тело.

— Нет! — Элисса подхватила заваливающуюся девушку на руки. — Нет! Зачем?! Глупенькая...

— Все в порядке, — прошептала Хэли, заглянув в глаза Элиссе. — Такова воля Альтоса и мое предназначение... нет больше радости, чем...

— Вы не перестаете радовать меня, юные леди, — расхохотался Леон и, подскочив ближе, ударил Элиссу ногой, опрокинув на спину. — Подобная жертвенность достойна настоящей монахини, дитя, — склонившись над Хэли, мужчина взялся за рукоять своего оружия и медленно потянул его на себя.

Девушка взвыла от боли, изогнулась всем телом, но сапог Леона снова прижал ее к земле.

— Твой сестры не были столь отважны, как ты — они рыдали, молили о пощаде и даже не думали защищать друг друга. Поистине, ты — настоящая дочь этих стен. В них ты и умрешь! — Рывком высвободив серп, Леон замахнулся... и тут в него врезалась Элисса.

Воровка рассчитывала хотя бы сбить мужчину с ног, но будто налетела на каменную стену.

— Не смей мешать мне! — Ударив девушку коленом под дых, Леон легко отбросил ее на несколько шагов назад. — Твой черед тоже наступит. Но чуть позже.

Элисса с ужасом смотрела на то, как вновь поднимается окровавленный серп. Стоная от боли, она встала на четвереньки, отчаянно пытаясь поползти до Хэли и понимая, что не успевает.

Роняя капли крови, лезвие метнулось вниз. Элисса закричала, но ее крик перекрыл

воплъ чудовищной боли. Остановив серп в дюйме от лица монахини, Леон резко развернулся в сторону монастыря.

К воротам бежали люди. Блики молний и дергающийся свет факелов, что они сжимали в руках, выхватывали из ночной темноты искаженные страхом лица. Неизвестно, что именно так напугало бандитов, но те даже не пытались браться за оружие. Они без оглядки неслись прочь от охваченного туманом монастыря, будто призрак святого Склоса или же сам Альтос в праведном гневе мчался за ними по пятам.

— Что! Это! Значит?! — Отвернувшись от девушек, Леон гневно взглянул на подчиненных, что неслись на него сломя голову.

— Там... призрак! — на ходу выпалил один из бандитов, задыхаясь от быстрого бега. — Семь... семерых наших враз положил!

— Измененный это! — Подхватил другой. — Сталь его не берет! Залиг попал в него из арбалета, а тот просто вырвал болт прямо из своего сердца и... — мужчина поперхнулся своими словами, когда вошедшая ему в затылок черная стрела пробила голову и вышла изо рта.

Колени мертвеца подогнулись, и он рухнул на землю, пропахав грязь лицом и остановившись у самых ног Леона.

— Проклять... — тот из бандитов, что первым ответил подручному барона Гирса, на ходу обернулся через плечо только для того, чтобы в его глаз с рассерженным шелестом вонзилась еще одна стрела.

По инерции пробежав еще несколько шагов, мужчина едва не сшиб Леона, но тот легко отбросил его в сторону, будто человек ничего не весил и крикнул:

— Все ко мне!

Что-то в его голосе заставило обьятых ужасом мужчин подчиниться. Они один за другим останавливались рядом со своим главарем, обнажая клинки и зорко вглядываясь во тьму. Те, кто сторожил ворота, тоже приблизились, держа арбалеты наготове. Все сосредоточенно разглядывали туман и Элисса, пользуясь случаем, тихонько подползла к Хэли. Монахиня побледнела и непрерывно молилась, одной рукой зажимая рваную рану на плече.

— Жива, — с облегчением прошептала воровка. Сняв с головы чепец, она приложила его к ране, пытаясь остановить кровь.

— Тихо там, — строго буркнул один из бандитов, наведя на девушек арбалет. Он воткнул факел, что держал в левом кулаке, в землю и удобнее перехватил оружие обеими руками.

Остальные бандиты, также, избавились от факелов — кто-то, следуя примеру товарища, втыкал их в землю, а кто-то просто швырял прочь. Один из мужчин попал в кучу сухой травы — сорняков собранных в саду, и те, несмотря на дождь, сначала густо задымили, а потом вспыхнули.

Стало заметно светлее.

— Сидите тихо, мышки, — оскалился все тот же тип с арбалетом, качнув им в сторону пленниц.

Но Элисса лишь обожгла его ненавистным взглядом, сильнее прижимая окровавленную ткань к дрожащему телу Хэли.

— Я сказал тих... — руки, сжимающие арбалет вздрогнули и болт просвистел совсем рядом с левым ухом воровки.

Затем разряженное оружие упало на землю, а следом повалился и его обладатель, судорожно сжимающий торчащую из горла стрелу. Ее древко, как и оперение, были черными и, со стороны казалось, что мужчина сжимает в сведенных судорогой пальцах пустоту, ночной мрак.

Элисса попробовала определить, где скрывается неизвестный стрелок, но так и не смогла этого понять — еще две стрелы, унесшие жизни пары бандитов прилетели с разных сторон одна за другой.

Воровка даже подумала, что против напавших на монастырь выступает не один человек. Возможно, солдаты из крепости услышали колокол, и пришли на помощь.

С утробным рычанием Леон выступил вперед, велел своим подчиненным укрыться за его спиной. Взмахнув серпами, он с чудовищной скоростью прямо на лету рассек еще три стрелы, после чего, расхохотавшись, сообщил:

— Мы можем так развлекаться вечно! Вот только стрелы у тебя не бесконечные. Выходи!

Судя по тому, что из тумана никто больше не стрелял — человек барона Гирса оказался прав. Все, включая Элиссу, затаив дыхание ждали, что же предпримет неизвестный стрелок и тот не заставил себя долго ждать.

Воровке поначалу показалось, что это какая-то неясная тень и лишь когда голова стоящего перед ней бандита отделилась от тела, девушка сумела разглядеть гибкую фигуру в черном плаще, с низко надвинутым на глаза капюшоном.

Неизвестный, танцуя, промелькнул рядом и скрылся в клубках приблизившегося тумана, растворившего его в себе.

Еще одна неожиданная атака унесла жизни трех бандитов — один захлебнулся собственной кровью, другой медленно оседал на землю, зажимая колотую рану на груди, а третий лежал в пяти шагах от Элиссы, разрубленный от плеча до середины груди одним мощным ударом.

К своему стыду, воровка так и не смогла разглядеть неожиданного спасителя. Впрочем, она не спешила думать, что этот человек явился сюда, исключительно чтобы помочь ей и Хэли. Он даже не взглянул на них и, казалось, его интересуют только бандиты. Призраком отмщения он выскакивал из тумана, забирал жизни и скрывался вновь.

— Довольно! — Леон топнул ногой и туман, словно испугавшись его, прыснул в стороны, растворяясь и поспешно скрываясь за деревьями.

Вот теперь Элисса увидела того, кто убивал бандитов — человек в драном черном плаще неспешно шел вперед. За его спиной висел лук странной формы, а в руках он сжимал два изогнутых клинка — один с черным лезвием, а другой, наоборот, казался невероятно чистым и отливал серебром.

— Ищущий? — Леон презрительно скривился. — Что ты забыл здесь? Впрочем... — он сделал знак своим людям. — Убейте его. Он один. Принесите мне его голову.

Пусть и не сразу, но бандиты послушались своего главаря. Оставшаяся пятерка, подбадривая себя криками, бросились на человека в плаще, медленнодвигающегося им навстречу.

Когда противников разделала всего-то пара шагов, человек в плаще замер, чтобы в следующее мгновение превратиться в настоящий вихрь. Одним движением он отразил направленный ему в грудь клинок, пронзив ближайшего бандита и, словно щитом, закрывшись трупом от арбалетного болта.

Толкнув мертвеца на одного из его товарищей, незнакомец поднырнул под усеянной шипами дубиной, подрезав ногу завопившего бородача, повернулся вокруг своей оси, ударив вперед и назад. Один из клинков заставил бородатого бандита замолчать навсегда, а другой пронзил сердце его подельника.

Сбросив тела с мечей, человек в черном медленно двинулся на оставшихся врагов и те попятись, глядя в его глаза, разгорающиеся ярким зеленым огнем.

Один из мужчин судорожно пытался перезарядить арбалет, а другой, отбросив меч, побежал прочь. В результате не повезло обоим сразу — второй, как и первый, лишился головы, только отсек ее Леон.

— Бесплезные ублюдки, — зло сплюнул человек барона Гирса, взмахнув серпами. Его желтые глаза разгорелись еще сильнее, став поразительно яркими и пугающими. — Ты ведь не ищущий, да? По глазам вижу, ха-ха. Но... что это? Я чувствую в тебе родную кровь. Кто же ты?

— Твоя смерть. — Коротко бросил неизвестный, с невиданным проворством метнувшись вперед.

Несмотря на скорость нападавшего, Леон смог не только отразить атаку, но и ударить в ответ. Серебристый клинок встретился с ониксовым серпом, разбрасывая вокруг тысячи искр. Противники обменялись десятком молниеносных ударов прежде, чем Элисса успела моргнуть. Результатом такого размена стала широкая рана на груди у Леона и ощутимый порез на предплечье незнакомца.

— Не дурно, весьма не дурно, — оценил подручный барона действия человека в драном плаще и рассмеялся. Обернувшись к Элиссе, он неожиданно спокойно сказал ей:

— Никуда не убегайте, юные леди, я вами еще займусь.

Сверкнувшая молния на миг осветила двор монастыря еще ярче, чем это делали факелы и разгорающееся пламя. Элиссе показалось, что рана на груди Леона пропала — сквозь распоротую рубаху виднелась бледная, но нетронутая сталью кожа. Но нормально рассмотреть она ничего не успела, так как мужчины снова бросились друг на друга.

Незнакомец атаковал Леона с новым раскатом грома. Мужчины вновь закружились в сверкающем танце смерти, осыпая друг друга страшными ударами. Леон дрался с упоением и смехом, ни на миг, не замедляя своих стремительных движений. Его противник, наоборот, сражался молча, то замирая, то разражаясь множеством выпадов и ударов. Ему удалось поразить бок Леона и распороть тому скулу, но и человек барона не остался в долгу — серп разорвал плащ незнакомца на плече и рассек тому щеку, сбив с головы глубокий капюшон.

Вот тут-то Элисса и поняла, что они с Хэли здесь явно лишние — перед девушками сражались двое нелюдей. Оба со сверкающими, будто у измененных, глазами. Только у незнакомца они были ярко-зелеными.

Не собираясь больше оставаться рядом с этими существами, Элисса подхватила под руки застонавшую Хэли и поволокла ее прочь, к воротам, попутно подобрав свой стилет.

— Зеленый Лиас, — прошептала монахиня, коснувшись своей раны — чепец, что прикладывала к ней воровка, уже весь пропитался кровью. Оторвав от юбки широкую полосу ткани, девушка отбросила бесполезный теперь чепец и приложила к ране относительно чистую тряпицу.

— Не время думать о своих сорняках, — отрезала Элисса. — Проживут как-нибудь без тебя.

— Лиас, — упрямо повторила Хэли, вновь коснувшись раны. — Приложить... — глаза

монахини закрылись, и Элисса на миг испугалась, что та умерла.

Быстро прижав ладонь к шее девушки, воровка облегченно вздохнула — та просто потеряла сознание. Однако Хэли оказалась права — долгий переход она не перенесет, если ее рану не обработать.

— Зеленый Лиас, — пробормотала Элисса, припоминая, как Хэли, показывая ей сад, рассказывала о свойствах тех или иных растений.

Еще с детства Элисса обладала отличной памятью и всегда могла вспомнить то, что видела раньше. Вот и сейчас, перед ее мысленным взором незамедлительно появился невысокий, больше напоминающий сорняк, цветок. У него были круглые, будто рифленые листья, толстые, мясистые стебли и белоснежные лепестки на крохотных овальных бутонах. Но именно листья, по словам Хэли, обладали целительными свойствами, обеззараживая рану и способствуя ее заживлению. Рос этот цветок недалеко от воды, под ивами.

Застонав, Элисса нашла взглядом раскидистое дерево, под которым они с Хэли недавно прятались. Ночь и вновь сгущающийся туман не давали разглядеть земли, но девушка твердо знала, что цветки там есть.

Быстро посмотрев в сторону сражающихся мужчин, воровка все же решилась — положив Хэли на землю, она со всех ног бросилась к иве. Надорванная юбка с треском разошлась по шву, когда Элисса, поскользнувшись, едва не упала, но она не обратила на это внимания. Добежав до заветного дерева, она рухнула на колени, принявшись быстро обрывать шершавые на ощупь листья зеленого Лиаса, крепко прижимая их к груди.

— Только бы успеть. Только бы...

Рев злобы и боли заставил Элиссу вскочить на ноги и обернуться — сражающиеся мужчины замерли боком к ней, и она увидела, что серпы Леона впились в ключицу и бок его соперника, тогда как пара изогнутых клинков, пронзили тело желтоглазого насквозь и от ран начал подниматься едкий дым.

— Знакомые клинки... — с утробным рычанием, Леон, сильнее насаживаясь на мечи, шагнул вперед, приблизив свое лицо к заросшему бородой лицу врага. Он намеревался что-то сказать, как вдруг желтые глаза удивленно расширились, и с бледных губ Леона сорвалось лишь одно слово:

— Тенро?!

Неизвестный в черном плаще вздрогнул всем телом и едва не выпустил рукояти мечей, прочно засевших в теле противника. Он несколько раз быстро моргнул, будто видел стоящего перед ним мужчину впервые.

— Тенро! — Взревел Леон, уперев ногу в живот замешкавшегося врага и отпихнув его от себя, соскальзывая с клинков. — Тенро! — С непонятной радостью выпалил он. — Значит, они избрали и тебя тоже! Они нашли тебя! Теперь станет интереснее! — Взвившись в нечеловеческом прыжке, Леон с места запрыгнул на стену. — Сперва, я закончу дела, а потом мы поиграем, старый друг, — прорычал он и исчез в темноте.

Несколько быстрых прыжков и мужчина скрылся в охватывающем монастырь тумане.

Элисса следила за происходящим затаив дыхание и боясь пошевелиться. Она наблюдала, как мужчина в черном плаще вначале собирался последовать за противником, но, сделав несколько шагов, остановился. Медленно повернув голову в сторону пришедшей в себя Хэли, он направился к ней.

Зеленые глаза продолжали гореть ярким пламенем, когда незнакомец склонился над забормотавшей молитву монахиней. Руки с мечами слабо дернулись в сторону девушки.

Элисса покрепче сжала стилет и, проклиная себя за безрассудство, бросилась на неизвестного. Ей почти удалось добежать до него, когда мужчина начал оборачиваться.

В зеленых глазах отразилось удивление, сменившееся злобой, когда он увидел зажатый в руках девушки нож. Не замедляя шага, Элисса швырнула в бледное лицо недавно сорванные листья и нанесла удар.

Она и сама не поняла, как острое стилета прошло мимо цели. Что-то твердое врезалось ей в бок, опрокидывая на землю и, когда мимолетная вспышка боли отступила, Элисса увидела несущейся ей на встречу темный клинок.

— Мила! — отчаянно крикнула Хэли и лезвие, вздрогнув, замерло, едва дотронувшись кожи на шее воровки.

— Мила... — почти беззвучно повторил незнакомец, и огонь в его глазах погас, сделав их похожими на обычные, человеческие.

— Не убивай ее, пожалуйста! — Взмолилась Хэли, пытаясь подняться. — Не надо!

— Мила, — вновь повторил незнакомец более уверенно. — Убрав клинок от шеи Элиссы, он спрятал оружие в ножны и протянул воровке руку. — Меня зовут Тенро и ваше имя мне знакомо. Вы меня узнаете?

Элисса помедлила, прежде чем ухватиться за протянутую ей ладонь. Неожиданно для девушки сильная рука незнакомца оказалась теплой, живой. Но глаза — она сама видела, как в них бушевало пламя измененных.

Девушка пребывала в замешательстве и не могла понять — кто перед ней. Измененные, как говорили те, кто их видел — холодны, как лед и одержимы жаждой крови. Они мертвенно-серые и не издают никаких звуков, кроме рычания или шипения, а этот странный тип не только выглядит, как человек, но еще и говорит.

Он и этот Леон, что скачет словно кузнечик, несмотря на несколько дыр в собственной шкуре, от которых нормальный человек успел бы умереть несколько раз.

— "Во что я только ввязалась"? — успела подумать Элисса, поднимаясь на ноги.

По привычке она поправила растрепавшуюся прическу и, приосанившись, выдала одну из своих соблазнительных улыбок — кем бы этот незнакомец ни был, он, в первую очередь, мужчина. А как вести себя с мужиками, Элисса знала очень хорошо. Мэлис посвятила не один день, чтобы обучить свою подопечную техникам обольщения, столь нужным в их непростом ремесле. Уж в чем в чем, а в женских чарах наставница воровки толк знала.

Увы. Ни улыбка, ни томный взгляд Элиссы не произвели на странного типа никакого эффекта. Он продолжал выжидающе смотреть на нее, а в зеленых глазах читалась легкая растерянность.

— Мила? — неуверенно повторил Тенро.

Имя было ему знакомо, но откуда? Сейчас он мог поклясться, что видел эту девушку впервые и, скорее всего, это просто совпадение. Хотя надежда, что она откуда-то знает его, все еще оставалась. Впрочем, по взгляду монахини Тенро понял, что и она видит его впервые.

— Это я, — солгала Элисса, отметив, что голос у мужчины вполне человеческий. Чуть хриплый и грубый, но приятный и, что главное — доброжелательный. — Мы знакомы?

Она внимательно разглядывала лицо незнакомца — заросшее бородой, но не старое. Немного морщинок вокруг глаз, острый прямой нос, тонкие губы и несколько застарелых шрамов — все это смотрелось довольно хищно в свете пляшущего пламени.

Он был немного старше Элиссы, но что-то таящееся в глубине зеленых глаз убеждало воровку, что она ребенок по сравнению с тем, кто стоит напротив. Элисса уже встречала таких людей — те, кто вернулся с войны против измененных, выглядели примерно так же. Девушка могла поспорить, что на руке этого типа в черном плаще, наколот один из символов авангарда армии Арстерда. Интересно какой? Размышления воровки прервал сухой голос:

— Видимо, нет, — интерес в глазах мужчины в черном плаще пропал. Его взгляд потускнел, лицо сразу осунулось, потемнело. — Я обознался, — с тоской пробормотал он, отступая на шаг.

Хэли слабо застонала и Элисса, спохватившись, бросилась к тому месту, где уронил целебные листья. Быстро собрав, она вытерла их о собственную одежду, и поспешила раненой монахине.

Незнакомец, так же, подошел к лежащей на земле девушке. Несколько мгновений он всматривался в бледное лицо, после чего опустился на одно колено. Без усилий он надорвал пропитавшуюся кровь монашескую рясу в том месте, где ее коснулся серп Леона и

посмотрел на рану девушки.

Хэли слабо попробовала сопротивляться, но незнакомцу хватило одного лишь взгляда, чтобы юная монахиня, успокоилась. Тщательно ощупав края раны, мужчина кивнул своим мыслям, после чего поднес к лицу испачканные кровью пальцы, понюхал их и слизал кровь кончиком языка.

— Что ты делаешь?

— Помолчи. Дай мне листья, — даже не взглянув на Элиссу, Тенро протянул ей руку, и та послушно вложила в нее несколько листов зеленого Лиаса.

Скомкав хрустнувшую в его руке зелень, охотник засунул листья в рот и принялся пережевывать горький и сочный комок. Сплюнув на ладонь, но свободной рукой слегка развел края раны в стороны и вложил туда пережеванные листья.

— Еще, — потребовал Тенро.

Элисса отдала ему оставшиеся листья, которые он плотно прижал к ране застонавшей Хэли. Взяв слабые руки девушки в свои, охотник положил их на листья зеленого Лиаса, проронив:

— Держи крепче. Не отпускай. Рана глубокая, но жить будешь.

— С ней все будет в порядке? — Решилась спросить Элисса, с сомнением наблюдавшая за действиями незнакомца.

— Если больше ничего не случится — да, — невозмутимо ответил Тенро. — Сок Лиаса выгонит заразу и очистит кровь, а его листья помогут ране затянуться. Большая удача, что это растение оказалось неподалеку. Отнятый от земли Лиас хранит целебные свойства совсем недолго.

Тенро запоздало сообразил, что понятия не имеет, откуда знает так много о травах, но сейчас было не до этого.

Элисса облегченно вздохнула.

— Спасибо вам, — слабо прошептала Хэли и, с помощью воровки, села. — Видимо сам Альтос прислал вас нам на помощь. — Она с теплотой и благодарностью посмотрела на незнакомца, чьи губы растянулись в ироничной усмешке.

— Еда ли меня сюда привел ваш бог, — произнес Тенро, вспомнив мертвого Нирта. Одержимый мстостью он преследовал убийц парня и теперь не знал сам, где оказался.

— Это место — священо и добрых людей сюда приводят исключительно благие намерения. Так было и со святым Скелосом....

— Скелос? — поспешно перебил юную монахиню охотник.

— Да, — Хэли не придавала значения грубости мужчины. — Наш монастырь Скелосова пустынь — построили в честь святого старца Скелоса.

— Монастырь Скелоса. — Тенро жадно вцепился в эти слова — очередную ниточку, ведущую к его прошлому.

Еще оставался недавний противник, но сейчас Тенро был не в том состоянии, чтобы гоняться за ним, кем бы он ни был. Оставленные жуткими серпами, раны охотника затягивались медленно и силы еще не вернулись к нему, так что преследование придется отложить. К тому же, что-то подсказывало Тенро, что его противник все еще где-то рядом.

Осмотревшись, охотник спросил:

— Здесь есть могилы? Люди из Зеленых полян. Мне сказали, что они похоронены здесь.

Услышав о деревне, все жители которой пали от клыков измененных, Хэли побледнела еще больше. Скорбно кивнув, она указала мужчине в сторону сада:

— Там, за деревьями. Они все... всё, что осталось, похоронено там. Справа.

Девушка с ужасом вспоминала тот день, когда хмурые солдаты привезли в монастырь телеги, груженные разорванными и обезображенными покойниками. Тогда она впервые увидела людей, чью жизнь забрали насильно, да еще таким зверским образом — мужчины, старики, женщины и даже дети — все они были изодраны страшными когтями и клыками. От воспоминаний, Хэли почувствовала, как ее голова закружилась, а к горлу подкатил неприятный горький комок.

— Вы знали их? — тихо спросила монахиня и сидящий рядом мужчина, неотрывно смотревший в указанном ей направлении, кивнул. — Вся деревня погибла, — Хэли неприятно было говорить об этом но, если перед ней сейчас один из родственников погибших, то он должен узнать о том, что произошло. Вздохнув, монахиня продолжила:

— Их убили измененные. Говорят, в деревню пришел туман и...

Хэли испуганно отпрянула, когда сидевший рядом мужчина резко вскочил на ноги. Тряхнув головой, он обернулся к зданию монастыря, теперь почти сокрытого туманом.

— Уходите отсюда, — прошептал охотник, и его клинки с тихим шелестом покинули ножны. Один из них, будто напившись ночной тьмой, был почти незаметен во мраке, другой же, наоборот, светился серебристыми искорками.

— Что-то случилось? — Элисса помогла Хэли подняться на ноги и подняла с земли свой стилет. Посмотрев на девушку, воровка перевела взгляд на раны незнакомца и едва сдержала ругательство, когда сквозь дыры на одежде не увидела не только ран, но и следов крови. Прямо на глазах у Элиссы, разорванные сталью края плоти срастались, оставляя после себя лишь белые рубцы.

— Уходите — немедленно, — проронил Тенро, шагая к стелящемуся ему навстречу туману. — У ворот лошади — возьмите и скачите прочь. Сначала на одной, потом на другой. Вам нужна деревня или город, подальше отсюда.

— А как же ты? — тон мужчины говорил о многом и отбивал у Элиссы всякое желание спорить с ним.

— Я останусь, — когда охотник обернулся к девушкам, в его глазах разгоралось зеленое пламя. — Мне нужно встретиться со своим прошлым.

— Вы...

— Уходим! — Элисса поспешно потянула застывшую на месте Хэли за собой. Воровку больше пугал не сам незнакомец, а такие же яркие, как и у него глаза, загорающиеся в скрывающем монастырь тумане.

— Он... он измененный? — заплетающимся языком пробормотала Хэли, постоянно оборачиваясь на стоящего на месте мужчину.

— Не знаю, — выскочив за ворота, Элисса с облегчением увидела пару стреноженных лошадей, привязанных к ручке на левой створке. — Не хочу знать и тебе не советую. У него своя дорога — у нас своя.

Из-за ворот послышались глухие удары. Но не было слышно ни криков, ни лязга стали.

Воровка энергично встряхнула головой. Связав лошадей между собой, она помогла Хэли залезть на спину первого животного, а сама устроилась сзади. До ближайшей деревушки скакать придется всю ночь.

Но Элисса была готова бежать сколько угодно, лишь бы оказаться подальше от измененных и проклятого тумана. Послав животное вперед, воровка несильно, но вполне чувствительно ударила его пятками по бокам, вынуждая перейти на рысь. В последний раз,

оглянувшись в сторону ворот Скелосовой пустыни, Элисса увидела, как фигура в черном плаще шагнула в туман и растворилась в нем.

Прежде чем монастырская стена скрыла от нее происходящее внутри, девушка заметила, что головы лежащих на земле мертвых бандитов были отделены от тел.

* * *

Он видел их — десятки небьющихся сердец, покрытые свежей кровью тела и бледные губы, обнажающие удлинившиеся клыки. Они вставали один за другим, поднимаемые туманом и чьей-то волей, что гнала их вперед, лишая собственной.

Отрепившись от всего происходящего, Тенро прислушался к своим чувствам. Среди спешащих к нему измененных он заметил легкий, почти невидимый след, уходящий в ином направлении. Следы вели вглубь монастыря, под землю — именно там он найдет того, кто управляет созданиями тумана. Того, кто, возможно, сможет дать ему ответы о том, кто же он такой.

Тенро решительно зашагал вперед, не обращая внимания на тянувшийся к нему туман. Тот, подобно живому существу, жаждал ласки и внимания, едва заметно касаясь тела охотника и радуясь его появлению.

— Ты получишь то, ради чего спас меня, — прошептал Тенро. — Прямо сейчас.

Сверкнул серебром один из наэрских клинков, и голова беззвучно выскочившего из тумана измененного отделилась от тела, безвольно рухнувшего к ногам охотника. Ровный срез раны с шипением начал обугливаться, когда на Тенро напали еще двое противников — крепкая монахиня, когда-то разрубленная от ключицы и до груди и мужчина, в чьем сердце до сих пор торчал меч.

Измененные только успели оскалиться, как Тенро налетел на них подобно урагану. Быстрым движением он рассек монахине живот, попав вторым клинком точно в рану, от которой ранее умерла эта женщина.

Черное лезвие наэрского меча жадно впилося в измененную плоть, вначале пройдя по пути, что создали до нее, а затем, проделав и свой собственный — тело женщины распалось на две части.

Крутанувшись на месте, охотник отсек тянущуюся к нему руку, ударив ногой в рукоять меча, торчавшего из груди измененного бандита. Тот сделал шаг назад и, воспользовавшийся этим воин, обезглавил врага.

Тенро быстро шел вперед. Он не опасался нападения со спины, так как заранее отделил от тел головы оставшихся у ворот бандитов. Теперь те не смогут не только навредить ему, но и не погоняться за двумя выжившими монахинями. Двумя... Тенро криво усмехнулся — что-то подсказывало ему, что служительницы Альтоса не носят с собой стилетов и, тем более, не могут орудовать ими столь умело, ведь будь он чуть медленнее и острое жало впилося бы точно в грудь.

Конечно, в монастыри приходят разные люди, но во взгляде этой Милы не было и тени кротости и смирения. Когда их глаза впервые встретились, он увидел не только страх, но и вызов, волю к жизни и готовность драться за нее.

Туман перед охотником растекся, и из него выплыло крыльцо монастыря. Потрескавшиеся плиты покраснели от крови, а, спустя всего лишь миг, на Тенро прыгнула и та, кто недавно лежала на этом месте.

Измененная монахиня бесшумно приземлилась за спиной охотника и резко выбросила вперед руки, метя когтями в незащищенную шею человека. Любого другого столь

неожиданная атака застала бы врасплох, но не охотника.

Тенро мало что понимал о том, кем он стал, но одно знал точно — он уже не человек. Одновременно присаживаясь, Тенро развернулся, резко, словно пружина выпрямился, вскидывая клинки, и нападавшая в мгновение ока лишилась обеих рук. Вновь сверкнула сталь, и голова измененной с глухим стуком упала на каменные плиты.

Поднявшись по ступеням, Тенро взгляделся в густой туман, обволакивающий все вокруг. Судя по размерам монастыря, здесь должно было жить больше двух-трех десятков монахинь. Все они сейчас — мертвы, но не все обратились в измененных. То ли у их создателя не хватило на это сил, то ли вера и чистота некоторых сестер была такова, что даже туман и чужая воля не смогли сломить их.

Точнее некоторых из них.

Охотник с тоской обернулся на замерший на крыльце труп — к сожалению не все, кто считали себя преданными слугами своего бога, таковыми оказались.

Оставались еще бандиты. Тенро прекрасно помнил, как он лично убивал их, одного за другим. Он с наслаждением смотрел на искаженные страхом лица убийц Нирта, упиваясь их болью и страданиями.

Так что охотник мог считать случившееся настоящим подарком судьбы. Теперь, когда они вернулись с того света — он сможет отомстить ублюдкам дважды. Перед мысленным взором охотника появилось лицо раненной молодой монахини. А ведь они с Ниртом, наверное, ровесники. Только вот она выжила и покинула это место. Возможно, и он сам скоро уедет отсюда.

Поймав себя на мысли, что не желает по дороге наткнуться на мертвых монахинь, Тенро вздрогнул — что если кого-нибудь из измененных привлечет запах крови? Лошади скачут быстрее, но порождения тумана не знают усталости и могут идти по следу очень долго. Этого нельзя допустить.

Войдя внутрь главной монастырской постройки, Тенро развел руки с окровавленными клинками в стороны и громко крикнул:

— Вот он я. Подойдите и попробуйте взять!

Эхо с готовностью подхватило слова, разнеся их далеко по пустым коридорам. Послушав, как его голос гулко грохочет под высокими сводами, Тенро добавил:

— Я иду за тобой и, если ты хочешь остановить меня — тебе понадобятся все рабы.

Обостренный слух охотника донес до него множество едва различимых шагов. Со всех сторон они устремлялись к нему, становясь все ближе и ближе. Серебристое лезвие одного из клинков заискрилось сильнее, и Тенро поднял его на уровень лица, взглянув на свое отражение. Со стальной глади на него смотрели два неестественно ярких зеленых глаза — отражение того, кем он стал теперь.

По кромке лезвия пробежала тень и Тенро, молниеносно развернувшись, выпрямил руку с мечом, пронзив горло одноглазого бандита, выскочившего на него из тумана. Лезвие прошло чуть выше еще одной раны, которую, так же нанес охотник, но немногим ранее, в первый раз убив бандита.

Неспешно высвободив оружие из оседающего на пол противника, Тенро принял низкую стойку, чуть подавшись вперед и согнув ноги в коленях. Взяв ониксовый меч обратным хватом, он развернул корпус, уводя лезвие за спину и, приготовившись к бою, замер.

Шум неслышных для обычного человека шагов нарастал, становясь все ближе. Набрав в грудь побольше воздуха, Тенро медленно выдохнул и в этот же миг туман вокруг него разом

всколыхнулся, выплевывая из себя растянувшиеся в прыжках тела.

Первого противника охотник пропустил, просто сместившись в сторону. Сразу же вернувшись на прежнее место, он уклонился от следующего измененного, одновременно вогнав сверкающее лезвие в затылок первому.

Развернувшись на пятках, Тенро рассек появившейся перед ним твари горло, и темная вязкая кровь, брызнув на щеку, обдала холодом. Спустя менее чем один удар сердца, охотник вогнал сияющий серебром клинок точно в кляцнувшую рядом с его рукой пасть. Лезвие раздробило клыки, рассекло гортань и с шипением вышло с обратной стороны черепа.

Ударом ноги отшвырнув тело прямо на несущегося вперед измененного и опрокинув того на пол, Тенро не позволил ему подняться, безжалостно добив лежащего противника.

Измененные бандиты и монахини лезли со всех сторон, поэтому охотнику приходилось постоянно перемещаться, чтобы живая волна обезумевших существ не похоронила его под собой. Черным призраком он сновал между скрюченными фигурами, нанося быстрые и смертоносные удары.

Он колот и рубил, получая раны и нанося ответные. Несмотря на то, что нынешний Тенро немного превосходил измененных в скорости и силе их количество и одновременные атаки значительно уменьшали его преимущество.

Кольчуга на охотнике прорвалась во множестве мест, и раньше рваный плащ теперь напоминал тряпку, а пол под ногами стал скользким от крови. Но охотника это не останавливало. Яркая алая нить мести в его сознании лишь разгоралась с каждой нанесенной или полученной раной, питая Тенро силой и каждое мгновение напоминая ему одни и те же слова — никогда не сдаваться.

Эта мысль толкала его вперед, наполняя сердце злобой и решимостью, которые обретали силу в смертоносных движениях. Мастерство солдата "черных стрел", подкрепленное усиленными рефлексами и ледяной, застилавшей ему глаза всепоглощающей ненавистью, не позволяли Тенро останавливаться.

Взмах сияющего клинка и обезглавленное тело рухнуло на пол. Второй выпад поразил выросшего из тумана измененного в ногу. Сталь рассекла плоть и с хрустом вошла в колено, разворотив его и опрокинув существо на пол.

Чьи-то когти распорили плащ и кольчугу на спине. Новая раскаленная игла боли пронзила тело охотника, сразу же сменившись гневом. Слепой удар назад и серебристый меч вошел в брюхо измененного. Зачарованная сталь незамедлительно выпустила свою магию в тело создания тумана, выжигая его сущность и уничтожая плоть.

Шаг вперед и череп оскالившегося мужчины треснул под сапогом охотника. Оттолкнувшись от мертвеца, Тенро прыгнул на стену и, едва коснувшись ее ногами, оттолкнулся вновь, в полете сбив пытающуюся заскочить ему на спину измененную монахиню и перерубив ей хребет.

Стоило ему приземлиться, как новый противник набросился сбоку, впившись зубами в плечо. Несколько клыков сломались о звенья кольчуги, но укус, все равно, получился довольно болезненным.

Ударом рукояти Тенро попал прямо между ярких глаз измененного, услышав, как треснул череп. Бывший бандит ослабил хватку, и ониксовый клинок одним росчерком выпотрошил его, вспоров плоть от паха до горла, в то время, как серебристый меч по широкой дуге снес голову одной твари и вошел в висок другой, пробив череп до самой переносицы.

Тенро отпрыгнул, чувствуя боль в бедре — кто-то снова достал его и, будь он обычным человеком — не смог бы нормально двигаться, да и вообще, скорее всего, не дожил бы до нынешнего момента.

Но он стал другим, изменился и теперь может противостоять тем, кого ненавидел всей душой. Зарывав по-волчьи, охотник снова ринулся в бой. Рывок влево, затем сразу вправо, с поворотом туловища и рук, толкающих смертоносные клинки навстречу противникам.

Глубокий выпад и зачарованный клинок по рукоять вошел в широкую грудь создания тумана, легко вынырнул оттуда, роняя капли черной крови и сразу же нашел для себя новую цель.

Охотник методично расчищал пространство вокруг себя, вырываясь из кольца измененных, чтобы накинуться на них вновь. Как только рядом не оказывалось тварей, он на мгновение замирал, дразня и провоцируя их, специально подпуская поближе, чтобы обрушиться на врагов ледяной лавиной.

С каждым упокоенным измененным сердце Тенро стучало все быстрее и быстрее, наполняясь нечеловеческим, чуждым живым созданиям весельем и удовлетворением. Жажда убийств вынуждала его двигаться все быстрее и быстрее, превращая человека в вихрь стали и смерти.

Танцуя среди крови и рассеченных тел, Тенро сам не заметил, как остался один посреди устланного мертвецами коридора. Туман низко припал к полу, впитывая кровь и радостно извиваясь, довольный учиненной охотником бойней.

Накрывший измененных белый саван трепетал, словно содрогаясь в немом экстазе и преклоняясь перед выжившим.

Кроме Тенро здесь больше не осталось никого. Никого из марионеток. Их хозяин до сих пор не появился. Охотник чувствовал его где-то внизу. Тот скрывался в подвалах, предоставив своим творениям выиграть время.

Но для чего?

Подойдя к одному из тел, принадлежавших тем, кто напал на монастырь, Тенро коснулся пальцами его лба. Сознание отступило на задний план, и он увидел то, что видел бандит незадолго до того, как умереть.

Вздрагнув, охотник поспешно одернул руку, чтобы, спустя лишь мгновение, раскрыть голову твари мощным ударом. Тенро искренне пожалел, что этот ублюдок умер столь легкой смертью. За все те зверства, что он и его дружки учинили в этом монастыре, удар клинка — слишком достойная награда.

Быстро оглядев остальных бандитов, охотник понял, что не увидит в их сознании ничего, кроме кровавого безумия, что эти ублюдки устроили в Склосовой пустыни.

— Этого ли ты хотел, для тех, кто посвятил всю свою жизнь служению тебе? — Бросив на потолок полный злобы взгляд, Тенро скрипнул зубами. — Где твоя справедливость? Где твой праведный суд? Его нет! Но будет казнь!

Смахнув с клина черную кровь, мужчина поспешил туда, куда звала его жажда. Перешагивая через распластавшиеся на полу тела, охотник слушал хлюпанье черной крови под ногами и, в тоже время, ощущал, как его собственные раны начинают затягиваться.

Внутри него будто все заledenело, а затем по жилам растекся жидкий огонь, унося с собой боль и усталость. Тенро поморщился — все это было очень удобно, но, в то же время, он содрогался от омерзения осознавая, в кого превратился.

Сомнений не оставалось — его изменил туман. Но почему он стал другим, не как

остальные измененные? В чем дело? Возможно, на этот вопрос сможет ответить желтоглазый, который сбежал от охотника во дворе монастыря. Он, кажется, назвал Тенро по имени, узнал его.

— Он должен что-то знать обо мне, — боль в ногах прошла, и охотник перешел на бег.

Он быстро нашел лестницу и дверь, ведущую в подвалы. Когда Тенро протянул руку к дверной ручке, та резко рванулась ему на встречу, едва не переломав пальцы и из темноты дверного проема выскочили двое измененных.

Ранее обе эти женщины были благообразными монахинями. Сейчас же одежда одной из них стала рваными лохмотьями, красноречиво говоря, что именно сделали с ней бандиты, прежде чем убить. Другая же, почти старуха, умерла сразу — висок под седыми, испачканными в крови волосами был раздроблен.

Пустота, нахлынувшая на душу Тенро при виде измененных монахинь, сменилась горечью, а когда он, замешкавшись, получил рваную рану на щеке — все чувства вытеснила вспышка гнева. Сверкнули клинки и старая монахиня, доставшая когтями охотника, лишилась головы. Ее более молодая сестра успела броситься на встречу Тенро, но мечи оказались длиннее рук — сталь пронзила грудь женщины и края раны задымались.

Воскрешенная туманом зашипела, пытаясь соскользнуть с клинков, но охотник припер ее к стене и рывком развел руки в стороны. Тело измененной еще не коснулось пола, а Тенро уже шагнул к двери, что вела в подвалы монастыря.

Охотник едва не столкнулся с выскочившим наружу мужчиной с желтыми глазами. Тот, явно был вне себя от злости, сыпал проклятиями и обещал долгие муки вздумавшей лгать ему твари. Только его шипящий пропитанный ядом голос позволил спешащему Тенро не налететь на желтоглазого. Отвлечшись на бой с измененными монахинями, он едва не поплатился за это жизнью.

Делая шаг назад, охотник едва успел отбить метнувшиеся к шее серпы. Сталь со сталью с лязгом соприкоснулись, обдав все вокруг снопом искр, и отскочив друг от друга.

— Все-таки выжил, — то ли с радостью, то ли с досадой выплюнул Леон в лицо охотнику. — Так же, как и тогда! Ты очень живуч, Тенро! — С обманчиво теплой улыбкой, желтоглазый мужчина почти незаметно сместился в сторону.

— Ты знаешь меня? — Тенро в точности повторил движение соперника, немного согнув ноги в коленях и удобнее перехватив мечи.

— А ты, как я вижу — нет! — Отчего-то обрадовался Леон. — Ты не только не узнаешь меня, но и себя, да? Хочешь, пожалею?

Едва договорив, желтоглазый метнулся вперед, стремясь подсесть серпом ногу охотника и, когда тот подпрыгнул, едва не задел его вторым оружием. Поняв, что прием не удался, Леон змеей скользнул обратно, успев сделать это прежде, чем Тенро атаковал.

— Кто ты такой? — Охотник не спешил нападать. Он уже успел оценить скорость и силу нового противника и четко понимал, что из этого боя живым выйдет только один из них. Прежде чем рисковать, стоило попробовать разговорить соперника. Хотя, пара тройка ран может сделать его более сговорчивым.

— Не узнаешь старого друга, Тенро? — Фальшиво удивился Леон, разведя руки в стороны и, как бы демонстрируя себя охотнику. — Но это не важно. Уже не важно. Ты и я теперь другие!

— Я не такой как ты!

Жестокие расправы с монахинями, которые Тенро видел через сознание одного из

подчинявшихся Леону бандитов, всплыли в голове охотника и он сильнее сжал рукояти мечей. Серебрянный клинок дрогнул и в его лезвии Тенро увидел собственное отражение. Под взглядом смотревших на него со стали ярко-зеленых глаз, охотник сдавленно проронил:

— Я был другим!

— Ошибаешься, — улыбнулся Леон, начав кружить вокруг противника, время от времени скребя одним серпом по другому. — И ты, и я — мы всегда были убийцами. Ты забыл нашу службу в "черных стрелах"? Посмотри на свою руку, разве ты не видел на ней клеймо убийцы, стирает леар?

"Стирает леар" — эти два слова эхом отозвались в голове Тенро, после чего дверь его памяти будто приоткрылась, и в сознание мужчины хлынул целый поток из бесконечной череды боев, засад, убийств и кровопролития. Он увидел множество смертей, причиной которых являлся. Все они со скоростью молнии пронеслись у него перед глазами и умчались прочь, оставив в душе лишь пустоту и чувство глубокого разочарования.

Одним из последних явившихся ему воспоминаний был плен. Затем клетка сменилась простодушным лицом молодого человека со светло карими глазами, шагавшего вместе с ним по лесу. Внезапно окутавший их туман, растворил в себе спутника Тенро и тот исчез. Прежде чем охотник распахнул заслезившиеся глаза, он прошептал одно слово:

— Свен.

— Bravo! — Леон несколько раз беззвучно свел сжимавшие серпы руки. — Когда-то меня звали именно так, но теперь я Леон. Свен звучало как-то слишком по-деревенски, не находишь?

— Свен, — более уверенно повторил Тенро, глядя на лицо стоявшего перед ним мужчины.

Сослуживец охотника, по его мнению, погибший во время бегства из наэрского плена, сильно изменился: черты его побледневшего лица заострились, став жесткими и хищными. Сходства с диким зверем добавляли острые клыки и остроконечные уши, хорошо заметные на обритой теперь голове.

Но главное — глаза. Глаза Свена стали очень яркими и злыми глазами измененного.

— Не называй меня больше этим именем! — рявкнул Леон, бросившись в атаку. Его серпы трижды рассекли воздух, едва не задев Тенро, после чего напоролись на клинки охотника.

— Почему, Свен? — потерянно спросил Тенро. — Почему ты стал таким?

— Потому что они сочли меня достойным! — прорычал Леон, пнув противника ногой в живот. — Ты сам, разве не помнишь свою смерть? Не помнишь голосов? В награду за пролитую при жизни кровь, они дали тебе еще один шанс, как и всем нам! Ты помнишь это? Помнишь голоса в Застывшем лесу?

— Помню, — охотник выпрямился, выравнивая дыхание. — Я помню их и то, что обещал им!

— Тогда пойдем со мной! — Леон опустил серпы. — Все братья из "черных стрел" снова будут вместе. Все вместе мы сможем принести в этот мир еще больше хаоса, утопив его в крови! Мы сможем угодить нашим новым хозяевам...

— Я сам себе хозяин! — Мышцы Тенро напряглись, и алая нить в его сознании натянулась словно струна. Одна мысль о том, что им станут управлять, словно марионеткой, приводила охотника в бешенство.

— Ты так ничего и не понял, — сокрушенно вздохнул Леон, снова поднимая оружие. —

Тогда я убью тебя, Тенро. Убью сейчас, и буду убивать до тех пор, пока ты не поймешь, кем стал, не примешь свое новое естество...

— Попробуй, — охотник буквально выплюнул это слово в лицо стоявшему напротив него сослуживцу. — Я никогда не сдамся, слышишь? Никогда!

Вместо ответа Леон атаковал.

Он напал молниеносно, без подготовки и замаха оказавшись рядом с охотником и вонзив в его тело один из серпов. Вскрикнув от боли, Тенро выронил зачарованный клинок, в последний момент, успев стиснуть пальцы на рукояти второго меча. Освободившейся рукой он перехватил и удержал запястье Леона от следующего удара, ткнув в лицо противнику рукоятью своего оружия.

Нос желтоглазого хрустнул, свернувшись на бок. Из левой ноздри вытекла вязкая струйка черной крови, но мужчина никак не продемонстрировал, что чувствует боль.

Новый удар пришелся Леону в губу, и на щеку охотника попала ледяная капля крови бывшего товарища. Ударив противника еще раз, Тенро сорвался с серпа, словно рыба, сумевшая спрыгнуть с крючка рыболова.

Кровь охотника закапала на пол, и он зажал рукой рану на груди. То, что почувствовали пальцы охотника, придало ему сил — его кровь была алой, пусть темной, но алой и... теплой.

— Я не такой, как ты, — прорычал Тенро с достоинством раненного волка. — И никогда не стану таким.

— Тогда ты умрешь, — просто ответил Леон, взмахнув серпами и бросившись на охотника. — Тот, кто не принимает нас — наш враг, а я слишком спешу, чтобы отвлекаться на мусор, подобный тебе. Меня ждет не дождется одна смазливая лгунишка. А ты — береги голову!

На этот раз Тенро не удалось застать врасплох.

Он был готов к стремительным атакам оппонента и, когда со свистом надвигавшиеся с двух сторон серпы почти коснулись его шеи, охотник прыгнул вперед, ударив Леона по носу своим лбом.

Желтоглазый отшатнулся, подавившись ругательством, и сразу же пропустил укол клинком, пронзившим бок. Он рванул серпы на себя, одновременно разводя руки в стороны, но охотнику вновь удалось избежать смерти.

Один из серпов все же задел Тенро по шее, оставив за собой длинную кровоточащую рану. Как только смертоносное лезвие разминулось с его плотью, охотник ухватил Леона за шиворот и снова ударил лбом в лицо, одновременно еще раз пырнув мечом в живот. Воин попытался протащить оружие вверх, но его противник плюнул кровью ему в глаза и разорвал дистанцию, проворно отскочив на несколько шагов назад.

— Победа или смерть? — С кривой ухмылкой спросил Леон.

Его разбитое лицо, измазанное черной кровью, смотрелось довольно зловеще. Впрочем, нанесенные охотником раны быстро затягивались, и затекшие глаза Леона вновь принимали свою форму, разгораясь все сильнее.

Сделав шаг вперед, Тенро поддел ногой лежавший на полу меч и одним движением подбросил его в воздух, ловко поймав за рукоять.

— Все или ничего, — разведчик "черных стрел" повторил девиз своего отряда, который вспомнил совсем недавно.

Тенро решительно крутанул клинки, и они с Леоном одновременно набросились друг на

друга.

Оба противника оказались нечеловечески быстры и сильны. Их оружие сверкало в свете факелов, оставляя за собой кривые росчерки и разбрызгивая капли крови. При таком темпе боя уйти в защиту, означало проиграть — все атаки невозможно было парировать или увернуться от них. Подобные действия потребовали бы полного сосредоточения на обороне, а оба противника слишком сильно ненавидели друг друга, чтобы не атаковать. И Леон и Тенро понимали — победит тот, кто первым убьет оппонента.

Леон оказался превосходным бойцом, чего и следовало ожидать, другие не смогли бы попасть в "черные стрелы". Его скорость и широкие взмахи серпов компенсировали уступающую мечам длину оружия.

Тенро же сочетал уколы и рубящие удары, постоянно меняя хват. Вопреки стилю боя наэртцев он теперь почти не замирал, постоянно находясь в движении и тем самым не давая серпам Леона достигнуть цели.

— Я слишком долго убивал детей Леса, чтобы ты смог победить меня их оружием, — с чувством превосходства улыбнулся Леон, когда один из его серпов оставил глубокую борозду на плече охотника.

Тенро, вопреки боли, не выпустил меч. Это спасло охотнику жизнь, когда бывший соратник, попытался отвлечь его разговором и подловить на противоход. Серп Леона мелькнул сначала слева, а потом, вместе со вторым оружием неожиданно вынырнул справа стороны.

Непослушной рукой Тенро неуклюже вскинул потяжелевшее оружие и то, отразив внезапную атаку, отскочило в него же, плашмя ударив в бок.

— Неплохо, — одобрил Леон, рассматривая появившиеся на серпах зазубрины. — Но долго ли ты сможешь продолжать? Отрицая свою новую природу, ты становишься слабее.

— Я не проиграю тебе! — упрямо произнес охотник, пытаясь выровнять сбившееся дыхание.

— Предпочитаешь умереть с этой мыслью? — с кривой усмешкой спросил желтоглазый, разглядывая многочисленные раны, что он нанес противнику — длинных и широких порезов от серпов у Тенро было не меньше четырех и это только на груди.

Сам же Леон выглядел менее потрепанным и, что самое главное, обе его руки нормально слушались хозяина, давая ему огромное преимущество, перед охотником, чье плечо даже не начало затягиваться.

У Тенро было что ответить, но он этого не сделал, понимая, что Свен, или как тот себя теперь называл — Леон, в сущности, прав. Бывший друг сейчас был сильнее охотника, и с каждым ударом сердца у Тенро становилось все меньше шансов на победу.

Леон тоже это понимал и, с победной улыбкой, ехидно спросил у Тенро:

— Хочешь что-нибудь сказать напоследок?

— Все или ничего! — выкрикнул Тенро, швырнув в нахальное желтоглазое лицо ониксовый клинок.

Охотник не надеялся поразить противника. Он желал лишь выиграть драгоценные мгновения сейчас столь необходимые ему.

И охотнику это удалось. Чтобы отбить довольно тяжелый меч, Леону потребовалось оба его серпа. Когда же он отразил летящий в него клинок, Тенро был уже рядом. Стиснув зубы от боли в раненной руке, он поднял ее, ухватив Леона за горло.

В этот же миг, один из серпов вонзился охотнику в незащищенный бок, скользнув по

ребрам. От боли хотелось выть, но Тенро не отступил. Наоборот, он продолжал напирать, плечом и рукой блокируя находящиеся с одной стороны от него руки Леона и подталкивая того к стене.

Лезвие серпа все глубже погружалось в его тело, но охотник упрямо напирал, не давая противнику выровнять равновесие и опомниться.

Буквально протавив Леона через коридор, Тенро впечатал его в стену и тот сильно ударился затылком. С хрипом охотник дважды ударил лбом по окровавленному лицу ставшего врагом друга.

— Тенро... — сдавленно прохрипел Леон, силясь высвободить попавшие в "замок" руки. — Хватит. Это же я, — он натянуто улыбнулся, — Свен. Твой друг.

— Мой друг умер, — прохрипел тяжело дышащий Тенро, вогнав сияющее серебром лезвие между приоткрытых губ Леона.

Скользнув по зубам, клинок с шипением пробил язык и гортань желтоглазого мужчины, после чего со звоном вонзился в стену, выйдя из бритого затылка.

— Свена... — Тенро качнулся, чувствуя, как теряет сознание, — забрал туман.

Из последних сил он рванул рукоять меча вверх и тот, прорезая себе путь по дымящейся плоти и кости, устремился к потолку, выйдя из затылка и разделив голову Леона пополам.

Один из серпов упал на пол, высекая искры из каменной плиты и замер, тогда как второй продолжал глубоко сидеть в теле охотника. Скрипнув зубами, Тенро отстранился, продолжая удерживать забившегося в конвульсиях Леона и чувствуя, как ониковое лезвие покидает его плоть.

Когда второй серп упал рядом с первым, охотник выпрямился, гордо вскинув голову, и взглянул в тускнеющие глаза бывшего друга. Зачарованная сталь уже влила свою магию в измененное туманом тело, выжигая его изнутри, но Тенро было этого мало.

— Свен умер, — повторил он севшим голосом. — Все мои друзья и близкие — умерли. А ты — ты просто тень.

Взявшись за рукоять меча двумя руками, Тенро одним ударом отрубил дымящуюся голову Леона и та, ударившись о пол, развалилась на две части.

— Я не сдался, — охотника сильно качнуло в сторону, когда на него волной накатила смертельная усталость, и свет померк в его глазах. — Не сдался. — Будто со стороны Тенро слышал свои собственные слова и то, как упал его меч.

Спустя миг ноги Тенро подкосились, и сам он рухнул следом.

* * *

В сером тумане не было снов. Там не было вообще ничего — ни звуков, ни людей, ни ветра. Лишь полная, обволакивающая тишина и холод, что ледяными когтями скреб душу.

Потом все изменилось. Вокруг потемнело. Туман сгущался, прижимаясь к телу, сжимая его и мешая дышать. Он стремительно заполнял собой вертевщуюся вокруг черным беззвучным смерчем бездну, подталкивая Тенро вверх.

Охотник пытался дышать, открыть глаза, сделать хоть что-то, но все попытки оказались тщетны. Туман почти поднял его вверх, но ему не доставало совсем чуть-чуть, чтобы пересечь границу бушующей бездны, своим странным спокойствием олицетворяющей безразличие смерти, над которой струной натянулась алая нить.

Нить мести. Однажды она уже спасла его, послужив маяком в тумане, так случилось и теперь.

Пусть Тенро не помнил многого о себе, он твердо знал одно — его ненависть пришла к

нему из прошлой жизни. А если даже угасшая память и притупила этого чувства, то на это должны быть веские причины.

Леон говорил, что остальные "черные стрелы" тоже вернулись. Вернулись измененными. Но для чего? Неизвестно. Но Леон ясно дал понять, что все они теперь заодно, а если так, то с его смертью ничего не прекратится.

Не только этот монастырь, будут новые жертвы. Бывший друг четко дал понять, что он и те, кто стоят за ним не остановятся, пока не утопят этот мир в крови.

Распахнув глаза, Тенро отчаянно рванулся, ухватив затрепетавшую между его пальцев алую нить обеими руками. Возможно, раньше он уже мстил. Мстил он и сейчас, за того, кого пусть и не долго, но считал своим другом. Нирта уже не вернуть, но еще можно найти того, по чьей злой воле все это началось.

Выходит, Тенро отомстил еще не всем — пока живы подобные Леону, он не узнает покоя. Он отыщет их всех и убьет, если их жажда крови окажется сильнее их самих, как это стало с Леоном.

Ненависть к измененным горела в душе Тенро неугасаемым пламенем. Ревущая, неудержимая жажда мести, с которой он ничего не мог поделать. Как бы то ни было — пока он не вспомнит о себе все, он не умрет.

Алая нить над бездной вздрогнула и Тенро, не выпуская ее из рук, потащил себя из непроглядной тьмы вверх, где виднелся мягкий и теплый свет.

Судорожно вдохнув, охотник распахнул глаза, увидев высокий потрескавшийся потолок. Рядом что-то весело потрескивало и пахло паленой плотью.

Скосив глаза, Тенро увидел пляшущее неподалеку пламя. Судя по всему, пока охотник был без сознания, огонь соскользнул с портьеры, перекинулся на деревянный столик и стоявший у стены шкаф. Дальше он уже пожрал тела двух монахинь и теперь принялся за ногу мертвого Леона.

Тенро с трудом сел. Сердце гулко колотилось в груди, перед глазами плыли круги, а голова раскалывалась от боли. Но все это казалось ничтожной платой за исцеленные раны, от которых остались лишь белые шрамы да дыры на одежде.

На объятom пламенем шкафу с треском лопнул цветочный горшок. Этот звук послужил для охотника сигналом к действию. Нагнувшись, он ухватил Леона за холодную руку.

Сознание бывшего товарища бурлящей кровавой рекой хлынуло в его разум: как и ожидал Тенро, все, что он смог увидеть — сцены жутких и невероятно жестоких убийств, исполненных с извращенным мастерством мясника. Среди бесконечных мыслей о боли и насилии, Тенро заметил лишь одну идею — непонятно зачем, но Леон жаждал найти монахиню.

Почти на самой грани увиденных охотником чужих воспоминаний, он взглянул на знакомый сундук глазами Леона. Бандиты, убившие Тула и всю команду "Счастливого", принесли Леону тот самый сундук, что забрали у Тенро и Нирта, убив их.

Открыв крышку, желтоглазый почувствовал удовлетворение. Он протянул руку и взял лишь один предмет, после чего опрокинул сундук ногой, демонстрируя, что больше ему ничего не нужно. Леон сжал находку в кулаке и на этом воспоминание оборвалось.

Вынырнув из омутa чужого сознания, Тенро с отвращением от маниакальной кровожадности Леона выпустил его руку. Склонившись над телом, охотник быстро обыскал его, найдя в нагрудном кармане странный предмет — легкая, почти невесомая крохотная флейта. Она испускала легкое свечение и была приятно теплой.

Странное чувство охватило Тенро. Ему вдруг показалось, что он уже где-то видел эту вещь. Вместе с этим пришла и уверенность, что Леон искал именно ее.

Взвесив флейту на ладони, мужчина сжал ее в кулак, но так ничего и не вспомнил. Спрятав находку, он еще раз оглядел Леона. Внимание охотника привлек тугой мешочек на поясе мертвеца. Ослабив удерживающие его ленты, Тенро увидел, что тот набит золотыми монетами. Подумав, что деньги могут ему пригодиться, мужчина без зазрения совести снял кошель с пояса покойника.

Поднявшись, он последний раз взглянул на Леона, после чего решительно склонился к нему. Подхватив безвольно тело, Тенро швырнул его в бушующее пламя, туда же, ударом ноги отправив и голову с потухшими желтыми глазами. Магия зачарованного оружия выжгла сущность Леона, обуглив его плоть, но Тенро, все равно, некоторое время наблюдал, как пламя пожирает тело бывшего сослуживца, чувствуя, как злоба сменяется удовлетворением.

Когда пламя полностью скрыло мертвого Леона, охотник отвернулся от него, осмотрев коридор — огонь уже пробрался внутрь монастыря и теперь растекался в стороны, перекочевывая с одного тела на другое или же используя в качестве пути ткань и дерево.

Все вокруг поспешно окутывал черный, зловонный от горящей плоти дым, и дышать становилось все труднее. Только из разбитого окна неподалеку ветер приносил иные, едва уловимые запахи. Не мешкая, Тенро подобрал свое оружие и, накинув капюшон, выскочил на улицу.

Оказавшись снаружи, он увидел, что почти вся территория монастыря охвачена пламенем. Горело все — от собранной в кучи прелой травы и сена, до внутреннего убранства монастырских построек, второго этажа и деревянных крыш.

Небо еще не до конца освободилось от савана ночи, но над каменными стенами уже забрезжил едва заметный рассвет. Но солнечного света не требовалось — всполохи пылающего на крыше монастыря огня прекрасно освещали все вокруг, и их красное сияние добавляло еще большей мрачности общей картине жестокой бойни устроенной в этих некогда святых стенах.

Что-то уже выгорело и теперь слабо тлело, а огонь, с радостным треском продолжал уничтожать все, до чего могли дотянуться его раскаленные языки.

Тенро вернулся на то место, где встретился с двумя монахинями, восстановив это событие в своей памяти. Стоя там, где лежала раненная девушка, он повернулся в ту сторону, куда она указала. Где-то за горевшим садом должны были находиться могилы жителей Зеленых полей.

Невзирая на преграждающее путь пламя, Тенро побежал через сад. Он мог бы поискать другой путь, обойти огонь, но не желал этого делать. Боль, что испытывало его тело не шла в сравнение с той, что терзала душу.

Словно сжалившись над мужчиной, небеса вновь пролились на обожженную землю теплым дождем, слишком слабым, чтобы сбить пожирающее монастырь пламя, но достаточным, чтобы потушить загоревшуюся на Тенро одежду.

Черные стволы деревьев выскакивали из огня навстречу охотнику и он, огибая их, рвался вперед, ускоряясь с каждым шагом, будто где-то за ревом пламени скрывалось его прошлое.

Впервые за то время, что он провел без воспоминаний, мужчина чувствовал надежду. Настоящую, чистую, светлую надежду, распаляющую сердце и заставляющую его биться быстрее.

Выскочив из горящего сада, Тенро оказался на открытом участке земли, поросшем короткой зеленой травой. Здесь, ровными рядами стояли овальные камни, а под ними невысокими аккуратными холмами бугрилась земля.

Повернувшись вправо, охотник, подобно призраку этого места, бесшумно устремился вдоль одинаковых могил. Он скользил по надгробиям внимательным взглядом, каждый раз натываясь на незнакомые имена, пока едва не споткнулся о небольшие круглые камни, выглядевшие более свежими, нежели их потемневшие от времени собратья.

Подобно неприметной ограде они окружали несколько десятков могил, объединяя их и отделяя от остальных. Тот камень, на который чуть не наступил Тенро, отличался от других — одна его сторона была гладкой, и на ней было нацарапано: — "Здесь покоятся жители Зеленых полей, обретшие свой покой в этих стенах. Да сжалится Альтос над их душами". Эта же надпись оказалась нацарапана на каждом пятом камне формирующей ограду.

С замиранием сердца, Тенро шагнул вперед, приблизившись к ближайшему надгробию — никаких надписей и обозначений. Мужчина подошел к следующей могиле, где его, также, встретил холодный, чуть шероховатый надгробный камень, такой же, как и остальные.

— Никто не смог опознать тела... все погибли.

Отчаяние незаметно подкралось к Тенро со спины, мягко обняло за плечи, увлекая за собой в пустоту. Медленным движением он стянул с головы все еще дымящийся капюшон, позволил каплям дождя омыть его лицо.

Невидящим взглядом Тенро окинул место, где покоились останки знавших его людей. Его родных и, наверное, близких. Вся жизнь мужчины была похоронена здесь. Возможно, где-то на этой земле пустовало место, которое следовало занять и ему.

Вдруг взгляд Тенро наткнулся на тускло блеснувший в свете пламени предмет. Рядом с одним из надгробий он увидел что-то, чего не было у остальных. В несколько прыжков охотник оказался рядом и удивленно посмотрел на рукоять пехотинского меча, по самую гарду воткнутого в землю у могильной плиты, на которой ровными буквами было написано: "Тар. Староста Зеленых полей".

— Тар... — бессильно опустившись на колени рядом с могилой, Тенро, дрожащими руками коснулся надгробия. Следующее слово пришло к нему из глубин памяти, и он шепотом произнес:

— Отец... Отец!

Подавшись вперед, охотник вцепился в мокрый холодный камень, чувствуя, как ломающиеся ногти заскребли по твердой поверхности. Первым, самым диким и сильным желанием было раскопать могилу, коснуться мертвеца и узнать хотя бы что-то о себе.

Едва осознав свое безумное стремление, Тенро отшатнулся.

— Нет! — Мужчина уверенно тряхнул головой.

Поступить так, означало утратить себя. Потерять ту искру человечности, что только начала разгораться в нем. С каждым днем Тенро ощущал себя все более и более живым, хотя память и не спешила возвращаться.

Но пусть лучше он навсегда оставит здесь частичку себя, чем потревожит прах близкого человека. Он не нарушит вечного покоя, что обрел здесь отец.

Все, что Тенро смог вспомнить — образ улыбающегося однорукого старика, смотрящего на него добрыми глазами. Но охотнику было этого достаточно. Лучше он запомнит отца таким, чем раскопает его могилу и увидит...

Эмоции, вырвавшись из подсознания мужчины, нахлынули на него, сначала до боли

сжав сердце, а потом, выпустив его, позволяя биться дальше. Глубоко вздохнув, Тенро провел кончиками пальцев по щеке — кажется, он плакал или это были капли дождя?

Осторожно охотник коснулся рукояти меча, будто боялся побеспокоить вечный сон его хозяина. Несмотря на воздействие времени, оружие осталось жестким, надежным и до последнего верным идеалам своего владельца. Таким же был и отец Тенро. Охотник знал это.

Топот копыт прервал скорбные размышления замершего среди могил мужчины. Выпрямившись, он прислушался — к воротам монастыря подъезжали конники. Много, не один десяток.

— Прощай, отец, — погладив могильный камень, Тенро слабо улыбнулся. — Я еще приду навестить тебя. И остальных.

Оглядев ровные ряды могил, Тенро скользнул обратно в сад, который почти прекратило терзать убаюкиваемое дождем пламя. Низко пригибаясь к земле, он бесшумно пробежал среди обгоревших деревьев, укрывшись в тени росшей неподалеку от ворот ивы.

Затаившись, Тенро принялся выжидать, не спеша принимать решения, как ему поступить дальше.

Довольно скоро в воротах показались первые всадники, и охотник сразу же узнал знамя Арстерда в руках одного из них. Солдатская форма была ему также знакома. Значит, где-то неподалеку есть крепость. Люди увидели взметнувшееся над монастырем пламя и поспешили на помощь.

Но слишком поздно.

В ворота один за другим въезжало все больше и больше солдат. Все при оружии, с обеспокоенными и встревоженными лицами. Следом за всадниками в ворота начали протискиваться возы, как оказалось, с водой. Часть спешившихся солдат, увидев мертвых бандитов, обнажила оружие и поспешила к ним. Другие начали хватать с телег ведра и бежать к горящим постройкам, остальные же, оставшись в седлах, направили лошадей на объезд монастырского двора, то и дело, призывая уцелевших откликнуться.

Отступив в истончившуюся с рассветом тень, Тенро, скрываясь за уцелевшей растительностью, отправился к стене. Заприметив высокое, не тронутое огнем дерево, охотник быстро и ловко вскарабкался на него, одним движением прыгнул на стену и скрылся из виду прежде, чем кто-то его заметил.

Мягко приземлившись на траву, и сразу же откатившись в сторону, гася силу удара, охотник быстро вскочил. Скользя вдоль стены, он приблизился к воротам, увидев рядом со створками двух караульных, выставленных солдатами.

В принципе, охотник мог легко уйти в лес и никто здесь даже не узнал бы о его присутствии, но у солдат было то, в чем он сейчас нуждался — лошади.

Его собственная лошадь и кони бандитов убежали в лес, напуганные туманом и вряд ли их удастся сейчас поймать, тогда, как животные солдат мирно паслись совсем рядом.

Убивать мужчин ради лошадей Тенро не желал, но арбалеты в их руках говорили о том, что и просто так ему уйти не дадут. Поэтому он подобрался как можно ближе, затаившись в тени одной из створок.

Подобрав с земли камень, Тенро по широкой дуге запустил его в противоположную от себя сторону. Как только стражники одновременно обернулись на шум, охотник выскочил из-за их спин и двумя ударами рукоятью меча по затылкам успокоил обоих.

Поначалу он подумал, что перестарался и ненароком убил караульных. Склонившись

над телами, охотник приложил руку к шее одного из солдат, затем, поправив ворот кольчуги, повторил то же самое с другим — мужчины были живы. Просто лишились сознания.

Странно, но Тенро не ощутил их воспоминаний, видимо он мог проделывать такой трюк только с мертвецами. Но сейчас этого и не требовалось.

Порывшись в кошеле, который он забрал с тела Леона, Тенро положил на грудь каждого из солдат золотую монету. Он понятия не имел, сколько стоит лошадь, но в данный момент его это не заботило. Поспешно выбрав для себя двух животных, выглядящих более сильными и выносливыми, Тенро взял их за поводья и увел подальше от ворот.

Как только он отошел на безопасное расстояние и мог не опасаться, что его услышат, Тенро вскочил в седло. Объехав вокруг монастыря, он понял, что от него уходит две дороги, одна из которых, чуть дальше, распадается еще на две.

Уцелевшие монахини могли отправиться по любой из них. Возможно, именно они позвали солдат из крепости, однако, в таком случае, они и сами, скорее всего, вернулись бы. В направлении лесов беглянкам делать, тоже, нечего. Оставалось предположить, что девушки направились на север, к городам.

Кивнув своим мыслям, Тенро послал лошадь в выбранном направлении. Порыскав по окрестностям, он вскоре нашел следы двух лошадей. Дождь уже успел испортить их, но наметанный глаз охотника сразу определил, что одно из животных нагружено больше другого — стало быть, одна лошадь несет обеих девушек, тогда как другая идет на поводу и отдыхает. Так как иных зацепок у Тенро не было, он, не задумываясь, поскакал по следу.

* * *

— Дурной сон? — с трудом разлепив не желавшие открываться веки, Элисса села на кровати, приложив ладонь к влажному лбу Хэли. Поначалу ей показалось, что спутнице плохо, но та развеяла сомнения воровки.

— Да, — юная монахиня кивнула, дотянув одеяло едва ли не до самого подбородка.

— Хочешь рассказать? — устало спросила воровка, откинувшись на тонкой неудобной подушке и взглянув на низкий потолок, сколоченный из грубых досок.

Девушки скакали почти сутки, остановившись в большой деревне Белодымье, находящейся недалеко от Сафраса. Как назло, в самом дешевом здесь трактире под незамысловатым названием "Оленье копыто", все было забито под завязку.

Хозяин этой, по мнению Элиссы, жалкой забегаловки согласился уступить гостям комнату своей дочери, которая отправилась в город по делам. Разумеется, сделал он это не по доброте душевной, а исключительно за деньги и, причем немалые. В крохотной комнатке под самой крышей была только одна кровать, но Элисса и Хэли, усталые и разбитые после пережитого, согласились бы и на хлев.

Элисса успела неоднократно пожалеть, что оставила деньги в своей келье, совсем забыла про них, когда появился Леон и его головорезы. Пусть тогда у нее с собой была лишь незначительная часть сбережений, оставшихся в столице, но лучше мало, чем ничего.

Одну лошадь воровке пришлось продать, чтобы оплатить услуги лекаря для Хэли. Тот полдня провозился с раной девушки но, вроде бы, сделал все по уму и на совесть. После еды и сна на щеках монахини даже появился слабый румянец.

Но вот сейчас, спустя день отдыха, она, вместо того чтобы спать и набираться сил дальше — проснулась в холодном поту. Впрочем, никаких признаков боли на лице спутницы Элисса не заметила, поэтому сразу же успокоилась.

— Я видела призрака, — прошептала Хэли, прижимаясь к телу воровки теплым боком

— что поделать, кровать в комнате дочери трактирщика оказалась мало того одна, так еще и узкая.

— Неужели? — Элисса недоверчиво хмыкнула, но, вспомнив увиденное в монастыре, сразу же стерла улыбку со своего лица. Приподняв голову, она выглянула в узкую щель между задернутых занавесок, сквозь которую лился приятный лунный свет — еще ночь, так что у Элиссы оставался шанс поспать.

— Мне снился призрак, заблудившийся в тумане, — продолжила Хэли. — Он потерялся между светом и тьмой и теперь идет за нами по дороге из крови.

— Ну и сны у тебя, девочка, — нервно улыбнулась Элисса, чье богатое воображение живо нарисовало ей весьма пугающую картину. — Ты что, за ужином нанюхалась пива, которое пили местные деревенщины за соседним столом?

— Тебе лишь бы смеяться, — по-детски обиделась Хэли, отвернувшись к стене и сразу же зашипев, когда боль от потревоженной раны напомнила о себе.

— Тебе нужно спать, — уверенно сказала Элисса, погладив девушку по волосам. — Завтра мы отправимся в Сафрас.

— А потом? — спросила Хэли, не поворачиваясь, и ее голос дрогнул. — Ты оставишь меня там?

— С чего ты взяла? — делано удивилась Элисса, которая как раз раздумывала над подобным вариантом.

— Не оставляй меня, — вместо ответа попросила Хэли. — Пожалуйста. Не оставляй...

— Хорошо, — тяжело вздохнув, Элисса в очередной раз прокляла свою отчего-то проснувшуюся вместе с ней самой совесть. — Я не оставлю тебя. Обещаю. Только поспи.

— А куда мы поедem из Сафраса?

— К моей старой знакомой. Ее зовут Мэлис, она тебе понравится, — воровка подумала, что ее наставница, возможно, сможет что-то разузнать насчет странной фигурки. Может, заодно, и Хэли пристроит куда-нибудь.

Главное не привести за собой хвост и тогда все должно получиться. А дальше — Элисса сама еще не знала, что будет дальше. Нужно что-нибудь придумать, ведь барон Гирс рано или поздно узнает о том, что она жива, и тогда....

Думать о подобных вещах не хотелось, поэтому Элисса решила отвлечься.

— Как тебе оказаться за стенами монастыря? — спросила она спутницу, запоздало подумав, что этот вопрос может всколыхнуть в памяти Хэли пережитый кошмар.

Но этого не случилось. Юная монахиня ничего не ответила воровке, так как уже спала. Травяной отвар и усталость сделали свое дело, и Хэли погрузилась в спокойный оздоровительный сон.

— Ну и мне пора бы, — устроившись поудобнее, Элисса закрыла глаза.

Ей снился мужчина. Человек в черном плаще.

Он стоял на настоящей горе из трупов, возвышаясь над окутывающим все вокруг туманом. В правой руке незнакомец держал светящийся серебром меч, а в левой черный, словно бездна, ониксовый клинок. Светлое лезвие освещало его фигуру с одной стороны, тогда как темное наоборот, опутывало ее мраком с другой.

Потом с темных небес полил кровавый дождь, и мужчина рывком поднял голову. Капюшон упал с его головы и на воровку взглянули два неестественно ярких зеленых глаза.

Проснувшись, Элисса вздрогнула. Она уже потянулась к спрятанному под подушку стилету, но тут поняла, что все увиденное было сном. Вместе с Хэли, они по-прежнему

находились в уютной комнатке на верхнем этаже трактира.

Посмотрев на окно, Элисса пробормотала проклятье — за занавесками еще было темно, самое время спать, но этот сон....

Проклятья, вертевшиеся на остром язычке воровки исчезли, чтобы сразу же вернуться в гораздо больших количествах — той самой щели между занавесками, сквозь которую она смотрела при первом пробуждении, сейчас не было.

Окна закрыты, значит, ветер не мог их сдвинуть, а если это не ветер...

Стилет медленно пополз из-под подушки, увлекаемый рукой хозяйки, когда тихий голос вкрадчиво попросил:

— Не нужно этого делать, Мила.

— Ты? — Элисса узнала голос — тот самый мужчина, что спас их в Скелосовой пустыни. Прищурившись, она смогла разглядеть его фигуру, в кресле у дальней стены. Он сидел в тени, не шевелясь и сливаясь с ночной темнотой, поэтому Элисса не сразу заметила незваного гостя.

— "А он хорош", — с невольным уважением подумала воровка. — "Пробрался в комнату, а я даже не слышала. Досадно".

— Я, — темная фигура едва заметно кивнула и сместилась, слегка меняя позу. — У меня есть к вам разговор. Очень важный.

— Я слушаю, — Элисса немного расслабилась, но руку от стилета не убрала. Пусть этот тип и не убил их во сне, хотя у него была такая возможность, еще неизвестно, что у него на уме.

— Утром, — тихо произнес Тенро. — Мне нужно отдохнуть. Вам ничего не угрожает, можешь спать дальше.

— Утром, так утром, — покладисто согласилась Элисса, вновь опускаясь на подушку и перехватывая рукоять стилета так, чтобы можно было легко им воспользоваться при надобности. — Но, может, скажешь, как тебя зовут?

— Я уже говорил — Тенро, — охотника не удивил вопрос девушки.

— Спокойной ночи, Тенро, — с ядовитой улыбкой произнесла Элисса, про себя подумав, что она уже выпалась и тоже умеет бесшумно ходить.

Охотник проснулся услышав шаги где-то за дверью. Открыв глаза, он почувствовал себя отдохнувшим и бодрым. Это поспособствовало бы его хорошему настроению, если бы не два неприятных обстоятельства: первое — никаких монахинь в комнате не оказалось и второе — те, кто топал в коридоре шли в направлении этой комнаты.

Вскочив со стула, Тенро поморщился, когда холодные капли скользнули с волос за шиворот и прокатились по спине. Машинально коснувшись затылка, он почувствовал, что не вся его голова мокрая, а только темечко. Опустив глаза на пол, он уже знал что увидит — разбитую вазу и разбросанные по полу цветы.

Монахини оказались не такими уж и кроткими, как им полагается. Выругав себя за неосмотрительность, охотник проверил оружие — все на месте, а вот кошелька на поясе — как не бывало. Не то чтобы он переживал по этому поводу — в потайном кармане еще осталось несколько золотых, а вот то, что девушки скрылись, охотника порядком разозлило.

Злился он, правда, в основном на себя. В стремлении догнать монахинь как можно быстрее, Тенро не ел и не спал. Поэтому, едва он добрался до цели — усталость после битв и долгой скачки взяла свое. Как бы то ни было, в случившемся виноват он сам. Недооценил девушек, понадеявшись на их благодарность за спасение. А те, вместо того, чтобы сказать "спасибо", разбили ему вазу о голову и обокрали. Хороша благодарность, ничего не скажешь.

— Я и раньше был таким наивным? — сам себя спросил Тенро, направляясь к окну, за которым уже вовсю светило солнце.

Топот за дверью усилился. Прислушавшись, охотник определил, что незваных гостей больше пяти и стук их тяжелых шагов говорил о том, что люди вооружены и, скорее всего, одеты в броню.

Словно в подтверждение подобных мыслей, шаги прекратились, и с той стороны двери донесся тихий шелест вынимаемых из ножен клинков.

В следующий миг дверь слетела с петель, и в комнату ворвался первый гость — одетый в легкую кольчугу и кирасу с символом городской стражи. Белодымье было довольно большой деревней, по размерам немногим уступавшей средненькому городку. Здесь располагался и собственный гарнизон со стражей, чьи представители и обеспечивали в деревне порядок.

Мечом указав на сидевшего уже на подоконнике Тенро, мужчина в кирасе взревел:

— Попался, проклятый насильник!

— Что? — Брови Тенро поползли вверх — такого обвинения он уж никак не ожидал.

— Ты обвиняешься в посягательстве на честь монахинь! — Следом за первым стражником вошли еще четверо — все при оружии и скверном расположении духа.

— Неуверен, что понял вас, — внутри охотника уже разгоралась жажда крови, но он старательно сдерживал ее.

Благо, человеческая сторона Тенро с каждым днем пробуждалась ото сна, и контролировать себя стало проще, так же как и размышлять.

— Вы можете объяснить, что произошло?

— В темнице объясним! — рявкнул первый стражник, решительно рассекая воздух клинком. — Не вздумай бежать! За окном наши парни с арбале...

Договорить страж порядка не успел.

Оттолкнувшись от подоконника, Тенро одним прыжком пересек небольшую комнату, и толкнул не ожидавшего от человека такой прыти стражника на стоявших за его спиной мужчин. Те, не успев среагировать, повалились на пол и только один смог устоять на ногах.

Скользнув по долу меча пальцами, охотник сильным толчком послал тяжелое лезвие вниз, и то вонзилось в деревянный пол. Ухватив растерявшегося стражника за ворот кольчуги, Тенро просто швырнул его в окно, без труда сорвав с места крупного мужчину в броне и бросив его через всю комнату.

Осколки разбившегося со звоном стекла еще не упали на пол, а Тенро уже оказался на подоконнике, выпрыгивая следом за скатывающимся по пологому козырьку стражником.

Прежде чем охотник спрыгнул вниз, в оконную раму над его головой с треском вошли два арбалетных болта.

Пробежав по козырьку, Тенро спрыгнул, приземлившись рядом с рухнувшим на землю стражником. Тот ругался сквозь зубы и оглушено тряс головой, безуспешно пытаясь подняться на четвереньки.

— Не дайте ему уйти! — донесся сдавленный голос стражника из разбитого окна и, как раз перезарядившие арбалеты солдаты выстрелили еще раз. Но болты лишь впились в землю в том месте, где только что стоял мужчина в рваном черном плаще.

Не желая больше становиться мишенью для практики местных стражников, Тенро юркнул в ближайший переулок. Пробежав его, он вильнул влево, затем вправо, петляя между разнообразными постройками.

Миновав чей-то раскинувшийся позади жилища сад, охотник перескочил невысокий забор, скрывшись в узкой щели между двумя тесно стоящими домами. Их окна располагались так близко друг к другу, что их жильцы могли бы пожать руки без особых усилий, и увидеть в окно, чем же занимаются соседи.

Спустя несколько ударов сердца, Тенро выскочил на широкую улицу. По сравнению со щелью между двумя стенами, здесь, казалось, даже воздуха было больше. Отскочив назад, охотник избежал участи быть раздавленным мчавшейся по дороге каретой, чей кучер обрушил на голову беглеца просто немыслимое количество проклятий в крайне короткое время.

Откуда-то сзади донеслись приглушенные выкрики — видимо солдаты, наконец, пустились в погоню, правда, объемистые животы мешали им просочиться между двумя домами, так что пришлось идти в обход.

Столь назойливое внимание стражей порядка Тенро не нравилось. Он решил как можно быстрее избавиться от преследователей и побежал через дорогу, в более бедную часть Белодымья. Крохотные лачуги здесь стояли так близко, что казались наклепленными прямо друг на друга, образуя настоящий лабиринт.

— Держите его! — завопил один из стражников, выскочивший к дороге следом за Тенро.

Пара сознательных жителей деревни попытались помочь и задержать мчащегося вперед охотника. Вероятно, крепкие деревенские парни уже видели себя героями но, увы, так и не успели полностью осознать, что с ними случилось.

Одного из заступивших ему дорогу мужчин, Тенро в прыжке ударил ногой в грудь, гася собственную скорость и сбивая парня с ног. Легко увернувшись от неуклюжей попытки схватить себя, охотник пнул второго мужчину под колено, ребром ладони ударив его по заросшему редкой курчавой бородой кадыку.

Оставив добровольных помощников стражи лежать на земле в скрюченных позах, Тенро метнулся в сторону, избегая прилетевшего по его душу арбалетного болта. Что и говорить — стрелки здесь были никудышные. Мало того, что один из них снова промазал, так его товарищ едва не отправил одного из валявшихся в пыли деревенских жителей на досрочную встречу с Альтосом.

Арбалетный болт с шипением вошел в землю прямо перед носом парня, который подобно выброшенной на берег рыбе таращил глаза, пытаясь вдохнуть столь необходимый ему сейчас воздух.

Но Тенро ничего этого уже не видел. Он скрылся в подворотне, ныряя то в одно, то в другое причудливое переплетение узких грязных улочек. В этом месте охотник не так бросался в глаза — все здесь выглядело под стать месту, где живут: грязные, заросшие, неопрятные, в рваных старых одеждах, они выглядывали из своих убогих лачуг, порою даже лишенных стекол, провожая чужака недоверчивыми взглядами.

Чувствуя приближающую опасность, Тенро незаметно огляделся. Так и есть — стражники отстали, зато теперь за ним увязывалось все больше и больше бродяг. Тускло блеснула изъеденная ржавчиной сталь, и кто-то криво усмехнулся, демонстрируя гнилые зубы.

Оборванцы, словно по чьей-то команде, одновременно выходили со всех сторон, окружая гостя в плотное кольцо.

— "Ни дать ни взять, стая псов, пытающаяся загнать волка", — невесело подумал Тенро, которому отчего-то стало не по себе, при упоминании лесного хищника. Но память не пожелала идти человеку на уступки, вильнув из-за уголка сознания лисьим хвостом и скрывшись где-то в тумане.

— Ты, гляжу, не здешний, да? — один из преградивших Тенро дорогу оборванцев, вышел вперед, небрежно поигрывая кривым ножом.

— Я здесь проездом, — пользуясь паузой, Тенро тщательно осмотрел окруживших его мужчин — худые, слабые, не обученные. Они не были достойными противниками. Но их количество настораживало — больше дюжины бродяг, если смогут зажать его, превратятся в серьезную проблему.

— Ну, так ты это, — неуверен проблеял тип с козлиной бородкой, как нельзя лучше дополняющей его оттопыренные уши. — Пожиточки оставляй и это, дальше можешь проезжать.

— Вас больше, — слова Тенро вызвали у бродяг самодовольные улыбки, но, когда он продолжил, улыбки превратились в злобные оскалы. — Поэтому я не стану церемониться. Я убью каждого, кто попытается причинить мне вред.

— Не хочешь, значит, по-хорошему, да? — Тот, что был с ножом, неловко, но решительно перехватил рукоять, делая шаг навстречу охотнику. — Тогда... — он резко прыгнул на Тенро, выбрасывая руку с оружием вперед.

Охотник, не меняя позы, хладнокровно дождался, когда нападавший окажется ближе, а затем проделал с ним то, что раньше использовал на Малто, на палубе "Счастливого". У самого лица он перехватил узкое запястье, выворачивая его и направляя нож на владельца. Левая рука Тенро упала сверху на локтевой сгиб бродяги и, спустя миг, тот поперхнулся собственной кровью, когда ржавое лезвие его же ножа, по рукоять вошло ему в горло.

— Я предупреждал, — разжав пальцы, охотник позволил своей жертве рухнуть в грязь. Как он и предполагал, никто и не подумал отступить. Охваченные злобой из-за смерти

товарища, оборванцы набросились на Тенро разом. Все они были вооружены — кто дубиной, кто костью или ножом, а кто-то тем, что попало под руку. Но ни их оружие, ни их навыки, не могли сравниться с наэрскими мечами в умелых руках разведчика "черных стрел".

Выхватив клинки, Тенро метнулся в сторону, проскочив между двумя нападавшими прежде, чем те успели как следует замахнуться. Как только охотник оказался за их спинами, один лишился кисти на правой руке, а другой начал медленно заваливаться на бок, выронив оружие и пытаясь зажать широкую рану на шее, из которой толчками выливалась густая кровь.

В принципе, сейчас Тенро мог легко сбежать, оставив бандитов далеко позади. Но он остался. Какая-то толика изменившейся в тумане души охотника требовала крови и, в этот раз, человеческая часть Тенро с ней согласилась — мерзавцы не заслуживали жизни.

Никто не знает, скольких они убили в этих тущобах, но сегодня этому придет конец. Нет. Тенро вовсе не прикрывался благородными порывами и праведными целями, чтобы утолить свою жажду крови. Он прекрасно осознавал, что идет на поводу у своей темной стороны, но не имел ничего против.

— "Хищнику нужно питаться, иначе он потеряет силы или умрет", — с этой мыслью, охотник развернулся и бросился на оторопевших бандитов.

Стоявший ближе всех к Тенро мужчина в мгновение ока лишился головы, и, прежде чем та, разбрызгивая узкие струйки крови, упала к ногам пошатнувшегося обезглавленного тела, еще один бродяга вскрикнул, получив колотую рану в грудь.

Танцующим шагом сместившись вперед, охотник вогнал второй клинок между ребер новой жертвы, провернув его и почувствовав, как ониксовое лезвие проскрежетало по кости.

Страхнув с клинка оседающего и воющего от боли мужчину, охотник одним движением рассек ему горло.

Коротким прыжком оказавшись среди оставшихся разбойников, Тенро отсек чью-то руку и та упала ему под ноги, так и не выпустив зажатый в сведенных судорогой пальцах нож. Мгновением позже лишившийся кисти мужчина рухнул как подкошенный, с пробитой головой.

Перехватив меч, охотник ударил им назад, вонзив в живот замахивающегося дубиной бандита. Тот вздрогнул, когда сталь прошла сквозь его внутренности, и уронил оружие себе же на голову.

Меч в правой руке Тенро взлетел вертикально вверх, рассекая очередную жертву от живота до груди и, устремившись вниз обратным движением, перерубил ключицу следующему противнику, войдя в немывтое тело.

Увидев, какая судьба постигла их подельников, двое оставшихся мужчин попытались убежать. Один смог сделать лишь несколько шагов, когда сверкнувший серебром клинок, несколько раз повернувшись в спертom, пропитанном зловонием воздухе, вошел ему между лопаток, пробив тело и выйдя точно посередине груди. Нелепо взмахнув руками, умирающий пролетел вперед, врезавшись в спину бегущему впереди товарищу и они вместе рухнули на землю.

Последний выживший лихорадочно пытался сбросить с себя мертвого друга, полными ужаса глазами наблюдая за медленно приближающимся мужчиной в черном плаще. Увидев, что глаза незнакомца светятся ярко-зеленым светом, бандит замер и зашептал молитву Альтосу, осеняя приближающуюся фигуру знаменем бога.

— Альтос не слышит тебя, — тихо прорычал Тенро, заноса для удара чернй меч. — Такие как ты, не заслуживают его прощения и не увидят его царства. Ваши жизни станут платой за мою.

С этими словами, охотник резко опустил клинок и тот с жадным чавканьем впился в череп вздрогнувшего всем телом оборванца.

Когда Тенро вырвал оружие из смертельной раны, наблюдая, как срывающиеся с лезвия капли теплой крови падают на землю, внутри него что-то радостно заклокотало. Тьма, живущая в его душе, приветствовала кровавый пир, радуясь каждой отнятой в этой бойне жизни.

Черный ком тумана, где-то в сознании охотника прекратил бурлить, успокоившись, по крайней мере до того времени, пока ему не понадобятся новые жертвы.

Глубоко вдохнув пропитанный кровью воздух, Тенро сорвал с плеч оборванный плащ, отер им клинки и спрятал их в ножны. Еще несколько мгновений он смотрел на тела, казавшиеся ему жалкими, после чего, развернувшись, направился вдоль кривой и узкой улочки.

Вокруг не было ни души — осторожные местные жители предпочли оказаться подальше от странного и опасного мужчины.

Проходя мимо одного из домов, Тенро посмотрел в мутное, каким-то чудом сохранившееся окно. Внутри было темно, а с поверхности грязного стекла на охотника смотрел заросший бородой косматый мужчина с медленно потухающими зелеными глазами. Такой же грязный, как все, что его окружало, испачканный кровью и пропитанный ее запахом.

— Не удивительно, что монахини убежали от меня, — вздохнув, Тенро повел ладонью по лицу, словно хотел развеять безобразный мираж или снять уродливую маску, но ничего не изменилось.

Пугающее отражение по-прежнему таращилось на него с мутной поверхности стекла. Что-то для себя решив, охотник поспешил прочь, на ходу проверяя монеты в потайном кармане рубахи.

* * *

Хозяин "Оленьего копыта" сидел за стойкой, глядя на неподвижные двери своего заведения. После того, что тут днем учинила стража, посетители обходили это место стороной и даже завсегдатаи перекочевали в какую-то другую дыру. Знал бы он, чем все в итоге обернется, никогда не пустил бы на постой эту пару миловидных монахинь-пилигримов. В кой-то веки раз он решил поступить как порядочный человек, и вот как Альтос наградил его за доброту.

— Может, не стоило брать с них двойную плату? — задумчиво пробурчал себе под нос трактирщик и грустно вздохнул.

Когда дверь его заведения вдруг отворилась, и в нее вошел молодой зеленоглазый мужчина, трактирщик едва на месте не подпрыгнул. Он мгновенно оценил платежеспособность гостя по удобным кожаным сапогам, в которые были заправлены серые штаны, плотной верхней рубахе, жилета и накинутого на плечи темно-зеленого плаща с капюшоном, отделанного волчьим мехом. На лицо молодой человек был не дурен собой — темные, убранные в хвост волосы, такого же цвета длинная щетина, крючковатый нос, и яркие зеленые глаза.

Только встретившись с незнакомцем взглядом, трактирщик запоздало сообразил, что

гость его далеко не прост. Повадки и холодный, расчетливый взгляд выдавали в нем едва ли не матерого головореза.

К тому же торчавшие за спиной рукояти клинков и странный лук, внушали если не страх, то уважение. Быстро опустив глаза, трактирщик отметил, что на руках гостя надеты кожаные наручи и перчатки для стрельбы из лука.

— Чего желаете, — с заискивающей улыбкой поинтересовался трактирщик, когда гость, пройдя через тесный зал, остановился напротив стойки.

— У вас останавливались две монахини, — неторопливо начал зеленоглазый мужчина, и замолчал. Не договорив, он многозначительно посмотрел на трактирщика.

— У меня здесь много кто бывает... — неопределенно пожал плечами тот.

— Две монахини, — повторил гость, и на поцарапанную стойку легла серебряная монета.

— Были! — с готовностью выпалил трактирщик, ловко схватив деньги и спрятав их в карман засаленных штанов. — Тут такая история случилась, господин...

— Меня не интересуют истории, — мужчина покачал головой. — Куда они поехали?

— Не могу знать, — виновато пожал плечами трактирщик. — Они ушли еще до рассвета, а потом, позже, пришли стражники.

— Мне нужно знать, в какую сторону направились монахини. — Гость говорил жестко и властно. — Скажешь — получишь еще, — вторая монета легла на стойку.

— Ну... — трактирщик попробовал забрать монету, но зеленоглазый прижал ее пальцем, не позволяя серебряному диску сдвинуться с места.

— Узнаешь? — с нажимом спросил загадочный гость и его глаза сверкнули.

— Я сам провожу вас до ворот. — Трактирщик, для пущей убедительности кивнул своим словам. — У меня там племянник служит, а сегодня как раз его смена. Спрошу — если знает — скажет.

— Договорились, — гость убрал руку, прекратив удерживать монету и та, сверкнув округлым боком, переключалась в бездонный карман трактирщика. — Собирайся. У меня нет времени ждать.

* * *

Во время короткого привала, Элисса устало прислонилась спиной к теплему стволу невысокого дерева. Взглянув на чистое небо, весело подмигивающее ей солнечными лучами, пробивающимися через листву, воровка тяжело вздохнула. Хорошая погода никак не подняла настроения, особенно если учитывать все то, что произошло с ней за прошедшее время.

Сначала этот проклятый барон Гирс со своими головорезами, потом Скедосова пустынь и учиненная там резня, незадачливая попутчица, отсутствие денег, а теперь еще и этот странный зеленоглазый тип, каким-то образом отыскавший их в таверне.

Проведя рукой по поясу, воровка коснулась кошелька, которой позаимствовала у ночного гостя после того, как расколотила о его голову тяжеленную вазу.

— Хоть на что-то он сгодился, — пробормотала Элисса, однако мысль о деньгах, в кой-то веки раз, не принесла воровки счастья.

Девушка не рассчитала силу удара и крепость глиняной вазы и пробила спящему мужчине голову. Когда она склонилась над ним, незнакомец не дышал, поэтому пришлось быстро собирать вещи.

Попутно она обманывала Хэли, заверяя монахиню, что все с гостем хорошо, и он просто потерял сознание. Упрямая девчонка ни в какую не желала бросать странного мужчину и

воровке пришлось едва ли не силой тащить ее за собой. Только после того, как Элисса, в очередной раз, солгав, заверила Хэли, что этот самый Тенро хотел надругаться над ними, та решила оставить комнату в трактире.

И все бы ничего, но, когда воровка взглянула на обмякшее на стуле тело в черных лохмотьях, то увидела, как кровь накапавшая на пол, словно по какому-то жуткому волшебству начинает втягиваться обратно в рану, алым ручейком поднимаясь прямо по воздуху.

Вот тут-то Элисса испугалась по-настоящему. Она даже решила на то, чего всегда не делала — обратилась к городской страже, повторив им ту самую душещипательную историю о ночном насильнике, что до этого рассказывала Хэли.

Впечатлительная монахиня, даже не подозревая об этом, сама подыграла воровке, едва не прослезившись и подтвердив каждое ее слово.

Не дожидаясь, пока стражи порядка разберутся с нарушителем спокойствия, покусившимся на благообразных монахинь, Элисса вместе со своей спутницей покинули гостеприимную деревню, устремившись напрямик в Сафрас. Прямо у ворот они купили у местных торговцев все необходимое для путешествия по слегка завышенной, по мнению Элиссы, цене и поскакали прочь.

По прикидкам воровки, отдохнувшая лошадь должна была домчать их до города на следующий день, с учетом нескольких остановок, но нетерпеливость девушки снова обернулась против нее.

Когда Белодымье осталось далеко за спиной, несущаяся галопом лошадь оступилась, выбросила из седла девушек, и рухнула на землю. Результатом стал внушительный синяк на бедре и ссадина на лбу у Хэли, отбитый зад самой Элиссы и, что самое печальное — хромая лошадь. Вдвоем уехать на такой далеко — можно и не мечтать.

Вот и пришлось беглянкам идти пешком. Непривыкшая к долгим переходам и не полностью оправившаяся от раны Хэли быстро уставала, поэтому привалы приходилось устраивать вдвое, а то и втрое, чаще.

Поначалу они двигались вдоль дорог, ведя хромающую лошадь на поводу. Но потом, во время одной из остановок, Элисса задумалась — смогут ли городские стражники задержать того, кто целым вышел из переделки в Скедосовой пустыни?

В монастыре, не считая одного только Леона, было немало бандитов. Но этот самый Тенро, как он себя назвал, смог не только уйти оттуда, но еще и отыскать Элиссу вместе с Хэли.

Воровка боязливо обернулась, словно ожидая увидеть черного всадника, беззвучно движущегося в клубах белого тумана. Разумеется, тогда она не увидела ничего — дорога за спинами беглянок была пуста. К тому же люди с разбитой головой так быстро в себя не приходят, а втягивающаяся в рану кровь могла ей просто почудиться.

Так говорил Элиссе здравый смысл, но чутье воровки твердило об ином. Всегда руководствовавшееся инстинктами, Элисса приняла решение отпустить лошадь на все четыре стороны и свернуть с дороги. Благо вещей у девушек было не так много, а заблудится в лесу, где по правую руку всегда дорога, воровка не боялась.

Услышав план спутницы, Хэли недоуменно посмотрела на нее, но спорить не стала. У Элиссы сложилось впечатление, что монахиня вообще готова на все, лишь бы не разлучаться с ней. Впрочем, воровка не имела ничего против подобной компании, к тому же она чувствовала вину за то, что Хэли теперь лишилась дома и пережила весь тот ужас, что

произошел в Скелосовой пустыни.

И вот теперь, после долгого пути, когда солнце уже медленно начало клониться к закату, девушки остановились на очередной привал. Поменяв повязку Хэли, Элисса сидела у дерева, спиной чувствуя его рельефную и немного теплую кору и слушая убаюкивающий шелест листьев.

Думать ни о чем не хотелось, и воровка бы многое отдала, чтобы вздремнуть прямо здесь и сейчас. Забыться сном, и гори оно все синим пламенем, но мягкий голос Хэли отвлек ее от столь безразличных мыслей.

— А мы не заблудимся? — спросила девушка, глядя по сторонам. — Сестры говорили, что ночью в лесу холодно и страшно.

— Так и есть, — согласно кивнула Элисса, решив, что если за ними и гнались, то преследователи уже должны были оказаться далеко впереди. — Именно поэтому мы скоро выберемся из этих зарослей и вернемся на дорогу. Заберемся на ближайший холм и оглядимся. Где-то поблизости наверняка должна быть или какая-нибудь деревня или трактир. Вблизи Сафраса этого добра навалом.

— Ясно, — многозначительно протянула девушка и замолчала, видимо, предавшись своим фантазиям на тему больших городов, которых никогда еще не видела и считала абсолютно иными мирами. Хотя, по сути, для девушки, выросшей в стенах монастыря, так оно и было.

Отдохнув, воровка и монахиня вновь отправились в путь. На этот раз Элисса намеренно забирала правее, устремляясь к скрывающейся за деревьями дороге. Несколько раз спутницы замирали, когда до них долетал стук копыт, после чего осторожно продолжали путь.

В итоге Элисса оказалась права даже в большей степени, чем надеялась изначально — к наступлению сумерек, они окончательно выбрались на дорогу, оставив за спинами пугающие звуки ночного леса, с его неясными тенями и целыми облаками назойливой мошкары.

К вечеру погода, решив, что достаточно побаловала людей теплым солнцем, все-таки испортилась. Налетевший ветер нагнал темные тучи, проглотившие тускнеющий золотистый диск, уже почти скрывшийся за горизонтом, а окрашенные закатом в алый цвет облака растворились в сгущающемся свинце.

Сильный порыв ветра сорвал с головы Элиссы капюшон купленного на выезде из Белодымья плаща, и растрепал ее рыжие волосы. Сзади тихонько вскрикнула Хэли. Монахиня не привыкла ходить с непокрытой головой и теперь, когда ее выющиеся светлые локоны, с помощью ветра начали жить собственной жизнью, она не знала, как их успокоить.

Увиденное порядком позабавило Элиссу и та, подойдя к спутнице, быстро собрала ее растрепавшиеся волосы в хвост, стянув его на затылке полоской ткани.

— Так-то лучше, — ободряюще улыбнулась воровка, на благодарный кивок монахини. — И вот еще что, — став серьезнее, напомнила она, — никому не говори, что мы из Скелосовой пустыни, точно так же, как и о том, что ты монахиня.

— Но тогда мне придется солгать! — Возмутилась Хэли. — Как же...

— Не лги, просто забудь о своем прошлом, — пояснила Элисса. — Если не сможешь — прикинься немой и лгать буду я. Мне не привыкать.

— Я так не могу, — заупрямилась Хэли. — Тогда тебе придется взять на душу и мой грех!

— Как же с тобой тяжело, — вздохнула воровка, покачав головой.

Ветер крепчал, и девушкам пришлось говорить громче, чтобы слышать слова друг друга.

— Хорошо, — растерянность в голубых глазах Хэли сменилась решительностью, и она резко кивнула, будто разом отсекла все сомнения. — Я солг... не скажу всей правды, хотя я ведь не монахиня, так что...

— Умница, — подойдя к спутнице, Элисса поплотнее закутала ее в плащ, чтобы не было видно монашеской рясы. — Стой, — она вдруг уставилась на Хэли так, словно у той появилась дополнительная пара глаз или что-то в этом духе. — То есть как это — не монахиня?!

— Сестра настоятельница сказала, что в детстве меня не посвятили в духовные таинства, так как я была слишком мала, а потом она настояла, чтобы я сама приняла решение, когда мне исполнится шестнадцать зим, — потупившись, пояснила Хэли.

— Так ты все это время просто прислуживала в монастыре?

— Вроде того, — кивнула девушка. — Помогала по хозяйству. А рясу носила потому, как другой одежды в монастыре не было, да и не положено.

— И когда же ты должна была стать полноправной монахиней? — с кривой ухмылкой поинтересовалась Элисса, до сих пор не веря, что ее так легко провели.

— По словам старшей настоятельницы — сегодня, — даже в сумерках было видно, как покраснели щеки Хэли.

— Так у тебя, выходит, день Имени?

— День Имени? — повторила девушка. — Ну да. Я не знаю, когда родилась, поэтому сестры стали считать мои года от начала моей новой жизни, когда они обнаружили меня у ворот монастыря.

— Значит постоянный двор это то, что нам сейчас нужно! — незамедлительно приободрилась Элисса. — День Имени следует обязательно отметить, а потом я куплю тебе самое красивое платье, которое найдется в этом захолустье! Смотри, — воровка, отвечая на непонимающий взгляд спутницы, указала вперед. — Видишь огни? Там какая-то деревня, левее по тракту. В таких местах непременно имеются постоянные дворы — там и заночуем, заодно купим у местных новую одежду для тебя и для меня.

— Новую? Я никогда не носила ничего, кроме платья, как на сестрах...

— Самое время начать, — отрезала Элисса, потянув спутницу за руку. — С сегодняшнего дня у тебя снова новая жизнь. Мало кто может похвастаться тем, что родился дважды. Поспешим же, скоро пойдет дождь, — добавила она, глядя на стремительно темнеющие небеса.

* * *

Дождь нагнал девушек, когда те почти добрались до долгожданного крова. Они уже свернули с тракта, когда с неба начали падать первые тяжелые капли.

Элиссе показалось, что стало еще темнее, чем раньше. Подняв голову, она увидела, что тучи полностью скрыли луну и звезды, спрятав их где-то в своих налитых дождем брюхах.

— Не могли чуть-чуть подождать, да? — С досадой взглянув на тучи, Элисса послала им проклятье, потонувшее в оглушительном грохоте грома.

Воровка вздрогнула, а Хэли, взвизгнув, прижалась к спутнице и, зажмурившись, спрятала голову под ее плащом. Этот совершенно детский поступок развеселил Элиссу и та, не выдержав, рассмеялась.

— Прости, — потупившись, Хэли отступила от воровки на один крохотный шаг, продолжая держать ее рукой за край плаща. — Так неожиданно гроыхнуло. Я испугалась.

— Ничего. Пойдем.

Под усиливающимся дождем, две девушки шли к манящим огонькам, маячившим в окнах приближающихся уютных домиков, раскинувшихся по плавным линиям окруженных лесом холмов.

Сверкнула молния, на несколько мгновений осветив находящееся в низине поселение, и Элисса поняла, что оно довольно небольшое — домов пятнадцать — двадцать. Постройки разной величины были разбросаны между обширными огородами, и только один дом держался отдельно. Большой, массивный, в три этажа он выгодно отличался от остальных, да и место перед ним было освещено куда лучше. Доносившееся с той стороны ржание лошадей подсказало Элиссе, что она не ошиблась — если в деревне и есть постоянный двор, то это именно он.

Перепрыгивая слабо блестящие во мраке лужи, что поспешно заполняли собой все неровности дороги, девушки так быстро, как только могли, пробирались вперед. Стоило им подойти поближе, как где-то рядом хрипло залаяла почуявшая чужих собака. Спустя несколько мгновений к ней присоединилась другая и, к тому моменту, когда Элисса и Хэли добрались до первого дома, их уже встречал нестройный собачий хор.

Впрочем, животные быстро успокоились, когда убедились, что никто из незнакомок не собирается приближаться к домам, которые охраняли мохнатые стражи. Погавкав еще несколько раз, для вида, собаки прекратили обращать внимание на гостей деревни.

— Саговы холмы, — прочитала Хэли ровно выведенную на указателе надпись. — Это название?

— Оно самое, — кивнула Элисса, не останавливаясь рядом с ровным путеводным столбом и проходя дальше. — Мы недалеко от Сафраса. Если удастся раздобыть лошадь, и завтра выехать пораньше, то мы доберемся до города еще до заката. Но сначала — поедим и отдохнем. Ты кое как держишься на ногах да и я, признаться, слишком устала, чтобы быть разборчивой, так что мне подойдет для отдыха совершенно любой клоповник, лишь бы в нем была кровать и вино.

Приободренная мыслями о крове, воровка ускорила шаг, потянув уставшую Хэли за собой. Они прошли вдоль низкого забора, вдоль которого росли раскидистые яблони, чьи ветви свисали почти на дорогу.

Стоило одному забору кончиться, как начался новый, почти такой же, но чуть выше. В промежутки между ровными досками виднелись темные силуэты кустов непонятного, но приятно пахнущего растения. Откуда-то из темноты зарослей зарычала собака, провожая девушек недовольным и встревоженным взглядом блеснувших во мраке глаз.

Из-за темного времени суток и непогоды, деревня казалась пустой. Только свет, льющийся теплыми волнами из окон домов, да приглушенные стеклами голоса, свидетельствовали о том, что люди не спят, а просто переживают ливень в тепле и уюте собственного жилья. Невольно позавидовав деревенским жителям, Элисса перескочила разлившуюся прямо под ногами лужу, едва не оступившись в грязи, после чего помогла Хэли проделать то же самое.

До постоянного двора было рукой подать, и воровка уже могла прочитать подсвеченную факелом кованую вывеску — "Слепой бобер".

Элисса не уставала удивляться странной человеческой фантазии и особенно ее проявлениям в вывесках над трактирами. Казалось, что у всех хозяев постоянных дворов есть какая-то книга, в которой содержится магическим образом собранные нелепейшие названия,

коиими непременно следует обозвать свое имущество.

Но какое бы название не носило это заведение, оно не отпугнуло бы Элиссу в этот момент. Даже если бы на вывеске кто-то написал что-то гадкое или пошное, девушка все равно не изменила бы своего решения остаться здесь на ночь.

Как оказалось, подобные мысли пришли в голову не только ей — где-то за зданием беспокойно заржали лошади, реагируя на вспышку молний. Животные быстро успокоились, продолжив отдыхать и дожидаться своих хозяев, решивших переждать непогоду под крышей.

Стоило девушкам ступить под широкий, накрывающий крыльцо козырек, как дождь обрушился с небес с новой силой, бешено заколотив в крышу. Спящий, облакачивающийся на перила паренек резко распахнул огромные сонные глазищи и уставился на девушек.

— Здрасьте, — брякнул мальчишка, шмыгнув носом и потеряв глаза засаленным рукавом красной рубахи. Зябко поежившись, он зевнул, не озаботившись даже прикрыть рот ладонью. Едва заметив, что лошадей при гостях не имеется, парнишка сразу же потерял к ним интерес и, плотнее запахнув стеганую безрукавку, вернулся на свое место, сонно пробормотав напоследок:

— Милости просим в "Слепого бобра".

Не снизойдя до ответа не очень-то приветливому привратнику, Элисса прошла мимо. Взявшись за дверную ручку, девушка помедлила. Спинай почувствовав на себе чей-то взгляд, она резко обернулась, но увидела перед собой лишь пустоту и ночную тьму.

Постоялый двор находился почти на отшибе деревни, так что от него до ближайшей границы леса была добрых полторы сотни шагов. Это место занимал чей-то приземистый дом, так что воровка могла почувствовать, как кто-то смотрел на нее из окон.

Глянув поверх крыши, Элисса поежилась, представив, как на дальнем холме, между высоких деревьев, сейчас замер силуэт в черных одеждах, наблюдающий за ним немигающим взглядом ярко-зеленых глаз.

— Что-то случилось? — Желая понять, что так заинтересовала спутницу, Хэли обернулась и принялась озадаченно вглядываться во тьму. — Что-то не так?

— Все в порядке, — сбросив наваждение, воровка передернула плечами, и капли влаги скатились с ее плаща на деревянный пол крыльца.

Спустя миг, после того, как она отвернулась от леса, на самой кромке появились едва заметные клочья белого тумана.

Рывком распахнув туго идущую дверь, Элисса пропустила Хэли вперед и вошла следом. В нос сразу же ударил запах чеснока, пива и свежего хлеба, от которого у воровки тоскливо заурчало в животе.

К сожалению ЭлиССЫ все столы вокруг оказались заняты если не полностью, то частично, а соседствовать с какими-то пьяными деревенщинами не очень-то и хотелось.

Но делать было нечего. Подтолкнув оторопевшую Хэли, воровка вместе с ней двинулась к стойке, за которой их уже поджидал хозяин трактира — грузный мужчина средних лет с сединой в жидких волосах и врожденной жадностью во взгляде.

По пути Элисса смотрела по сторонам — в глубине души она лелеяла надежду заказать еду сразу в комнату но, если та еще не готова, то придется ждать где-то внизу. А если свободных комнат не окажется...

— Чего изволите? — скороговоркой поинтересовался хозяин постоялого двора, широко и заискивающе улыбаясь гостям щербатым ртом.

— Комнату, — не задумываясь, ответила Элисса и сразу же добавила, — и еду.

— С комнатами нынче беда, — немного приуныл трактирщик. — А вот еду это можно.

— Нужна комната на ночь. Очень. — Элисса никак не желала уступать и лишать себя удовольствия от мягкой постели. Сейчас она готова отдать за это любые деньги, благо кошелек, срезанный с пояса Тенро, позволял ей это сделать.

— А что я-то сделаю? Не на голову же себе вас посажу, — щербатый мужик заломил заросшие густыми волосами руки. — Недавно вот последнюю комнату сдал. Все, больше нет! Есть вопросы — обратитесь к тому, кто один поселился в комнате на четверых. — Небрежным жестом, трактирщик указал на темный угол своего заведения, где за узким столом сидел черноволосый мужчина, медленно потягивающий пиво.

— Один заказал такую большую комнату? — недоверчиво прищурилась Элисса, оценивающе взглянув на странного постояльца — в дорогой одежде, молод и хорош собой, он определенно был во вкусе воровки и в другое время она, возможно, была бы и не прочь разделить с ним одну комнату, но не сейчас.

Сейчас Элисса слишком устала и желала лишь одного — еды и нормальной кровати.

— Он пришел незадолго до вас, — продолжил трактирщик. — Сказал, что ждет друзей, но взял еду только себе. Доплатил и за комнату и за то, чтобы я не сажал никого за его стол, — перейдя на шепот, признался мужчина. — Станный какой-то.

— Значит, других комнату у тебя нет?

— Нет, госпожа, — Трактирщик обвел широким жестом заполненный зал. — Только гляньте сколько народу. Хотя, может в деревне кто на постой пустит. Пспрашивайте.

— Нет уж, — решительно дернула головой воровка, указав пальцем в сторону стола с одиноким незнакомцем. — Два пива и чего-нибудь мясного и горячего за тот стол.

— Может не надо, — попросила Хэли, но Элисса отмахнулась от нее. — Он же просил...

— Не велено, госпожа, — трактирщик было заупрямился но, когда Элисса скользнула ладонью по стойке, оставив на ней несколько монет, заулыбался. — Сразу бы так, госпожа. Можете идти туда, но учтите — ежели господин не пожелает сидеть с вами — не обессудьте, мне придется принять меры.

— Не придется, — ослепительно улыбнулась Элисса и пружинистой походкой направились к отдаленному столу, по пути ловя заинтересованные взгляды посетителей "Слепого бобра" — мужчины уже подвыпили, так что появление двух милостивых девушек незамедлительно привлекло их внимание.

Быстро добравшись до цели, Элисса встала перед столом, выжидаясь глядя на сидящего за ним мужчину, который, отчего-то, не спешил обращать на нее внимания. Только когда девушка кашлянула, незнакомец оторвался от своего напитка, подняв на девушку взгляд зеленых глаз.

— Простите, — отшатнувшись, Элисса мгновенно справилась с собой — незнакомец напомнил ей странного типа, которого они с Хэли оставили стражникам в Белодымье.

Но, приглядевшись, воровка поняла, что ей показалось — сидящий перед ней мужчина был чуть моложе, без бороды, более ухожен и одет много лучше, чем тот, кто называл себя Тенро.

— Вы что-то хотели? — спокойно поинтересовался сидящий за столом. Его руки чуть-чуть сместились, и воровка увидела перчатки для стрельбы из лука, лежащие под локтем.

— Мы хотели бы присесть, но трактирщик сказал, что вы ждете друзей, — осторожно начала Элисса, пытаясь определить, с какой стороны лучше заходить к этому мужчине.

Наставница всегда учила ее сначала узнавать человека, прежде чем пытаться манипулировать им.

— Но вы пришли, даже зная это, — в тон девушке заявил незнакомец и его глаза улыбнулись.

— У нас не было выбора, знаете ли, — Элисса вернула улыбку. — Моя сестра очень боится незнакомцев, а вы выглядите вполне дружелюбно.

— Правда? — удивился мужчина, с интересом посмотрев на выглянувшую из-за спины Элиссы Хэли.

Видя, что сидящий за столом незнакомец не спешит продолжать разговор, Элисса снова решила взять все в свои руки:

— Хозяин говорит, что вы заняли комнату на четверых.

— Так и есть, — согласно кивнул мужчина. — Я ждал двоих, но комната оставалась лишь одна, поэтому я забрал ее.

— А ваши друзья, они скоро придут?

— Как знать, — задумчиво улыбнулся незнакомец. — Может быть никогда.

— Еду подавать? — подойдя, осведомилась невысокая служанка в мятом чепце.

Закусив губу, Элисса с надеждой взглянула на мужчину, используя все свое очарование. Подарив незнакомцу стеснительную улыбку, она пригладила влажные волосы и стыдливо потупилась — обычно перед подобным никто не мог устоять, однако этот человек не спешил принимать решения.

— Можете сесть, — наконец сказал он, указав рукой на свободные стулья, и заостренные черты его лица немного сгладились.

— Благодарю, — нежно проворковала воровка, пряча победную улыбку — как и все кобели, этот клонул на наживку.

Теперь лишь вопрос времени, когда он сам предложит уступить девушкам комнату, решив переночевать где-нибудь в другом месте. Если же начнет приставать, то у Элиссы было чем ответить. Главное, чтобы все решилось, пока не появились его дружки.

Девушка грациозно опустилась на соседнее место. Она собиралась было расстегнуть плащ, подключив к обольщению еще и свою соблазнительную фигуру, но вовремя вспомнила, что под плащом у нее пусть и порядком грязное, но одеяние монахини.

Покосившись на Хэли, воровка про себя похвалила девушку — та, также, не собиралась демонстрировать свою одежду, то и дело, с опаской поглядывая на их нового знакомого.

— Вы путешествуете? — спросила Элисса, глядя, как перед ней и ее спутницей поставили чашки с мясной похлебкой, два куска хлеба, сыр, запеченную в овощах рыбу и свежие овощи.

— Можно и так сказать, — таинственно улыбнулся мужчина, снова отпив из пива. — А вы?

— И мы, — есть хотелось безумно, но Элисса держалась спокойно, прекрасно понимая, что потеряет свой шарм, если накинется на еду, а это, пока, был ее единственный козырь.

— А можно мне воды или молока? — спросила Хэли, когда служанка поставила перед ней и воровкой по кружке пенного пива.

— Можно, — равнодушно пожала плечами женщина. — Но за пиво, все равно, придется заплатить.

— Мы заплатим, — сказала служанке Элисса и та удалилась.

Разговор как-то не шел, и девушки потихоньку принялись за еду. Незнакомец же, давно

разделавшись со своей порцией, смотрел в темное окно, за которым бушевала непогода.

Несколько раз Элисса ловила на себе его взгляд, но никак не решалась заговорить. Что-то в этом человеке настораживало ее. Обычно, стоило Элиссе захотеть, и любой мужчина делал все, лишь бы угодить ей. По крайней мере, до тех пор, пока не узнавал о истинных намерениях, как это было с бароном Гирсом.

Но этот незнакомец вел себя странно, и Элисса никак не могла понять, интересуется ли она его как женщина или нет. Подобное случилось ней впервые и сильно ударило по самолюбию.

— Ваши друзья не спешат, — начала воровка.

— Как знать, — короткий ответ резко оборвал начавшую плестись нить разговора.

— Вы не слишком-то словоохотливы, — с легким упреком произнесла Элисса, проглотив обиду и обиженно поджав полные губы.

— Последнее время мне было не с кем поговорить, вот и отвык, — все так же ровно ответил мужчина, одним глотком опустошив свою кружку.

Тут же, будто из-под земли, перед столом выросла служанка, чтобы забрать пустую посуду. На ее молчаливый вопрос о еще одной порции, гость покачал головой, положив на край стола семь мелких монет — плату за ужин.

— Тут много, — нехотя призналась служанка. — Желаете оплатить все? — Она взглядом указала на тарелки перед девушками.

— Нет, — покачал головой мужчина и глаз ЭлиССы предательски дернулся — она поверить не могла, что ее чары не подействовали.

— Тогда с вас...

— Это все в счет будущих неудобств, — гость пододвинул монеты к самому краю стола и служанка, все еще не понимая, куда он клонит, взяла их.

— Каких неудобств? — едва Элисса успела договорить, как на ее плечо легла тяжелая грубая рука, а в нос ударил едкий запах дешевого табака и выпивки.

— Вот этих, — легким кивком, сидящий за столом мужчина указал воровке за спину.

— Ой, — испуганно пискнула Хэли, вцепившись в край стола, и сразу же кто-то прокрихтел на ухо Элиссе:

— Как дела, красотка?

— Только что были лучше, — с кислой улыбкой ответила воровка, поняв, что этот вечер, как и предыдущие — явно не задался.

— А хочешь, — подошедший к девушке мужчина явно не понимал намеков, — мы с друзьями устроим тебе и твоей подружке веселый вечер? Такие красавицы как вы, к нам не часто заглядывают.

— Неудивительно, — оглянувшись, Элисса увидела троих высоких мужчин, один из которых склонился к ней и сейчас усердно пыхтел в ухо, обдавая неприятным запахом из рта.

Несмотря на явное подпитие и отсутствие манер, трое деревенских мужиков выделялись крепким телосложением, так что о том, чтобы попытаться решить все силой — речи идти и не могло. Пускать им кровь — себе дороже, а иначе они просто скрутят ЭлиССу, и она ничего не сможет сделать.

С надеждой взглянув на сидящего напротив незнакомца, воровка поняла, что тот не спешит приходить ей на помощь.

— Арго, — подошедший хозяин постоянного двора попробовал оттеснить коренастого

мужика, но тот оттолкнул его.

— Свали старик, — сурово буркнул он, ухватив Элиссу за локоть. — А ты, милочка, бери подружку, и пойдем к нам за стол. Нечего тебе здесь...

— Они останутся, — спокойно произнес молчавший до этого мужчина, и воровка удивленно взглянула на него.

Впрочем, мимолетная радость Элиссы сменилась едва ли не паникой, когда она заметила в глубине зеленых глаз вспыхивающие яркие искры. Словно не веря самой себе, девушка несколько раз быстро моргнула и только теперь узнала сидящего напротив нее незнакомца — отсутствие бороды, смена прически и одежды — хорошо преобразили его, но теперь у Элиссы не возникало никаких сомнений — перед ней тот самый Тенро, которого она вроде как убила вазой и ограбила.

Девушка медленно подалась влево, заглядывая за спину мужчины, и едва не застонала, увидев прислоненные к стене наэрсские клинки и странный лук.

— Хэли, — позвала Элисса, продолжая соскальзывать со стула. Одного взгляда на девушку хватило, чтобы понять — она, так же, узнала их недавнего собеседника. — Сейчас мы...

— Пойдем с нами! — пробасил деревенский бугай, пропустив мимо ушей слова Тенро. — Нечего вам здесь торчать!

— Они останутся, — без какой-либо угрозы повторил Тенро.

— Тебя забыли спросить, — с ехидной улыбкой, один из трех местных жителей положил на плечо охотника ладонь, демонстрируя ему увесистый кулак. — Сиди и помалкивай, а то...

Что именно должно было произойти с Тенро в случае неповиновения, мужчина сказать так и не успел. Одним движением охотник просунул свою руку под рукой деревенского жителя, положив ладонь тому на лопатку. Второй рукой он схватил поднесенный к своему лицу кулак и, резко дернув его на себя, буквально вонзил лицо громилы в треснувший от удара стол.

Потерявший сознание деревенщина медленно сполз вниз, оставляя на столешнице след из крови, струившейся из явно сломанного носа и рассеченного лба.

— Ты!..

Второй противник получил удар в кадык как раз в тот момент, когда переступал через тело товарища. Поперхнувшись своей гневной речью, он рухнул на колени и Тенро, одним резким движением руки познакомил и его голову со столом, теперь окончательно развалившимся пополам.

Посуда полетела на пол. Хэли, вскочив, прижалась к стене.

— Убери свои руки от нее, — охотник бесстрашно подошел к бугаю, почти на две головы выше себя.

Не дожидаясь реакции, Тенро ударом руки в голову, повалил мужчину на пол и сурово прикрикнул:

— Трактирщик, за что я платил тебе деньги?

— Простите, благородный господин, — подбежавший хозяин постоянного двора, жестом подозвал двух помощников и они по очереди начали оттаскивать бесчувственные тела к выходу. — Простите великодушно. Моя вина...

— Просто убери их, — смягчился Тенро.

Теперь он положил ладонь на плечо попытавшейся встать Элиссы и силой усадил ее на

место. Когда он посмотрел в глаза девушки, та заметно побледнела.

— Не спеши уходить. Мы продолжим наш разговор в комнате. Да, Мила?

— Да, — беспомощно пискнула воровка, не в силах отвести взгляда от глаз мужчины, в которых пусть лишь на миг, но отчетливо вспыхнуло зеленое пламя.

В комнате было тепло, светло и приятно пахло какими-то травами. Две горящие лампы заполняли пространство ровным мягким светом, оставляя темными лишь самые дальние углы. Когда Элисса с Хэли оказались внутри, вошедший последним Тенро жестом указал им на заправленные кровати, а сам же, затворив дверь, расположился в одном из тех самых темных углов, повесив перевязь с клинками на спинку стула и прислонив лук к стене.

Стоявший в тени стул тоскливо скрипнул под весом охотника и потом все стихло. Дождь яростно колотил в окно и крышу, недовольный тем, что не может пробраться внутрь расположенной на третьем этаже комнаты.

Элисса неподвижно сидела на кровати, проклиная свою невнимательность — почему она не подумала, что этот Тенро может переодеться? Или она просто не рассчитывала, что без бороды и грязных косм он не так уж и плох собой? В любом случае, внешний вид этого зеленоглазого мужчины теперь не играл никакой роли.

Он нашел их.

Воровка некоторое время слушала собственное дыхание, дожидаясь, пока забившееся быстрее сердце успокоится. По крайней мере, если они все еще живы, то намерения сидящего в темноте человека не так уж и плохи. Наверное.

Что-то теплое коснулось руки Элиссы и она, повернув голову, увидела, как побледневшая Хэли положила свою ладонь на ее пальцы.

— Не бойся, — прошептала воровка, — я попробую все уладить.

— Если ваш способ заключается в том, чтобы разбить об мою голову еще какой-нибудь предмет, то я вас огорчу — дважды со мной один и тот же трюк не проходит, — холодно донеслось из темноты.

— Я прошу прощения за то, что сделала, — не то чтобы Элисса чувствовала вину за содеянное, но сейчас это не имело значения.

— Разумеется, — зеленые глаза сверкнули. — Вы испугались.

— Да, — с готовностью подхватила воровка, не услышав в голосе Тенро угрозы или злобы.

— И украли мой кошелек — исключительно от страха, — безжалостно закончил охотник, резко поднимаясь со стула и делая шаг к кровати, на которой сидели девушки.

Элисса и Хэли одновременно подались назад, вжавшись спинами в теплые бревна стены. От приближавшегося к ним мужчины веяло ледяным ужасом и смертью. Глаза, что разгорались, словно у измененного, заставили девушек затаить дыхание.

— Кто вы? — тихонько прошептала Хэли.

Поборов страх, воспитанница Скелосовой пустыни прекратила сжиматься и выпрямилась, встав между охотником и Элиссой.

— Хороший вопрос, — Тенро замер в шаге от девушки и начал внимательно рассматривать ее, пытаясь вспомнить — безуспешно. По всему выходило, что с этой парочкой он столкнулся впервые в охваченном пламенем монастыре и раньше их не видел.

— Вы убьете нас? — голос Хэли предательски дрогнул, а ее маленькие кулачки сжались.

— Не думаю, — у охотника, действительно, не было никаких причин вредить этим монахиням. — Но я задам несколько вопросов.

— Мы ничего не знаем, — нащупав под плащом стилет, Элисса стала увереннее и встала рядом со спутницей.

Воровка тщетно пыталась прочесть хотя бы какие-то эмоции в зеленых глазах мужчины, но те оставались холодными и настороженными.

— Это я решу сам, — приблизившись вплотную к Элиссе, Тенро приподнял ее лицо за подбородок и едва не коснулся своим носом ее.

Пальцы на рукояти стилета сжались, и воровка твердо решила пустить оружие в ход, но мужчина вдруг выпустил ее и отстранился.

— Кто-нибудь из вас видел меня прежде? До того, как мы встретились в монастыре? — спросил Тенро.

Элисса взглянула на Хэли и та покачала головой.

— Не видели, — за двоих ответила воровка. — Мы встретились там впервые.

Охотник кивнул, показывая, что услышал и принял этот ответ. Помедлив со следующим вопросом, он несколько раз прошел взад-вперед по комнате, после чего заговорил вновь:

— Расскажите мне о себе. Сначала — ты, — кивком головы он указал на Хэли.

— Мне почти нечего рассказывать, господин, — девушка все еще опасалась странного мужчину с зелеными глазами, но держалась стойко. — Меня грудным ребенком нашли у ворот монастыря и я росла там, не покидая Скеლოსовой пустыни до того дня, пока не появились плохие люди и... вы.

— Твое имя?

— Хэли, — не в силах больше выдерживать пытливый взгляд охотника, девушка устала в пол.

— Твоя очередь, — зеленые глаза остановились на Элиссе.

— Мое имя Мила, — без зазрения совести солгала воровка. — Незадолго до нападения на монастырь, я решила посветить свою жизнь служению Альтосу. У меня на это были свои причины...

— Какие? — тон Тенро ясно дал Элиссе понять, что придется рассказывать всю свою вымышленную историю, что она и сделала.

Закончив, воровка устало откинулась на кровать, вытянув уставшие ноги и, грустно вздохнув, спросила:

— Доволен?

— Я не из тех, кто любит слушать сказки, — охотник и ухом не повел. Говоря, он подошел к окну и принялся вглядываться во мрак. Несколько мгновений он разглядывал скользящие по стеклу капли, потом повернулся к Элиссе:

— И я не люблю, когда мне лгут.

— Но я... — воровка верить не могла, что ее обман раскусили. Еще никому и никогда не удавалось так быстро вывести ее на чистую воду.

Но Элисса не собиралась сдаваться, решив до конца играть новую роль, однако мужчина не дал ей этого сделать. На этот раз его голос прозвучал с каким-то злым предупреждением, почти угрозой:

— Хорошо подумай, прежде чем решишь солгать мне еще раз.

— Да кто ты такой?! — не выдержала Элисса, выхватив стилет.

Встав между напуганной Хэли и Тенро, она немного согнула ноги в коленях и отвела руку с оружием чуть назад, чтобы противник не смог сразу определить направление удара.

— Монахиня, да? — в зеленых глазах не было страха. Подойдя на расстояние удара,

Тенро развел руки в стороны, демонстрируя воровке открытую грудь. — Можешь убить меня еще раз прямо сейчас. Но тогда вам придется покинуть это место в такую погоду и в страхе бежать прочь, а я, все равно, рано или поздно найду вас.

То ли уверенность в голосе, то ли взгляд мужчины, заставили Элиссу ему поверить.

— Измененные с тобой, Тенро, — она интонацией выделила имя мужчины, показывая, что не забыла его, после чего выпустила кинжал из руки.

Оружие с глухим звуком вонзилось в доски пола.

— Меня зовут Элисса. Я — воровка. У меня возникли проблемы и один... влиятельный человек, весьма настойчиво попросил меня выкрасть из монастыря одну вещь. Прости, что солгала, — последняя фраза прозвучала для Хэли.

Едва заглянув в голубые глаза девушки, воровка поняла, что та не держит на нее обиды за обман.

— Элисса, — шепотом повторила Хэли, слабо коснувшись спины спутницы.

— Что за человек тебя нанял?

— Барон Гирс. Знаешь его?

— Нет, — Тенро покачал головой — имя было ему незнакомо. — Люди, напавшие на монастырь — работали на него же?

— Да. Они не стали дожидаться, пока я сделаю свое дело, и предпочли вырезать всех, — не скрывая досады, прошипела воровка, разом став похожей на рассерженную рыжую кошку. — Это все Леон...

— Что за вещь ты должна была забрать? — при упоминании бывшего друга, в душе Тенро всколыхнулась странная печаль, и это чувство не понравилось ему.

Охотник решил сосредоточиться на деле.

— Фигурка, вот. — Порывшись в складках плаща, Элисса вытащила статуэтку наэрки и протянула ее Тенро в надежде, что тот сможет хоть что-то прояснить.

Поначалу воровка разгорелась предвкушением, когда заметила, как заинтересованно смотрит на фигурку мужчина. Но искра узнавания быстро потухла в его глазах, сменившись недоумением, перешедшим в задумчивость. Стоило Тенро коснуться пальцами теплого камня, как откуда-то снизу донеслись приятные звуки музыки.

— Что это? — Хэли подалась было к двери, но в нерешительности замерла, так и не поставив ногу на пол.

— Музыканты, — пожала плечами Элисса, не сводя глаз с Тенро. — Такие часто выступают в тавернах. Хочешь посмотреть?

— Не знаю, — девушка взглядом указала на мужчину, который вертел в руках фигурку наэрки, глядя на нее отрешенным взглядом.

— Ты в порядке? — Убедившись, что их жизням ничего не угрожает, воровка стала смелее.

Как Элисса поняла из разговора, она совершенно зря опасалась этого мрачного типа. Если не учитывать его замкнутость, горящие глаза и способности к самоисцелению, то он оказался не так уж и плох.

Более того, он мог быть полезен. В голове ЭлиССы одна за другой рождались разнообразные идеи, как извлечь выгоду от нового знакомства.

— Да, — наконец оторвавшись от созерцания статуэтки, охотник поднял глаза на девушек. — Не возражаешь, если это пока останется у меня?

— Пока? — Элисса вскинула бровь, недовольная подобной просьбой, больше

напоминающей приказ.

— Если твой наниматель решился на уничтожения целого монастыря — он будет тебя искать, и, думаю, все-таки найдет. У меня есть несколько вопросов к этому Гирсу, так что я, пока, останусь с вами. Вы ведь направляетесь в город?

— Не твое дело, — сердито буркнула Элисса, закусив губу.

В принципе, она поклялась своей воровской честью, что доставит фигурку в Сафрас, так что клятву можно считать не нарушенной. Ведь все равно, кто понесет нужную заказчику вещь, так? К тому же, с того момента, как люди барона попытались убить ее, сделку можно считать расторгнутой.

Воровка понимала, что этот Тенро прав — барон в любом случае не оставит ее в покое, даже если получит то, что так жаждет получить. Поначалу Элисса собиралась рассказать новому знакомому, где ему следует искать особняк Гирса, тем самым избавившись и от его общества и от одного из серьезных противников. Но, немного поразмыслив, решила поменять планы.

Если Гирс послал за ней головорезов, то лучше бы иметь под рукой кого-то, кто сможет с ними разделаться, а Тенро показал, что это он делать умеет. С его помощью можно добраться до столицы, а там уж Элисса придумает, как быть.

Правда, оставался еще один вопрос, и, причем очень интересный — кто этот Тенро такой? Об этом воровка незамедлительно и спросила. Но вот ответ мужчины поставил ее в тупик.

— Я не знаю, — просто сказал охотник, пожав плечами. — Мои воспоминания пропали. Они медленно возвращаются, но пока я мало что помню. Знаю лишь, что все близкие мне люди мертвы.

— Вы из Зеленых полян? — С сочувствием спросила Хэли.

— Наверно, — последовал короткий ответ.

— А как объяснишь свои глаза и то, что твой череп зарастает быстрее, чем рана на вшивой псине? — Грациозно нагнувшись, чтобы поднять стилет, Элисса без труда вытащила его из досок, и сунул за пояс. — Ты хоть человек вообще?

— Мое сердце бьется, я дышу, устаю, испытываю голод и способен чувствовать. Кто я, по-твоему? — Тенро невесело улыбнулся. — Я такой с тех пор, как без памяти вышел к людям, — пусть охотник кое-что и вспомнил, он не спешил рассказывать всю правду о себе. Его история могла напугать девушек.

— Вышел откуда? — подозрительно прищурившись, спросила Элисса, которая, кажется, стала еще любопытнее, чем Хэли.

Станный зеленоглазый тип заинтересовал ее — воровка еще с детства любила всякие таинственные истории и никогда не думала, что когда-нибудь ввяжется в одну из них.

К тому же, Тенро относился к редкому для Элиссы типу людей — он не таял от одного ее взгляда и не собирался ее убить, а ведь именно на эти два вида делились все без исключения мужчины, с которыми когда-либо общалась воровка.

— Как я уже сказал — я мало что помню, — повторил охотник, тоже прислушивающийся к звукам доносившейся снизу музыки.

Раньше он не сталкивался ни с чем подобным и услышанное ему понравилось. Легкая мелодия отгоняла терзавшую душу печаль, отвлекая от тяжелых мыслей. Судя по виду девушки, которая была моложе — ей подобное, тоже, было в новинку.

— Как твоя рана? — спросил Тенро и Хэли, немало смутившись, ответила:

— Все в порядке. В Белодымье меня выходил лекарь, так что все почти прошло. А как ваша голова?

— Лучше, чем хотелось бы твоей подруге, — невозмутимо ответил охотник, на что Элисса презрительно фыркнула, недовольно забурчав что-то себе под нос.

Хэли улыбнулась:

— А... можем мы теперь, когда все обсудили, спуститься вниз? Я, признаться, еще голодна и очень хотела бы посмотреть на музыкантов. — Похоже, Хэли быстро смирилась с обществом малознакомого мужчины, видимо, сочтя его появление испытанием, что ниспослал не иначе как сам Альтос.

Девушка вообще быстро приспосабливалась ко всему новому и готова была идти хоть на край света, лишь бы не одной. Пусть Хэли и старалась выглядеть веселой и неунывающей, Элисса часто замечала в ее глазах грусть и пару раз слышала, как воспитанница монастыря святого Скедоса плакала по ночам. Все-таки испытания, выпавшие на долю этой совсем еще юной девушки, были слишком суровыми для нее.

— У тебя же сегодня день Имени! — Спихватилась Элисса. Она подумала, что спутнице не помешает немного развеяться. — Конечно, пойдем. Мы же еще не отметили это!

На самом деле, воровка предпочла бы поспать, но понадеялась, что пиво, в отличие от оружия, имеет над их новым знакомым большую власть, нежели холодная сталь. Если она будет чаще наполнять кружку Тенро, то, возможно, сможет узнать что-нибудь интересное.

— Хорошо, — на счастье Элиссы, охотник не собирался возражать.

Он и сам едва утолил голод. К тому же звуки музыки пробуждали в нем что-то человеческое — теплые эмоции, которые Тенро раньше не испытывал, и которых, как оказалось, ему не хватало.

— Когда этот Гирс поймет, что его люди не вернутся, он будет искать вас. Думаю, время пока есть. Я все равно рассчитывал отдохнуть здесь еще денек-другой, чтобы полностью восстановить силы, да и вам это не повредит.

— Значит, усталость ты, действительно, чувствуешь? — Хитро прищурилась Элисса. — А боль? — Она незаметно коснулась рукояти стилета.

— И ее тоже, — с плохо скрываемой грустью ответил Тенро и, помрачнев лицом, первым вышел за дверь, предварительно подхватив со стула перевязь с мечами.

Дождавшись, когда девушки покинут комнату, Тенро запер дверь. Положив ключ в карман, он пропустил новых знакомых вперед, а сам бесшумно двинулся следом. Элисса затылком чувствовала пристальный взгляд, от которого у нее по спине пошли мурашки.

— Ты всегда такой? — спросила воровка, когда они спускались по лестнице и тут же пояснила: — Мрачный, неразговорчивый.

— Пока не находилось поводов для радости, — коротко ответил Тенро.

На этом новая попытка Элиссы завязать разговор с треском провалилась. Очередной удар по собственному самолюбию воровка перенесла отнюдь нелегко, мысленно пообещав Тенро отыграться на нем при первой же возможности.

К примеру, она могла бы напоить его и подговорить на...

Музыка стихла и расположившиеся в главной зале постоянного двора люди захлопали в ладоши, поддерживая музыкантов. Раздались ободряющие крики и довольный смех — похоже, выступление посетителям нравилось.

В главной зале народу не только не стало меньше, наоборот — прибавилось. С высоты верхних ступеней первого пролета, Элисса окинула помещение недовольным взглядом. Не

обнаружив пустых мест, она уже собиралась попытаться отговорить Хэли от посиделок в этом шумном зале, но девушка выглядела такой обрадованной, что у воровки просто язык не повернулся предложить ей уйти.

— "В конце-концов — почему бы и нет"? — сама у себя спросила Элисса. Вслух же она сказала:

— Поищите свободные места, а я закажу нам еды и приду.

Воровка произнесла это таким снисходительным тоном, как будто собиралась облагодетельствовать спутников себе в убыток и совершенно бескорыстно, а вовсе не потратить деньги из украденного у Тенро кошелька. Впрочем, охотник своего недовольства никак не выражал, а Элисса решила лишний раз не напоминать ему об утрате.

Протиснувшись к стойке, Элисса наткнулась на того самого мужика, что так рьяно добивался ее общества совсем недавно. Встреча с Тенро явно не пошла здоровяку на пользу — оба его глаза заплыли, кожа на распухшей переносице лопнула, а в густой бороде все еще виднелись следы запекшейся крови.

Едва завидев девушку, громила скрипнул зубами и поспешил убратся с ее пути.

— Все же, иногда иметь под рукой умелого воина — не так уж и плохо, — вслух рассудила воровка, чье настроение при виде помятого деревенщины резко улучшилось.

Элисса сама не заметила, как начала мурлыкать в такт незатейливой, но приятной мелодии, доносящейся со стороны камина, рядом с которым расположились музыканты.

— Чего желаете? — Услужливый трактирщик вырос прямо из-под стойки, с тремя кружками в руках. — Это вам, за неудобства, — с готовностью пояснил он, поставив кружки перед гостьей.

— Благодарю, — важно кивнула воровка.

Элиссе иногда нравилось, когда кто-нибудь отчаянно пытался услужить ей или льстил, а сейчас ее самолюбие, как никогда, нуждалось в чем-то подобном.

— Мы с друзьями решили послушать музыку и отужинать.

— Не извольте беспокоиться, — бегающий взгляд трактирщика скользнул за спину воровки, и та догадалась, что мужчина высматривает Тенро. После того, что зеленоглазый сделал с тремя местными задирами он, наверняка, превратится здесь в знаменитость.

— Вы будете ужинать втроем?

— Втроем, — кивнула Элисса. — И мы не отказались бы от чего-нибудь горячего.

— Скоро подоспеет запеченная птица. Еще есть жаркое, — принялся перечислять хозяин постоянного двора, загибая грубые пальцы. — Еще рыба, овощи.

— Что-нибудь на ваш вкус, — отмахнулась Элисса, не желая выслушивать на какие изыски способна местная кухня. — И не забудьте еще пива, — воровка помнила о своем плане разговорить молчаливого охотника и не собиралась от него отступать.

— Все сделаем в лучшем виде, — серьезно кивнул трактирщик, будто генерал, получивший приказ лично от короля и скрылся за узкой дверью на кухню, откуда приятно пахло жареным мясом и травами.

В приподнятом настроении, Элисса вернулась к лестнице и, забравшись повыше, осмотрела заполненный людом зал. Она не собиралась бродить в зад вперед, разыскивая Тенро и Хэли, а ее не самый высокий рост не позволял смотреть поверх голов собравшихся здесь людей.

Встав же на расположенные повыше ступеньки, Элисса почти сразу же увидела спутников, занявших узкий, расположенный у стены столик, как раз недалеко от камина и

игравших рядом с ним музыкантов.

Поспешно спустившись, Элисса юркой рыжей лисицей проскользнула среди толпы и, спустя всего лишь несколько ударов сердца, уже села между Тенро и Хэли, поставив на стол три полные кружки.

Воспитанница Скедосовой пустыни была так поглощена зрелищем, что даже не отреагировала на появление воровки, чем порядком ее расстроила. Элисса уже собиралась выразить негодование, когда ее руки легко коснулся охотник.

— Все в порядке? — тихо спросил Тенро и его голос едва не утонул в мелодичном перезвоне струн лютни. — Я видел здесь одного из трех мужчин, что помешали нашему разговору...

— Он ушел, едва заведя меня. Ему здорово досталось. Где научился драться? — Как бы невзначай Элисса локтем подвинула охотнику кружку, взяв свою в узкие ладони.

Тенро благодарно кивнул и ответил:

— Я воевал в армии королевства, — он пригубил слегка горьковатый напиток.

— Двенадцать лет заключения, да? — Понимающе усмехнулась воровка. — Где служил? В пехоте? — Она взглядом указала на рукояти клинков, торчащие из-за плеч охотника.

— Не совсем, — уклончиво ответил тот.

— Да брось, — придвинувшись поближе, Элисса решила еще на один трюк — легко прижавшись к руке мужчины теплым боком и повернув голову так, чтобы он почувствовал аромат ее волос. Жаль, конечно, что не было времени привести себя в порядок — последний раз Элисса мылась еще в Белодымье, но с этим ничего уже не поделать.

Вместо ответа, Тенро расшнуровал наруч, немного подняв рукав рубахи. Повернувшись, он показал девушке татуировку на предплечье.

— Ничего себе. Это же "черная"... — вовремя замолчав, Элисса вернула рукав мужчины на место, скрыв татуировку от посторонних глаз. — Ты служил там?! — Следовало признать, что увиденное произвело на воровку серьезное впечатление. Сейчас рядом с ней сидела одна из оживших легенд минувшей войны.

— Как видишь, — вновь затянув шнуровку, Тенро поправил одежду и отвернулся, показывая, что воспоминания не приносят ему радости, и у него нет желания продолжать разговор в этом русле.

— "Ты от меня так просто не отделаешься", — решила Элисса.

Она было подумала снова прильнуть к мужчине, но рассудила, что пока слишком рано для решительных действий. Следовало напоить жертву, а уж потом он точно не устоит перед ее чарами и расскажет все, что нужно.

— Как вам удалось занять этот стол? — переводя тему на более непринужденную, поинтересовалась девушка. К ее досаде ответить решила, наконец, заметившая спутницу, Хэли:

— Здесь сидел один из местных с женой и сыном. Как оказалось, те мужчины, что пристали к нам, многим успели здесь досадить. Так что нам уступили место в благодарность за то, что господин Тенро преподавал негодьям урок. — Во взгляде Хэли, обращенном к охотнику, проскользнуло уважение.

— Едва успел приехать, а уже стал героем, да? — Элисса подмигнула Тенро. — Теперь они в следующий раз непременно подумают, прежде чем лезть не в свои дела. Ты, с твоей-то подготовкой, легко мог их убить...

— Мог, — неожиданно жестко произнес Тенро, в несколько глотков опустошив свою кружку и едва не ударив ей о стол. В последнее мгновение он удержал руку, и деревянное дно практически бесшумно коснулось столешницы. — Простите, — пробормотал помрачневший охотник и, повернувшись к камину, принялся глазеть на пляшущее в нем пламя.

Раскаленные языки огня извивались в такт мелодии, словно танцевали под нее, подражая некоторым деревенским жителям, пустившимся в пляс на небольшом пяточке перед играющими музыкантами.

Немолодой мужчина с лютней в руках быстро побегал пальцами по послушным струнам и те рождали чистый и приятный звук, уносящийся к самому потолку постоянного двора. Кроме него было еще двое музыкантов — пожилая женщина с флейтой, весьма искусно обходящаяся со своим инструментом и маленькая девочка, старательно стучавшая ярким бубенчиком по крошечной ладошке.

К сожалению, никто из музыкантов не пел и их мелодии, как бы ни были красивы и приятны, казались незаконченными.

Некоторые их мотивов Элисса уже слышала — незамысловатые песенки, которые знало все королевство. Они часто кочевали от одной деревни к другой, находя очередное воплощение с помощью бродячих музыкантов.

Так случилось и сейчас.

Элисса заскучала. Хэли полностью была поглощена происходящим и не обращала никакого внимания на тех, кто сидел с ней за одним столом. Даже когда принесли еду, девушка отвлеклась лишь на мгновение, чтобы взять с блюда яблоко, но так и не откусила ни кусочка, продолжая держать угощение в руке и наблюдая за музыкантами.

Тенро сидел мрачнее тучи, погруженный в какие-то свои мысли и попросту пропустил мимо ушей слова попытавшейся заговорить с ним Элиссы. Даже не взглянув на еду, охотник молчал, глядя в пламя и лишь изредка отпивая пива из кружки.

Настроение воровки крайне быстро портилось. Она привыкла находиться в центре внимания, и происходящее выводило ее из себя. Пожалуй, обиднее всего оказалась невосприимчивость Тенро к ее красоте.

Элисса точно знала, что хороша собой и отлично умела подстраиваться под ситуации, являясь еще и не плохой актрисой. Но ни одна из ее уловок не возымела над этим бесчувственным чурбаном никакого эффекта!

— Да катитесь вы в туман ко всем измененным! — зло буркнула Элисса и сделала то, чего делать не планировала, а именно — просто напилась, разом отбросив все свои сомнения и тревоги и сократив количество обрушившихся на нее проблем до одной — где достать еще выпивки.

В конце концов, рассудила она, что может быть хуже, чем оказаться абсолютно забытой, в обществе неудавшейся монашки и ветерана "черных стрел", у которого непонятно что на уме, а глаза горят, все равно, что у порождений тумана.

Если присовокупить к этому то, что Элиссе удалось пережить и то, что за ее головой скоро начнут охотиться люди барона Гирса, то не выходило ничего хорошего. Скоро жизнь Элиссы в очередной раз собиралась сойти с ума. Или она уже это сделала?

Как бы то ни было, девушка, взяв пример со спутников и не обращая на них никакого внимания, принялась за еду и выпивку с преувеличенным скверным характером усердием.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Вскоре ей стало значительно лучше. В голове приятно загудело картинка перед глазами немного смазалась и даже сидящий рядом Тенро, на которого она сейчас была бесконечно зла, показался куда более привлекательным, чем прежде.

— Ты в порядке? — охотник, поймав на себе веселый и блуждающий взгляд воровки, отставил кружку и подался вперед.

— Куда лучше, чем ты думаешь, — озорно подмигнув мужчине, Элисса хотела сказать еще что-то, но вдруг замолчала, резко встав и едва не опрокинув стул.

— Что? — Тенро схватился за клинки, а Хэли обеспокоенно взглянула на спутницу, но та, ослепительно и широко улыбнулась и выкрикнула:

— Я знаю эту песню!

Лютня и флейта только начали играть новую мелодию и Элисса, увлекаемая ей, сама не заметила, как оказалась среди музыкантов и, погладив маленькую девочку по голове, выпрямилась, с веселым блеском в глазах осмотрев оживившийся люд.

Поняв намерения девушки, мужчина с лютней благосклонно кивнул и струны под его пальцами задрожали быстрее.

Песню, которую начали играть музыканты, знало почти всю королевство, да и лет ей было едва ли меньше, чем самому Арстерду. Но для Элиссы она была особенной. Вначале девушка захлопала в ладоши, в такт музыке, а потом, поймав ритм, запела:

Я так долго блуждаю по свету
Постоянно ища новизны,
От зимы к долгожданному лету,
Воплощая заветные сны.
Меж людей неизвестных скитаюсь.
Много знаю, но помню всегда,
Отовсюду к тебе возвращаюсь
Сквозь мгновения дни и года.

* * *

Под луною волшебной танцуя,
Подпевая ночному дождю
Свой единственный путь отыщу я
К одному лишь, кого так люблю!

Хэли раскрыла рот от удивления и даже Тенро, отбросив мрачные мысли, с удовольствием слушал пение Элиссы.

Голос у воровки был мелодичный, очень приятный и ласкающий слух. Вскоре все присутствующие в зале начали хлопать в ладоши, поддерживая девушку и та, когда настало время, затянула новый куплет песни, услышанной еще в детстве:

Заигравшись с огнем — обожжешься,
Позабыв о себе — пропадешь,
И обратно уже не вернешься
И свой дом среди всех не найдешь.
Заблужусь если, то точно знаю,
Время шанс предоставит второй.
Пусть в дороге себя потеряю,
Обрету вновь, вернувшись домой.

* * *

Под луною волшебной танцуя,
Подпевая ночному дождю
Свой единственный путь отыщу я
К одному лишь, кого так люблю!

* * *

Оставляя года за собою,
В небеса я взметну пыль дорог
Никогда я не сдамся без боя
Вновь увижу знакомый порог.
Постучу в дверь, надеясь на чудо
Если вдруг не откроешь мне ты,
Я по свету искать тебя буду
Что б с тобой воплотить в быль мечты!

* * *

Под луною волшебной танцуя,
Подпевая ночному дождю
Свой единственный путь отыщу я
К одному лишь, кого так люблю!

Элисса пела, чувствуя, как вместе с ней поет ее сердце, возвращая девушку в далекое прошлое. Туда, где еще не умерла ее мать, где жизнь Элиссы в корне отличалась от прежней и где она была по-настоящему счастлива.

Веселая песня причиняла сердцу девушки боль, но она уже не могла остановиться. От воспоминаний на глазах Элиссы выступили слезы, щеки покраснели, но она не замолчала, продолжая повторять слова песни, что часто пела ее мать:

Без тебя мне мой дом слишком тесен
Пусть всем сердцем люблю его я,
Мир мне только с тобой интересен
Хочу жить я в нем лишь для тебя.
Я готова пройти через время,
Ведь я верю, что ты меня ждешь.
Для меня одиночество — бремя,
Но я верю — меня ты спасешь!

* * *

Под луною волшебной танцуя,
Подпевая ночному дождю
Свой единственный путь отыщу я
К одному лишь, кого так люблю!

Песня Элиссы тронула сердце охотника. С потрясением он осознал, что слушая пение девушки, вспомнил свой дом, своих родителей и близких людей. Тенро вновь увидел Зеленые поляны, где все друг друга знали, отца, привычно сидевшего на лавке рядом с домом и глядящего развалившегося у его ног волка.

Воспоминания яркой рекой хлынули в душу Тенро, вместе со словами песни Элиссы.
И когда мы с тобою вернемся,
Завершив круг скитаний своих
Мы друг другу тепло улыбнемся

В этом месте для нас лишь двоих.
Без любви этот дом мне темница.
Если вдруг из него ты уйдешь,
Полечу за тобою как птица
В те края, куда ты позовешь.
* * *

Под луною волшебной танцуя,
Подпевая ночному дождю
Свой единственный путь отыщу я
К одному лишь, кого так люблю!

Замолчав, Элисса опустила прижатые к сердцу руки. Стоило музыке стихнуть, стены постоянного двора едва не затряслись от рукоплесканий благодарных слушателей. Под ободряющие возгласы, воровка, опустив голову, вернулась к столу, села на прежнее место и спрятала лицо в ладонях, не желая, чтобы кто-то видел ее слезы.

Чувства и выпивка сделали Элиссу уязвимой. Такой, какой она старалась не быть.

— Пойдем, — Хэли приблизилась и обняла девушку за плечи.

— Ты останься с Тенро... — прошептала Элисса, — у тебя же день Имени. Веселись. Извини, что прочу праздник.

— Вовсе нет. Я только что получила о тебя подарок, о котором даже не мечтала, — девушка ласково погладила воровку по голове. — Может, выпьешь еще?

— Пожалуй, — шмыгнув носом, Элисса приняла из рук спутницы кружку. — Говорят, что выпивка делает нас счастливее. Помогает, пусть на время, но забыться.

— Но это не так?

— Надеюсь, что это именно так, — вымученно улыбнулась Элисса.

Опустошив содержимое кружки, она вытерла губы рукавом и поднялась со стула. Девушку сразу же ощутимо качнуло в сторону.

Неожиданно, крепкие руки удержали ее от падения и воровка, повернув голову, встретила взглядом с Тенро. Зеленые глаза охотника сейчас показались ей бездонными но, что важнее, в них она увидела отголоски собственных чувств.

Лишь теперь Элисса поняла, что Тенро глубоко несчастен. Потерявший близких и самого себя он, так же как и она, лишился места, что может называть домом и тех, кто бы его там ждал.

— Я помогу тебе, — Тенро слабо улыбнулся.

— Спасибо, — отчего-то смутившись, Элисса потупилась, почувствовав, что удерживающие ее руки мужчины — приятно теплые.

Выпивка сыграла с воровкой злую шутку, и обратное путешествие до комнаты показалось ей мучительно длинным и каким-то смазанным. Она смутно понимала, что Тенро то ли донес, то ли довел ее до постели, уложил, заботливо накрыв плащом, а Хэли, пожелав спокойной ночи, осенила знамением Альтоса.

Элисса хотела поблагодарить спутников, но так ничего им и не сказал, провалившись в сон.

Девушка сама не поняла, от чего именно проснулась. Бегло взглянув на окно, она увидела, что за ним все еще темно и дождь еще не кончился. Тяжело вздохнув, воровка провела ладонями по лицу и, когда вновь открыла глаза, увидела прямо перед собой лицо Тенро.

Элисса вскрикнула бы от неожиданности, если бы ладонь охотника не зажала ей рот.

— Тихо, — шепнул мужчина, медленно убирая руку.

— Послушай, — прикрывшись плащом, Элисса отползла на противоположный край кровати, вжавшись лопатками в стену. — Не то чтобы ты мне не нравился, но ты слишком торопишь события. Я не из тех, кто... — увидев, что лицо Тенро удивленно вытянулось, девушка поняла, что поспешила с выводами.

— Не знаю, что там тебе снилось, — прошептал охотник и в его глазах начало разгораться зеленое пламя измененных. — Но это сейчас не важно. Я чую беду.

— То есть как? — сон мгновенно слетел с Элиссы и она насторожилась. Выражение лица охотника говорило гораздо красноречивее его слов.

— Просто чувствую, — Тенро выпрямился. — Сейчас я уйду, а ты — запрешь за мной дверь и никому не откроешь, кроме меня. Поняла? Разбуди Хэли и будьте готовы...

— К чему? — Элисса изумленно посмотрела на взведенный арбалет и пять болтов к нему, которые сунул ей охотник. Откуда только он их взял?

— Пока не знаю, — покачав головой, мужчина неясной тенью скользнул за дверь, бесшумно затворив ее за собой.

Поспешно встав, Элисса опустила засов. Держа арбалет наготове, она вдоль стены добралась до окна и осторожно выглянула из-за него.

— Что-то случилось? — сонно поинтересовалась Хэли, приподняв голову над подушкой.

— Надеюсь, что нет, — прошептала Элисса и отпрянула от окна. Ей показалось, будто между деревьев на окраине деревни показался белый туман.

Ночь без сна

Тенро бесшумно спустился по лестнице на первый этаж. В столь поздний час здесь было пусто, только потрескивало спокойное пламя в очаге, да за прилавком храпел хозяин постоянного двора, о чем-то рассеянно бормоча во сне.

Пройдя через зал, охотник открыл едва скрипнувшую дверь и вышел на улицу. После спертого запаха помещения, ночная прохлада, отдающая свежестью после сильного ливня, приятно защекотала ноздри мужчины.

Тяжелые тучи на небе расползлись в стороны, освобождая луну и звезды, так что вокруг было достаточно света, чтобы не заблудиться в незнакомом месте. Но охотник не нуждался в свете. Теперь нет.

Легко перескакивая через мутные лужи и непонятно как, не поскользываясь в грязи, он побежал к кромке леса, взобравшегося на ближайший холм и охватывающего спящую деревню полукольцом.

Остановившись, Тенро обернулся, бросив быстрый взгляд на окна комнаты, где остановился он и его новые спутницы. Тяжелая занавеска легко шевельнулась, и за ней тускло блеснул сталью наконечник арбалетного болта.

Спустя несколько мгновений в окне появилось бледное, но особенно красивое в лунном свете лицо Элиссы. Девушка неотрывно смотрела в сторону леса. В ее глазах застыли тревога и страх.

Охотник сразу понял, что новая спутница сейчас видит больше чем он сам, так как раскинувшийся впереди сад мешал осмотреться, тогда как с высоты третьего этажа вся деревня, лишенная высоких домов, казалась как на ладони.

Охотник побежал быстрее. Тенро нырнул в раскинувшийся перед ним сад, огибая стройные деревья и переступая через прибитые дождем к земле цветы. Он как раз выбрался из под влажных ветвей, когда где-то за спиной беспокойно заржали лошади, стоящие в конюшне постоянного двора.

Спустя два удара сердца к лошадям присоединились и деревенские собаки. Вначале они тревожно завывали, но вскоре начали зло огрызаться, натягивая удерживающие их цепи.

Животных нельзя было обмануть, они обладали природным врожденным чутьем, позволяющим им безошибочно определять зло. Но Тенро почувствовал опасность даже быстрее чем они. Оглядевшись, он вскочил на перевернутую бочку, перебравшись с нее на нижние ветви раскидистой яблони, щедро сбросившей на голову бесцеремонного человека скопленную листьями влагу.

Помогая себе руками, охотник забрался выше, оттолкнулся ногами и вмиг оказался на краю покато́й крыши ближайшего дома. Легко взбежав по ней, Тенро укрылся за кривой трубой и, выглянув из-за нее, едва не выругался в полный голос — на вершине холма показался туман.

Причем это было не обычное природное явления, нет. Этот туман Тенро не спутал бы ни с чем иным, ни за что в жизни, ведь единожды столкнувшись с саваном изменившихся духов, забыть его становится просто невозможно.

— Откуда он здесь?.. — спросил сам у себя охотник, доставая из-за спины верный лук.

Бесшумно покинувшая колчан стрела покорно легла на тетиву, но Тенро не спешил. Обратившись к своим ощущениям, он сконцентрировался и принялся всматриваться в

ровные сполохи белоснежного дыма, важно и бесшумно выползающего из-за черных древесных стволов, словно тень убийцы, подбирающегося к ничего не подозревающей жертве.

По сути — так оно и было.

Погруженная в сон деревня, заботливо накрытая ночью и тишиной, всем своим видом излучала безмятежность, которую лишь подчеркивал неспешный туман. Но, только если не знать, что он несет. Мирно спящие жители даже не подозревали, какая опасность нависла над ними.

Охотник выжидал. Он продолжал неподвижно сидеть за трубой, разглядывая белые клубы, бесшумными волнами накатывающие на деревню.

Вот в тумане растворился забор ближайшего дома, но пока ничего не происходило.

Собаки почти одновременно прекратили скалить зубы и огрызаться. Даже не пытаясь лаять или рычать, они лишь тихонько поскуливали, стараясь забиться как можно глубже в свою конуру, а вскоре и вовсе затихли.

В гнетущей тишине Тенро услышал, как бьется его сердце. Глубоко вдохнув ночной воздух, он почувствовал легкую примесь приторного запаха разложения. В тот же миг из тумана бесшумно вышел измененный, и охотник выпустил первую стрелу. Она тонко пропела в ночном воздухе, ударив порождение тумана под самый подбородок. Нелепо взмахнув скрюченными руками, мужчина в истлевшей одежде беззвучно начал заваливаться на спину. В какой-то момент он попытался вновь обрести равновесие, но вторая стрела, вошедшая точно между глаз, сбила его с ног, и измененный скрылся в забурлившем вокруг тумане.

Стоило первым каплям черной крови упасть на траву, как из леса начали выскакивать размытые тени, безошибочно устремляясь точно к укрывшемуся на крыше охотнику. Но он был к этому готов.

Две самых прытких твари окончательно умерли еще в воздухе, так и не коснувшись заветной крыши — один измененный, сбитый стрелой прямо в воздухе, рухнул в сад, а второй, споткнувшись на полушаге, пролетел вперед и врезался простреленной головой в массивный столб, удерживающий ворота забора.

Тенро успел положить на тетиву еще одну стрелу, прежде чем на крышу беззвучно приземлились два скрюченных, изуродованных разложением тела.

Вскинув лук и натянув его "на разрыв", охотник выстрелил практически в упор. Стрела с отвратительным чавканьем впиалась прямо в раскрытую пасть, пробив голову измененного насквозь и сгинув за его спиной где-то в тумане.

Грубо отпихнув пошатнувшегося противника луком, Тенро выпустил черное древко из рук и, прежде чем лук упал на крышу, выхватил клинки.

Серебристое лезвие описало широкую дугу и обезглавило шатающегося после полученной раны измененного, тогда как ониксовый меч охотника рассек пополам метнувшуюся к своему владельцу когтистую лапу. Легко пройдя точно между указательным и средним пальцами, лезвие добралось до локтя и, зацепив край кости, вырвалось из гнилой плоти, разбрызгивая капли ледяной крови.

Шагнув вперед, Тенро ударил измененного по зубам рукоятью меча и безжалостно добил упавшего противника.

Шум на крыше разбудил жильцов дома. Откуда-то снизу донеслась приглушенная ругань и взволнованные голоса. Однако спокойный сон местных жителей в данный момент

интересовал Тенро меньше всего. Оглядевшись, он больше не заметил созданий тумана, но и сам белый морок не спешил рассеиваться или убираться обратно в лес.

А это значило лишь одно — твари прячутся где-то, выжидают момента или же скользят в тени, подбираясь к своим жертвам.

Убрав клинки в ножны, охотник подхватил лук и ловко спрыгнул с крыши, сразу же откатившись назад, чтобы погасить силу удара от падения. Вскочив на ноги, он подобрал выпавшую из колчана стрелу и помчался обратно к таверне.

На ходу Тенро размышлял — что привело измененных сюда, так глубоко в земли королевства и далеко от Застывшего леса. Неизменно, все его беглые размышления приводили к одному и тому же ответу — туман пришел за ним.

Но зачем?

Выяснить это прямо сейчас не очень-то хотелось, поэтому Тенро ускорил шаг, чтобы быстрее добраться до комнаты.

Где-то слева, совсем рядом, еле слышно хлопнула потревоженная чьей-то ногой лужа, и лишь этот звук спас Тенро жизнь. Упав на колени, он проскользил по грязи, всего на несколько дюймов разминувшись с острыми когтями, что едва не вскрыли ему горло.

Стараясь не останавливаться, Тенро кувыркнулся вперед, услышав, как дождевая вода за спиной разлетелась в стороны и, спустя всего миг, окатила его с головы до ног.

Вскочив на ноги, Тенро вскинул руку, и плечо лука врезалось в горло измененной женщине. Разорвав истлевшую плоть, дерево проскользило дальше и Тенро, следуя за ним, развернулся, ударив измененную локтем в челюсть и свернув ее на бок.

Выхватив стрелу, охотник, орудуя ей словно кинжалом, дважды ударил тварь в лицо, лишая ярких глаз и одним неровным, немного смазанным движением, вогнал окровавленный наконечник точно в лоб.

Отпихнув от себя забившуюся в конвульсиях измененную, охотник попятился, избегая когтей ее подруги, и едва не упал, споткнувшись о скрытый мутной водой камень, лежавший прямо под его ногами.

Сухо щелкнуло, и метнувшуюся на Тенро измененную резко швырнуло в другую сторону, когда арбалетный болт вошел твари в плечо.

— К конюшням, быстрее! — Стоявшая на крыльце Элисса умело перезарядила арбалет, вложив в желоб новую стрелу, которую подала ей напуганная Хэли.

Взгляд воспитанницы Скелосовой пустыни был прикован к пылающим ярким огнем глазам Тенро.

Собственно говоря, воровка первой последовала своему совету, предоставив Тенро самому разбираться с тройкой налетевших на него измененных. Она попросту потянула за руку Хэли, пытавшуюся призвать Элиссу к помощи ближнему своему, но та оказалась непреклонна.

Девушки довольно быстро скрылись из виду и охотник, обнажив клинки, решил дать им больше времени к отступлению.

Подозрения Тенро на счет цели измененных подтвердились — твари не обращали внимания не только на убегающих девушек, но и на шум в домах, чьи разбуженные жильцы, начали просыпаться.

Создания тумана целенаправленно рвались к охотнику, стекаясь со всех сторон. Они тянули к мужчине свои когтистые лапы, скалились ему в лицо зловонными пастями, но, на этот раз, не нападали, будто ожидая какого-то сигнала.

Тенро не собирался ждать вместе с ними. Шагнув вперед, охотник растянулся в стремительном выпаде, и серебристое лезвие с шипением прожгло впалую грудь ближайшему противнику. Мгновенно оказавшись рядом с падающим телом, Тенро быстрым взмахом рассек горло еще одной, замершей от неожиданности твари, и успел разрубить голову следующей прежде, чем измененные с траурным молчанием бросились на него со всех сторон.

Охотник, чьи глаза сияли даже ярче чем у окружающих его тварей, не думал об отступлении. С того момента, как он столкнулся с измененными в монастыре святого Склоса, от одного лишь взгляда на скрюченные тела, его охватила ярость и необъяснимая ненависть к этим созданиям. Теперь же, когда они стремительно сжимали кольцо вокруг Тенро, тот не стал больше сдерживаться.

Он решительно отбросил свою человеческую сущность, мысленно впустив в свое сознание бушующий в глубине души кровавый поток. Невыносимая жажда бурной рекой растеклась по его телу, наполняя каждую частичку необычайной силой.

Все вокруг, как будто, замедлилось. Казалось, что время потекло мучительно медленно для всех, кроме самого охотника, на чьих губах показалась жуткая ухмылка.

Вернувшие его к жизни духи даровали ему свою силу. Теперь же Тенро следовало заплатить за нее кровью и неважно чьей. Охотник медленно согнул колени, принимая низкую стойку и отводя один из мечей чуть назад. Стоило полностью подготовиться к бою, как от его обманчивой медлительности не осталось и следа.

Сорвавшись с места, Тенро налетел на противников подобно резкому порыву холодного зимнего ветра, принеся с собой настоящий град холодной стали. Сияющее серебром лезвие танцевало вместе с черным клинком. Они с шелестом вспарывали ночь, сея смерть и боль и орошая скрытую туманом землю черной кровью.

Если ониксовый меч колот, то его серебристый собрат рубил, если один клинок обрушивался сверху, другой выныривал снизу. Они словно жили собственными жизнями, но были едины в одном — стремлении забирать чужие.

Охотник пронзил чью-то впалую грудь одним из клинков, закрывшись начавшим дымиться телом от новой атаки, словно щитом и пустив в ход второй меч.

Под ударами ониксового лезвия пали два измененных волка, и оружие радостно затрепетало в руках хозяина, обрадованное новой жертвой. Меч будто впитывал черную кровь и самую ложную жизнь измененных и бездна, таящаяся в глубине клинка, жадно бурлила, поглощая ее ледяные капли.

Серебристый же меч вел себя иначе, безжалостно выжигая саму суть созданий тумана и не оставляя на своей сверкающей глади ни следа от их плоти и крови.

Когда меч прожег пронзенное тело измененного, и то безвольно рухнуло к ногам охотника, мужчина наступил на него, запрыгнул на забор и, сразу же оттолкнувшись от скрипнувших под его весом досок, оказался за пределами кольца противников.

Но он и не думал отступать. Несколько раз крутанув клинки, охотник бросился в новую атаку.

Мощным ударом он перерубил ближайшему противнику ключицу, рывком высвободив лезвие и сразу же отскочив, избегая удара. Стоило ногам охотника коснуться земли, как он подался вперед, поднырнув под когтистой лапой и распоров чей-то раздутый живот.

Невыносимая вонь сразу же ударила в ноздри, но Тенро не было до нее никакого дела. Срубив оскаленную голову еще одному измененному, охотник развернулся вокруг и два

поющих лезвия заставили созданий тумана отпрянуть.

Неспешно Тенро "перетек" из одной стойки в другую, на этот раз, замерев в высокой — черный клинок обращен к противникам, тогда как острие другого, немного заведенного за опорную ногу, устремлено к земле.

Именно он и начал движение первым. Вынырнув из-за тела охотника смертоносным жалом, отточенное лезвие серебристой молнией взмыло вверх рассекая прыгнувшего на Тенро измененного. Разрубленное тело еще не успело упасть, как черный клинок жадно впился в новую жертву, поглотил ее жизнь и, с сожалением роняя ледяные капли, устремился к следующей цели.

Казалось, что созданиям тумана нет конца. Теперь они бросались на мужчину с одной лишь целью — разорвать на куски.

Нападавших было так много, что в их серой, яркоглазой массе, Тенро не мог разобрать — пришли ли они откуда-то или же его жаждут разорвать на части измененные жители этой деревни.

От мысли, что из-за него могли пострадать невинные, охотник сильнее стиснул зубы. Он понимал, что его жалость и чувство вины ничем не помогут тем, кто пал жертвой тумана. Все что он мог сделать — отомстить за них и добраться до того, кто стоит за всем этим.

Отчего-то Тенро был уверен, что измененные и туман не могли взяться из ниоткуда. Кто-то привел их сюда, натравив на его след. Кто-то, кто может ими управлять.

Память охотника услужливо подбросила ему призрачный силуэт стройной девушки, будто одетой в туман. Ее дымчатое тело содрогалось под ударами меча в руках Тенро, а пугающие глаза буквально впились в его лицо, пока они падали вниз.

В туман. Он поглотил их, растворил в себе.

Тогда возроденная духами наэрка умерла окончательно, а Тенро нет. Он воскрес. Вернулся из тьмы и пустоты, что звала его к себе, обещая покой и забвение, с трудом прошел мимо шепчущих духов, навязывающих ему свою ложь, и устремился к далекому голосу, что отчаянно звал его по имени, откуда-то сверху...

Некстати отвлекшись на воспоминание, охотник едва не погиб от когтей измененных — боль впилась в плечо раскаленными иглами и алой полосой обожгла бедро, напоследок неприятно уколов в спину.

Получив толчок сзади, Тенро продолжил движение вперед, широким взмахом расчистив перед собой путь. Сделав несколько шагов, он вновь обрел равновесие и с утроенной злобой бросился на измененных.

Запах собственной крови защекотал ноздри мужчины, словно напоминая ему, кто он такой.

— Я не такой, как вы! — бросил Тенро в серые, обращенные к нему лица. — И никогда не стану таким! Я не сдамся! — Эти слова всколыхнули в душе мужчины множество эмоций и воспоминаний.

Вздрагнувшие в руках охотника мечи замелькали с удивительной скоростью, превратившись в две размытые полосы — настолько черную, что выделялась даже во мраке ночи и нестерпимо яркую, словно луч чистейшего света.

Неистовый напор Тенро заставил измененных отступить, но туман, мгновенно поднявшийся выше, снова вынудил их атаковать. Лишенные своей воли марионетки бросились на охотника. Когти терзали его плоть, но Тенро лишь рычал, словно раненный зверь и не останавливался ни на мгновение.

Туман поднимался все выше, обволакивая тело охотника, взбираясь по нему сотнями паучьих лапок и подбираясь к голове. Он все сильнее и сильнее стискивал мужчину в своих объятиях, лишая силы и желания жить.

Покрытый с ног до головы, как чужой кровью, так и своей, он вдруг начал слышать позабытые голоса, что звали его к себе. Они шептали, будто все вокруг ложь, обещали силу, воплощение желаний и отсутствие боли. Голоса были столь сладостны, что мужчина едва не поверил им, но чистый голос донесся до него сквозь незримые, созданные туманом преграды:

— Тенро! Быстрее!

Вздрогнув, охотник распахнул глаза и увидел прямо перед собой клыки измененного. Они были уже готовы сомкнуться на его горле, но голова твари вдруг дернулась и взорвалась черными брызгами. Пробивший ее насквозь арбалетный болт ударил Тенро в плечо, и новый приступ боли мгновенно отрезвил мужчину.

— Ты же убьешь его! — Сидящая позади воровки Хэли, вцепилась ей в плечи.

— Лучше уж я, чем эти твари, — прошипела Элисса, бросив разряженный арбалет в метнувшегося к ней измененного. У воровки еще оставался один арбалетный болт, но времени для того, чтобы перезарядить оружие не было.

— Но! Но! — Элисса ударила пятками в бока серой в яблоках лошади, позаимствованной у кого-то из посетителей постоянного двора и та, словно только этого и ждала, рванулась прочь, подальше от тумана и его созданий.

Сейчас Элисса даже не думала о том, что статуэтка осталась у охотника. Воровку всегда больше интересовала сохранность собственной шкуры, к которой она за годы жизни уже порядком привыкла и не желала портить ни за что на свете.

Обернувшись в последний раз, Элисса увидела метавшуюся среди скрюченных тел фигуру Тенро и, мысленно пожелав странному мужчине удачи, выпустила поводья приготовленного для него жеребца, бросив свою лошадь в галоп.

— Он за нами! — вдруг радостно воскликнула сидящая позади воровки Хэли, чьи руки обхватывали Элиссу за тонкую талию. — Он пробивается к коню!

— Мы не остановимся, чтобы подождать его. Догонит! — стараясь перекричать вой ветра крикнула Элисса.

Какая-то частичка ее души дрогнула и воровка почувствовала странную радость и облегчение от того, что Тенро все еще жив. Но девушка поспешно отмахнулась от чувств. Не желая, чтобы Хэли заметила ее улыбку или слезы.

Ведь это все ветер, это он виноват.

* * *

Тенро видел, как скачут прочь Элисса и Хэли. Видел он и жеребца, что девушки оставили для него и на которого сейчас набросились измененные.

Животное поднялось на дыбы, пробив череп одного из нападавших тяжелым копытом и лягнув второго так, что тот с треском сломал забор и скрылся в густом кустарнике. Но создания тумана были проворнее — прежде чем жеребец успел убежать, они набросились на него, повалив на землю.

Увидев, как погибает единственный его шанс остаться в живых, Тенро собрал оставшиеся силы и начал прорываться к коню. Теперь он не столько старался убить противников, сколько обездвигить их.

Передвигаясь длинными низкими рывками, он рассекал ноги, подрезая сухожилия и

выбивая коленные чашечки. Крутанувшись на пятках, охотник распорол живот заступившего ему дорогу крупного измененного и, когда тварь согнулась пополам, вскочил ей на спину.

Длинным прыжком, Тенро перенесся на плечи одной из тварей, не выдержавшей его веса и повалившейся на землю. Одним ударом раскроив облезлый череп, охотник перескочил через пустую телегу, неизвестно, сколько времени стоящую на обочине дороги и бросился к все еще бившемуся коню.

Оказавшись рядом с животным, Тенро вогнал серебристый клинок между лопаток одной из тварей, впившейся зубами в мощную шею жеребца. Следующим движением он обезглавил обернувшегося измененного и ударом ноги переломил хребет возрожденному туманом волку.

Быстро расчистив пространство вокруг коня, Тенро едва сдержал вздох отчаяния — перестав двигаться, животное замерло, а его остекленевший, полный боли и страха взгляд устремился куда-то вдаль.

— Как же!?! — с сожалением охотник коснулся шеи жеребца, ощутив покидающее тело тепло и отбрасывая угасающее сознание животного, чтобы оно не затмило его собственное. Выпрямившись, Тенро развернулся к измененным, намереваясь сражаться до конца.

Несмотря на то, что сам охотник уже порядком устал, окружающие его создания тумана казались Тенро какими-то чересчур медлительными. В их движениях не было должной стремительности и, если бы поднятые туманом мертвецы спали, то охотник назвал бы их недавно разбуженными.

Чем больше существ показывалось из ключев окутывающего теперь всю деревню тумана, тем медлительнее они становились. Словно их создатель тратил слишком много силы на поддержание своей армии.

Значит, если Тенро сможет продержаться до того, как хозяин этих жутких кукол обессилит, то у него будет шанс.

Краем глаза заметив, как дверь постоянного двора распахнулась, и на пороге появился хозяин, с неестественно бледным лицом, горящими глазами и рваной раной на шее, Тенро понял, насколько его шанс убраться отсюда живым призрачен.

Кто бы не привел сюда туман, он явно не жалел сил, чтобы добраться до охотника и если он останется здесь, то лишь вопрос времени, когда все жители деревни изменятся, полностью став рабами тумана.

— Только вот как отсюда уйти? — сам у себя спросил Тенро, остановив взгляд на ярких глазах здоровяка, что приставал к Элиссе и Хэли. Теперь щеки мужчины не горели былым румянцем, а лицо заострилось и осунулось. Мертвенная бледность растворила даже недавний след от удара охотника.

Шум, донесшийся со спины, заставил Тенро резко развернуться, вскидывая клинки. Он был уже готов обрушить оружие на поднимающегося с земли жеребца, но в последний момент остановил грозное оружие у самой шеи животного.

Яркие глаза коня скользнули по лицу мужчины и он, вместо того, чтобы наброситься на него, послушно встал рядом. Времени разбираться, что происходит не было, поэтому Тенро ловко вскочил в седло, поднимая животное на дыбы и разворачивая.

Подкованные копыта раздробили череп бросившегося на перехват измененного здоровяка, и тот мешком с травой рухнул на землю, широко раскинув руки с удлинившимися когтями.

Больше охотник ничего заметить не успел — восставший из мертвых жеребец подобно

ветру умчал его прочь, оставив медлительных измененных далеко позади.

* * *

Элиссе в голову не приходило ничего кроме бесконечного потока проклятий, касающихся тумана, скрывающихся в нем измененных и злую судьбу, снова лишившую ее нормального ночлега и отдыха.

Да еще и этот Тенро, судя по всему, так и не смог добраться до коня. Воображение живо нарисовало воровке картину раздираемого измененными на куски мужчины. Элисса сразу же энергично встряхнула головой, отгоняя мрачные мысли.

— Ты как? — слегка повернувшись, спросила воровка у плотно прижавшейся к ее спине спутницы.

— Нормально, — не сразу отозвалась та и, кажется, всхлипнула.

— Не раскисай, — неуклюже подбодрила несостоявшуюся монахиню Элисса. — Я выбиралась и из худших передраг. Главное, что мы успели унести ноги...

— Но какой ценой! — вдруг всплила Хэли, повысив голос, в котором глубочайшее возмущение граничило с отчаянием. Словно очнувшись, она устыдилась своих чувств и продолжила уже мягче:

— Люди, все кто жил в деревне... они...

— Все с ними в порядке, — уверенно произнесла Элисса, сама не веря своим словам.

Воровка сердито ткнула пятками в бока уставшей лошади, вынуждая ту двигаться быстрее. Животное вяло и нехотя послушалось команды, едва ускорив шаг. Девушка досадливо закусил губу — лошадь устала нести на себе ее и Хэли.

На небе уже взошло солнце, а ведь она совсем недавно позволила животному отдохнуть, но все время до этого — нещадно гнала вперед.

— Думаешь, люди остались живы? — недоверчиво поинтересовалась воспитанница Склосовой пустыни

— Конечно. — Остановив лошадь, Элисса ловко спрыгнула на землю и помогла спуститься менее сноровистой спутнице. — Ты не бойся, — она провела ладонью по искрящимся на солнце волосам Хэли. — Измененные не переносят солнечных лучей, так что сейчас они забились в свои норы, а жители деревни днем позовут солдат из ближайшего гарнизона и те во всем разберутся.

— А мы? — Хэли преданно взглянула на воровку и та едва не застонала от такого щенячьего взгляда небесно голубых глаз. — Что будем делать мы?

— Сначала — отдохнем, — решила Элисса. — До города недалеко, так что до заката мы достигнем ворот. Только, для этого нам нужно будет ехать верхом и поэтому надо расседлать нашу спасительницу и дать ей время перевести дух. Давай остановимся вон там, — девушка жестом указала на близко подступавшую к дороге кромку леса.

— Дава... — Хэли не успела договорить, так как спутница вдруг резко шагнула к ней и зажала рот ладонью.

— Слышишь? — шепотом спросила Элисса.

Хэли несколько раз мотнула головой, показывая, что ничего не слышит, а потом легонько похлопала воровку по руке.

— Ой, прости, — запоздало сообразив, что не дает девушке дышать, Элисса отняла руку и подтолкнула спутницу к лесу. — Быстро — быстро. Надо спрятаться.

— Но почему?

— Меньше будешь задавать ненужных вопросов — больше проживешь, — тяжелый

топот копыт приближался, и Элисса поняла, что они опоздали.

Едва девушка успела взяться за стилет, как пальцы почти сразу же соскользнули с привычной рукояти, когда она увидела выскочивший из-за крутого поворота силуэт.

Всадник гнал во весь опор, поспешно огибая по дороге высокий холм, и его рваный плащ потрепанным знаменем хлопал на ветру. Лицо конника разглядеть не получалось, но вот коня Элисса узнала сразу — именно эту мощную зверюгу они с Хэли оставили Тенро в деревне. Вот только сейчас с жеребцом творилось что-то не то...

Поначалу воровка решила, что тонкий сизый дым поднимается от всадника, но по мере его стремительного приближения поняла, что яркоглазый конь буквально распадается на части.

Лошадь, что ранее везла девушек, заволновалась и встала на дыбы, стоило ее измененному сородичу оказаться ближе. Пронзительно заржав, она, не разбирая дороги, метнулась куда-то в лес, с треском исчезнув в чаще.

— Что еще за?!.. — потрясенная зрелищем, Элисса кое как успела отскочить в сторону, когда Тенро, не останавливаясь, пронесся рядом с ней, едва не сбив.

Мельком девушка заметила почти лишенную шкуры голову коня с безумными яркими глазами, которые, кажется, противно вылезли из орбит. Оставляя за собой кровавый след, жеребец истошно и надрывно заржал, после чего, его ноги сами собой подогнулись, с пробирающим до костей хрустом сломались шейные позвонки, и он беспомощно закувыркался по дороге, поднимая клубы пыли.

Сам Тенро едва успел выпрыгнуть из седла за считанные мгновения до того, как его скакун врезался головой в землю. Пролетев добрый десяток шагов, охотник ловко и изящно приземлился на ноги, рядом с остолебеневшей от подобного зрелища Хэли.

Девушка испуганно вскрикнула, увидев яркие глаза мужчины и, попятившись, оступилась. Растянувшись на земле, она замерла, будто пойманный в ловушку зверек, продолжая с тревогой взирать на замершего над ней охотника.

— Прости, что напугал. Не ушиблась? — зеленый огонь в глазах Тенро медленно угас, и он протянул распластавшейся на земле девушке руку.

— Нет, — сконфуженно отозвалась Хэли, пусть не сразу, но принимая помощь.

— А вот ты, судя по всему, ушибся, причем сильно и головой! — Стремительной походкой рассерженная Элисса приблизилась к мужчине. — Как ты это объяснишь? — Она ткнула пальцем в сторону мертвого жеребца, сейчас больше напоминавшего грудку бурого мяса.

— Никак, — честно признался Тенро. — Я понимаю в случившемся не больше вашего.

— Однако это не мы прискакали невесть откуда на дохлой облезлой кобыле с яркими буркалами!

— Предпочла бы, чтобы меня разорвали измененные? — Тенро непроизвольно коснулся кончиками пальцев ран на плече и бедре и не удивился, не обнаружив их. Даже кровь с одежды пропала, но вот дыры в ней никуда не делись.

— Всегда так, — сокрушенно покачала головой Элисса. Устало отмахнувшись от спутников, она побрела к кромке леса, по широкой дуге обходя начавший смердеть и поспешно разлогаться труп жеребца. — Стоит в моей жизни появиться хоть какому-то вшивому мужлану, как все летит ко всем измененным!

— Вшивому мужлану? — брови Тенро поползли вверх, когда он понял, что речь идет о нем.

— Не ссорьтесь, — торопливо вмешалась Хэли. — Главное, что все живы. Ведь так? — Она так трогательно посмотрела на охотника, что гнев мужчины сам собой утих. — Скажите, — девушка замялась, — а когда вы уезжали, вы видели жителей деревни? С ними все в порядке?

— Я бы так не сказал, — Тенро поджал губы, вспомнив измененных людей.

— Мог бы и успокоить ее, — раздраженно повернулась к мужчине Элисса. — Чего тебе стоило?

— Ложь не то, в чем следует искать утешения, — твердо ответил охотник, зашагав следом за воровкой. — Она может отсрочить боль, но та, рано или поздно вернется и воздаст сторицей.

— Много ты понимаешь. Не все здесь такие бесчувственные, как ты, — все еще сердито буркнула Элисса. Обойдя мужчину, она приблизилась к сникшей Хэли и обняла ее за плечи. — В следующий... — девушка осеклась, увидев, как после ее слов окаменело лицо Тенро.

Глаза охотника нехорошо сверкнули, а кулаки сжались и, в какой-то момент, Элисса подумала, что сейчас он ударит ее.

— Пойдем через лес, — глубоко вздохнув, произнес Тенро безжизненным голосом. — Здесь есть еще одна дорога, она приведет нас в Сафрас.

— Ты же говорил, что мало помнишь, откуда такая уверенность?

Не удостоив воровку ответом, Тенро лишь пожал плечами и первым вошел под тень леса, предоставляя девушкам выбор — следовать за ним или остаться. Он и сам не мог понять, почему, когда Элисса назвала его бесчувственным, его это так задело.

С каждым шагом, охотник все больше хотел повернуться к девушке, рассказать ей о том, что он способен чувствовать, что он не бессердечная тварь. Но защемившая сердце обида и уязвленная гордость не позволили ему этого сделать.

Все больше отдаляясь от девушек, Тенро грустно улыбнулся себе — пусть и в столь неприятной ситуации, но он снова почувствовал себя человеком — уязвленным, ранимым и гордым. Однако его грусть мимолетно испарилась, когда он услышал робкие шаги двух спутниц у себя за спиной.

Элисса сидела у тоненькой серебряной нити ручейка, опутив в него босые ноги и нежась в лучах вечернего солнца. Рядом тихонько посапывала уставшая за время дневного перехода Хэли.

Как и следовало ожидать от одного из "черных стрел", Тенро был неутомим и в лесу чувствовал себя как дома. Двум девушка крайне трудно было поспевать за его легкими и широкими шагами, так что охотнику приходилось уходить вперед, разведывая путь, чтобы потом вернуться и позволить спутницам догнать себя.

В эти мгновения он смотрел на девушек то ли с чувством собственного превосходства, то ли с каким-то неведомым Элиссе сожалением, чем страшно злил воровку. За день, она успела поругаться с Тенро три раза. Правда, стоило заметить, что ругалась она одна — нелюдимый охотник делал вид, что не слышит гневных речей. Он быстро скрывался в лесной чаще, предоставляя Хэли успокаивать взбалмошную подругу.

Сейчас же, когда охотник, наконец-то, соизволил объявить привал, ЭлиССу просто распирало от желания ухватить его за ворот и высказать в зеленые глаза все, что она думает. Именно так девушка и собиралась поступить, но в последний миг заприметила этот вот замечательный ручеек и послала охотника куда подальше, разумеется, мысленно.

Напившись и смыв с лица пыль, Элисса долго сидела на небольшом, нагретом солнцем холмике, опутив ноги в прохладную воду и чувствуя, как усталость покидает их. Хэли устроилась рядом, но, слушая пение птиц и журчание воды, быстро уснула, оставив воровку наедине со своими мыслями.

Тенро снова куда-то подевался, так что никто не отвлекал ЭлиССу от раздумий, коим она и предалась, опустившись на траву и подложив руки под голову.

По ее прикидкам идти оставалось не так уж и долго, если, конечно, горе следопыт не завел их неизвестно куда. Однако, при всем своем скептицизме и недоверии, Элисса отчего-то знала, что Тенро выведет их к самым воротам. Причем довольно скоро.

В те моменты, когда мужчина был рядом, Элисса наблюдала за ним и понимала, что перед ней не какой-то там деревенский парнишка или занюханный охотник из лесной глуши. Нет. У тех не бывает столь пронзительного взгляда и такого выражения лица.

Тенро вел себя как разведчик — стремителен, сосредоточен и предельно опасен. Пожалуй, именно последнее замечание удерживало ЭлиССу от того, чтобы выплеснуть свою непонятную злость на мужчину.

Она видела, как тот владеет клинками и ей крайне не хотелось испытать это мастерство на своей шкуре. Лучше уж проглотить обиду и промолчать, по крайней мере, до поры, до времени. К тому же, она сама не понимала, отчего злится на нового знакомого. Уж не от того ли, что ее безупречная внешность и женские чары не подействовали на мужчину? Да и время ли сейчас рыться в собственных чувствах, когда вокруг творится такая неразбериха?

— Во что я только ввязалась... — прошептала воровка и сразу же вздрогнула, услышав неожиданный ответ.

— Даже не представляю.

Вскинув голову, девушка плотно стиснула губы и наградила расположившегося неподалеку Тенро уничтожающим взглядом. Она не слышала, как тот подошел, и это сильно уязвило гордость воровки. Обидное чувства становилось привычным.

— Напугал? — невозмутимо спросил Тенро, склонившись над ручьем, немного выше по течению.

Набрав в ладони холодной воды, он плеснул на лицо, после чего принялся наполнять флягу, задумчиво разглядывая свое отражение на потревоженной пузырьками глади воды.

Неожиданно для себя, Элисса увидела сидящего рядом мужчину в совершенно ином свете. Сейчас он не выглядел гордым и умелым воином, ставящим себя выше других. В этот момент перед ней сидел уставший человек, так же как и она не понимающий, что происходит и потерявший не только память, но и частичку себя.

— Прости, — прошептала Элисса, опустив взгляд и сделав вид, что не заметила, как охотник разглядывает следы капель, скатывающихся по его ладони.

— За что?

— За то, что назвала тебя бесчувственным, — воровка смутилась.

Она могла бесконечно лгать, прикидываться кем-то другим, обманывать и без зазрения совести воровать, но сейчас чувствовала себя виноватой, будто маленькая девочка, наговорившая глупостей и не знающая как это исправить.

— И за то, что говорила по дороге. Я не хотела...

— Я знаю, — мягко ответил Тенро, поднимаясь на ноги. — А теперь — отдохни. Скоро мы продолжим путь. Нам нужно до ночи добраться до Сафраса.

— Мы не останемся здесь?

— Слишком опасно, — Тенро покачал головой. — Я не уверен, но мне кажется, что нас могут преследовать.

— Туман? — Элисса попыталась вскочить, но невольно застонала от усталости и боли в ногах.

— Возможно, — уклончиво ответил охотник, отступая в тень и растворяясь в ней. — Поспи немного. Вам ничего не угрожает.

Отчего-то Элисса поверила мужчине. Поверила полностью и безоговорочно так, как до этого, верила, пожалуй, только Мэлис и, возможно, Хэли. Что-то подсказывало девушке, что охотник не станет ей лгать и что он не оставит их здесь.

— А ведь я чуть не бросила тебя в той деревне, — почувствовав укол совести, Элисса вспомнила, что только благодаря просьбе Хэли, она решила оставить Тенро коня.

Если бы не воспитанница монахинь, неизвестно, как сейчас бы все обернулось. Воровка не могла этого знать, точно так же, как и того, что случилось бы с ней, не реши она воровать у одного из самых влиятельных баронов Арстерда.

— Дура, — шепнула девушка сама себе. — Какая же я дура...

Закрыв глаза, она сама не заметила, как заснула. Кажется, ей снился Тенро и он улыбался. Во сне Элисса подумала, что улыбка ему очень идет. Девушка уже не слышала, как охотник, обойдя место стоянки по широкому кругу, вернулся обратно и, устроившись чуть в отдалении, уселся прямо на траву.

Положив лук рядом, Тенро достал фигурку наэрки и принялся задумчиво разглядывать ее. Память охотника беспокойно забурлила, но он так ничего и не смог вспомнить, хотя был уверен, что уже видел эту статуэтку прежде. Правда, выглядела она несколько иначе...

Порывшись в карманах, Тенро достал узкую флейту, что забрал с тела Леона. Станный предмет продолжал испускать приятные волны мягкого свечения и теплоты. Затаив дыхание, охотник медленно вложил флейту в вытесанные из камня ладони наэрки и та, с мелодичным щелчком твердо заняла это место, явно приготовленное точно для инструмента.

Стоило Тенро совместить статуэтку и флейту, как из крохотного музыкального инструмента полилась прелестная, едва различимая мелодия. Она в мгновение ока захватила охотника, унося его за собой в глубокий омут памяти...

* * *

Размытые тени бесшумно передвигались по погруженному в ночь густому и такому чужому для людей лесу. Не издавая ни звука, они легко ступали по мягкой земле, заросшей густой зеленой травой и присыпанной плащом из золотистых листьев, ни один из которых не был потревожен обутыми в мягкие сапоги ногами.

Ничто не нарушало спокойствия и безмятежности леса и, казалось, даже столетние дубы не замечают незваных гостей этих священных для наэрцев мест.

Их было одиннадцать — десять разведчиков и один ищущий. "Черные стрелы" шли по земле детей Леса уже не первые сутки, все глубже и глубже забирая на юг, двигаясь вдоль скалистого берега, за которым находился Безмолвный залив.

Места здесь были дикими даже по меркам наэрцев — сплошные заросли и ни одного поселения вокруг. Дети Леса считали эти земли священными и здесь имели право находиться лишь Шепчущие — высшие жрецы наэрцев, рождавшиеся и умирающие здесь же.

Считалось, что именно они охраняют покой лесов и принимают души умерших братьев, помещая их под сень великого Леса. Где-то по близости обретали свой последний покой выдающиеся наэрцы, при жизни доказавшие, что верой и правдой служили лишь Лесу и своему народу.

Но "Черные стрелы" не интересовались местными захоронениями. Безразличны им были и сокровища, по слухам, заполнявшие древние гробницы. Их целью был один из Шепчущих, живущий в этих местах.

Высшее командование армии Арстерда посчитало, что потеря одного из значимых духовных лиц, сильно подорвет боевой дух наэрского народа и на общем обсуждении приговорили высшего жреца к смерти.

Для приведения приказа в исполнение, выбрали отряд "Черных стрел". Только они могли пробраться так далеко в земли наэрцев и сделать то, что требовалось.

С тех пор, как они покинули земли людей, прошло уже много времени. Лица воинов заросли бородами, одежда покрылась толстым слоем пыли, но они упрямо продолжали идти к своей цели. Командир, суровый мужчина с угловатым лицом по имени Дарс, неустанно гнал своих людей вперед, останавливаясь крайне редко и совсем ненадолго, чтобы воины могли перевести дух и немного отдохнуть.

Дарс был безупречным солдатом. Потеряв на войне всю семью, он больше ничем не дорожил и жил лишь ради мести. С тех пор ему стало плевать на все, кроме войны. Он ставил выполнение приказа превыше всего, чего и требовал от своих подчиненных. В каждом из них он был уверен, как в самом себе, ведь он лично отбирал их. Подвергая суровым испытаниям и тренировкам, Дарс выковывал для королевства идеальных солдат, готовых выполнить любую, даже самую смелую задачу.

"Черные стрелы" были его личной гордостью, детищем и неотъемлемой частью, оружием мести в его руках. Дарс научил своих людей убивать и радовался каждый раз, когда от их стрел и клинков подыхал очередной наэрский ублюдок, чьи сородичи лишили его самого дорогого, что было в этой проклятой жизни — семьи.

Вот и сейчас, командир, словно преследующий добычу седой пес, неуклонно шел по следу, подгоняя спешащих за ним воинов и радуясь тому, что ищущий, которого они

сопровождали, оказался закаленным парнем не робкого десятка. Молчаливый и отстраненный он внушал командиру доверие.

— Что видел, Тенро? — шепотом спросил Дарс, когда ветви перед ним бесшумно раздвинулись, и из-за них появился молодой зеленоглазый парень, казавшийся немного старше из-за отросшей бороды.

Поначалу, командир не слишком-то доверял Тенро. Но за последние два года тот сумел доказать, что достоин называться равным среди лучших. "Черные стрелы" были именно такими.

— Впереди постройка, — так же тихо ответил Тенро, указывая себе за спину. — Высокая башня, будто сплетенная из древесных стволов.

— Вход? — Дарс посмотрел в указанном разведчиком направлении так, словно мог видеть сквозь ночную тьму и толстые древесные стволы.

— Переплетение ветвей. Они расползаются, как только кто-нибудь из наэрцев подходит близко.

— Много?

Поняв, что командир спрашивает о детях Леса, Тенро кивнул:

— Двое у ворот, еще восемь разместились немного в стороне, отдыхают. На верху башни я смог разглядеть троих.

— Воины? — слушая доклад разведчика, Дарс задумчиво жевал седую, пропахшую сыростью и сухими листьями бороду, оглядывая собравшихся вокруг сослуживцев.

Командир "Черных стрел" знал, что в эти места дети Леса допускают лишь избранных, но кто сказал, что им не нужна охрана?

— Не думаю, — Тенро покачал головой. — Они не носят оружие и броню. Только посохи, да просторные легкие одежды. У одного на голове еще диадема из переплетенных ветвей и янтаря.

— Ясно-о-о, — протянул Дарс и дернул себя за ус. — Вот что — эти сукины дети могут оказаться не так просты, как выглядят. Да, господин Навен? — он взглянул на ищущего и тот, немного помедлив, кивнул.

— Ваша задача — обычные жрецы, — спокойно произнес Навен. — Шепчущего оставьте мне. Для вас он может быть опасен.

— Все слышали? — Сурово оглядев подопечных, осведомился Дарс. — Тогда действуем так — Тенро будет направляющим и выведет нас к цели, дальше растянемся кругом. Встаем на позиции и ждем. Как только направляющий дойдет до меня — я дам сигнал. Помните — одна стрела — один труп. Не давайте этим ублюдкам второго шанса. Ясно?

"Черные стрелы" кивнули — каждый из них знал свое дело.

— Тогда вперед, — отдал команду Дарс и Тенро первым скрылся среди ветвей, что беззвучно сошлись у него за спиной.

Двигаясь вперед, молодой разведчик не оборачивался. Его острый слух различал едва слышные звуки шагов, но даже без них, он твердо знал — боевые товарищи неотступно следуют за ним.

Идти пришлось недолго и вскоре впереди стало заметно мерцание и приглушенные мелодичные голоса. Стараясь лишний раз не касаться ветвей, Тенро, пригнувшись, проскользнул под низко опущенным суком, обогнул кустарник и, переступив через несколько листьев, оказался неподалеку от опушки.

Ближе подойти было нельзя — по самой кромке обступившего идеально круглую

полян у леса росли ярко-голубые цветы. Они и испускали слабое мерцание, прекрасно освещая все вокруг и делая расположившихся вне леса наэртцев прекрасными мишенями. Именно об этом подумал кровожадно усмехнувшийся Дартс, шедший следом за Тенро.

Дети Леса находились на своей священной земле и даже не могли подумать, что кто-то сможет пробраться сюда.

— "А мы вот смогли, проклятые ублюдки". — Подумал Дартс, мстительно оскалившись.

"Черные стрелы" потеряли в этом походе семерых братьев по оружию и еще одного ищущего — пройти через обжитые наэртцами леса без шума не получилось — местные твари брали за проход дорогую и кровавую цену. Теперь же жрецам детей Леса предстоит вернуть все сполна.

Огибая открытое пространство по широкой дуге, Тенро уверенно вел остальных за собой, останавливаясь лишь на мгновение, чтобы кто-то из следующих за ним, занял отведенное место. Когда все "Черные стрелы" рассредоточились вокруг башни и сам Тенро, взяв в руки лук, присел под старым деревом, с жесткой, будто щетина корой, то лес недовольно зашелестел, словно пытаясь предупредить своих детей о грозящей им опасности.

Стоящие у входа в башню жрецы насторожились, но хмурые выражения исчезли с их лиц, когда с небес начал накрапывать легкий теплый дождь.

— Иилис, кирано дэри, — подставив лицо маленьким каплям, с благоговением произнес один из наэртцев и Тенро, прочитав эти слова по губам, понял, что сын Леса благодарит небеса за дар для измученной войнами земли.

Второй страж ворот согласно кивнул. Прикрыв глаза, он слушал пение ветра и шелест омываемой дождем листвы, явно наслаждаясь происходящим. Но улыбка исчезла с его лица, а пальцы, удерживающие посох резко сжались. Распахнув глаза, он уставился прямо перед собой и принялся быстро скользить взглядом по темноте леса.

Взглянув в сторону, Тенро увидел командира, который замер в двух десятков шагов от него. Стоявший рядом с Дартсом ищущий, что-то шепнул ему, и командир разведчиков вскинул лук. Мужчина тихонько свистнул, умело подражая одной из птиц, что водились в этих краях и разжал пальцы, позволяя своей стреле рвануться навстречу жертве.

Перед выстрелом, командир "Черных стрел" выпрямился, и жрец у ворот заметил его. Рот наэрца раскрылся, но, прежде чем он успел сказать хоть слово, стрела с черным древком и оперением, вонзилась ему точно в рот, пригвоздив дернувшуюся голову к башне-дереву.

Второй страж вздрогнул, и удивленно уставился на выронившего оружия друга. В следующее мгновение в воздухе вокруг башни сердито зашипели девять стрел, ринувшиеся к своим целям.

Откуда-то сверху донесся хриплый и властный возглас и яростный порыв ветра плетью ударил по земле. Сбитые с пути стрелы, подобно слепым щенятам уткнулись в дерево-башню и лишь немногие из них, все же смогли добраться до теплой плоти.

Тенро видел, как наэрец, в которого он стрелял, привалился к стене, ухватившись руками за засевшее в груди древко. Разведчик целился в шею но при том, что большинство его сослуживцев не попали совсем, не стал сильно переживать из-за такого расклада. Пусть им не удалось сразу прикончить противников, еще был шанс закончить все быстро. Но следовало спешить — ветер продолжал бушевать, а значит, стрелковое оружие не годится.

Отбросив лук и взявшись за меч, Тенро выскочил из своего укрытия почти одновременно с остальными "Черными стрелами".

Что-то яркое и сверкающее, потрескивая, пролетело совсем рядом с Тенро и волосы у

него на голове едва не встали дыбом, а от укрывавшего его ранее дерева остался лишь обугленный и расщепленный надвое ствол.

Не успел разведчик подумать, что сделало бы с ним заклинание лесных жрецов, как точной такой же молниевый сгусток с треском врезался в грудь одного из его сослуживцев. От бегущего человека осталась лишь глубокая воронка и погнутый оплавленный меч, что упал совсем рядом с Тенро.

Молодой разведчик резко прыгнул в сторону, уходя от нового заклинания. Прокатившись по земле, он вскочил на ноги и снова рухнул на землю, пропуская новый клубок молний над головой.

С силой оттолкнувшись ногами, Тенро растянулся в длинном прыжке, стремясь как можно быстрее сократить разделяющее их с противником расстояние и, стоило ему приземлиться, кувыркнулся вперед.

Не поднимаясь на ноги, он выбросил вперед левую руку с зажатым в ней увесистым охотничьим ножом. Небольшое расстояние и тяжесть оружия оказались обстоятельством, что неподвластно призванному кем-то из жрецов ветру и хищно изогнутое лезвие вонзилось одному из наэрцев в грудь.

Направленный в сторону Тенро посох выпал из дрогнувшей руки и мужчина со сдавленным стоном опустился на колени. Он силился что-то сказать, указывая пальцем на разведчика, но Тенро быстро взмахнул мечом, и алая полоса пересекла морщинистое лицо, разделив его на две части.

Вырвав нож из груди мертвого противника, Тенро поспешил к воротам, у которых уже собрались остальные "черные стрелы". Их осталось шестеро и один из ветеранов отряда, кажется Хошег, был ранен.

Рядом лежали трупы как наэрцев, так и людей — битва была скоротечной и жестокой и усилившийся дождь колотил теперь в стремительно разрастающиеся лужи крови. Но сейчас "Черные стрелы" даже не смотрели на павших братьев по оружию — приказ был важнее личной приязни. Перегруппировавшись, они сразу же разошлись в стороны, заняв круговую оборону и укрывшись в обступавшем башню лесу.

— Ищущий с командиром побежали наверх, — смахивая кровь с разбитой губы, произнес Свен, единственный из разведчиков, кто остался у входа.

У его ног лежал изувеченный ударами меча жрец наэрцев. Он был еще жив — тело лежало так, что его половина находилась в башне, не давая странным дверям закрыться.

— Сходи, глянь, что там наверху, а мы здесь присмотрим, — добавил Свен.

Не останавливаясь, Тенро зацепился рукой за край стены и юркнул в дверь. Внутри оказалось довольно темно, и непонятно откуда лилась тихая и приятная мелодия. Однако времени искать источник звука не было — сверху доносился шум борьбы и чей-то крик.

Пробежав к стене, разведчик без труда отыскал ведущие наверх ступени.

Долетавшие до его слуха звуки боя стали явственнее, и разведчик ускорил шаг, перепрыгивая сразу по несколько стоптанных ступеней. Он так спешил, что едва успел отскочить, когда в ведущий на крышу проем свалилось тело в одеждах жреца Леса и, ударившись о камни, беззвучно полетело дальше.

Перепрыгнув через кровавое пятно в том месте, где наэрец ударился об острый край ступени, Тенро выбрался на крышу как раз вовремя, чтобы вонзить меч в спину одного из жрецов, почти доставшего Дарса посохом, чье навершие превратилось в непрерывно шипящую леззурю — ядовитую лесную змею.

Когда холодная сталь без труда пробила легкие одежды наэрца и вошла в его тело, Тенро с силой рванул меч вверх. Умиравший сын Леса привстал на цыпочки и застонал, но так и не выпустил посоха из рук. Змея попыталась укусить разведчика, но ее голову отрубил меч Дарса, который следующим движением перерезал раненному жрецу горло.

— Ты вовремя, — сплевывая кровь, прокричал командир "Черных стрел". — Этот шепчущий с друзьями оказался не просто выжившим из ума стариком. Он небрежным кивком указал на два лежащих чуть в стороне тела.

Мертвый ищущий лежал на спине, закатив глаза. На его губах выступила кровавая пена. Присмотревшись, Тенро увидел на шее мужчины две красных точки — небольшие ранки, кровь вокруг которых все еще пузырилась, вскипяченная ядом лесной леззур.

Ищущий умер почти мгновенно, как и все, кого кусала эта изумрудно-зеленая змейка. Рядом с Навином растянулся седой наэрец в украшенной янтарем диадеме. Перед смертью ищущий все же успел ударить его своим сверкающим мечом, почти перерубив шею.

— Добей ублюдка мечом Навина, и убираемся отсюда. — Устало произнес Дарс, потирая запястье, кожа на котором покраснела и распухла. — Один из уродов плюнул в меня, — перехватив взгляд Тенро, пояснил командир. — Я успел закрыться рукой, но, прежде чем снял наруч, эта дрянь прожгла его. Заканчиваем здесь и убираемся.

Кивнув, Тенро приблизился к мертвому сыну Леса, ногой отшвырнув прочь его изогнутый посох, все еще наполовину имевший форму ядовитой змеи. Тот отлетел прочь, ударившись в небольшой пьедестал точно посередине площадки на вершине башни, над которым сейчас склонился Дарс. Повернувшись к разведчику, командир "черных стрел" решительным кивком указал на распластавшееся на полу тела Шепчущего.

Выполняя приказ, Тенро взялся за рукоять зачарованного меча Навина. Разведчик ощутил ее приятную теплоту и рывком высвободил оружие из нанесенной им раны. Замахнувшись, Тенро уже готов был нанести последний удар, как вдруг, казалось бы, мертвый наэрец ударил его по ногам и, повалив, попытался навалиться сверху.

Тенро успел наотмашь полоснуть мечом по лицу противника, но тот все-таки добрался до него. Схватив мужчину за плечи, шепчущий свалил его на пол, со свистом набрал в грудь воздуха, но так и не успел ничего сделать — Тенро жестким движением провел сияющим лезвием по животу наэрца и тот обмяк, но смог устоять на ногах.

Второй удар, нанесенный снизу вверх задел шею, и чужая кровь брызнула в разные стороны. Мертвенно бледное, рассеченное мечом лицо приблизилось к лицу человека и губы сына Леса быстро зашевелились, хотя он не проронил ни звука.

Оттолкнув шепчущего, Тенро резким ударом отрубил ему голову. Последним, что он запомнил прежде, чем голова в диадеме скрылась из виду, упав с башни, было выражение огромных золотистых глаз сына Леса. В них застыло выражение жалости, сменившееся всепоглощающей тьмой, что погасила ясный взор наэрца.

* * *

— Тенро! Очнись! — Элисса, ухватившись за плечи сидящего неподвижно мужчины, начала трясти его, но тот не реагировал.

Охотник продолжал смотреть в одному ему видимую точку и глаза его застыли, напоминая яркие зеленые стеклянные шарики.

— Да очнись ты, наконец! — Выпустив складки одежды, воровка набралась храбрости и отвесила охотнику звонкую пощечину, от которой его голова заметно дернулась, а на коже сразу же вспыхнул красный след от удара.

Ярко-зеленые глаза рассеянно моргнули и неестественный огонь в них погас. Взглянув на девушку так, будто видел ее впервые, Тенро в последний миг успел перехватить ее занесенную для новой оплеухи руку.

Мучительно медленно приходило осознание, что все увиденное им недавно оказалось не более чем сном, хотя выглядело поразительно правдоподобно. В памяти охотника один за другим всплывали образы людей, что были в его сне. Он вспоминал их имена, лица и голоса. Вспоминал то, через что он прошел вместе с "Черными стрелами" пережив всех своих братьев по оружию. Но все это казалось каким-то неполным, размытым, словно земля после дождя.

— Пришел в себя? — с облегчением осведомилась воровка, досадливо поморщившись тому обстоятельству, что ей не удалось вдоволь отомстить зеленоглазому мужчине за то, что она пережила из-за него. — Или может еще раз? — спросила она с надеждой, с трудом пошевелив пальцами, словно зажатой в тески руки.

— Все нормально, — глубоко вдохнув и отогнав нахлынувшие на него эмоции, Тенро огляделся — они сидели на том же самом месте, только вот небо уже успело потемнеть.

Разумеется, никакой башни, мертвых наэрцев и братьев по оружию вокруг не было.

— Долго я был... не в себе?

— Скажу, как только отпустишь меня, — выразительно посмотрев на мужчину с явственным упреком, ответила Элисса. — Спасибо, — язвительно добавила она, когда пальцы охотника разжались.

— Долго? — повторил свой вопрос тот, заметив, что Хэли, по-прежнему, спит, свернувшись калачиком неподалеку от ручья.

— Не очень, наверное. — Неуверенно ответила Элисса.

Встав на ноги, она потеряла ноющее запястье. Что и говорить — хватка у нового спутника оказалась медвежьей.

— Я открыла глаза, а ты сидишь на месте, уставившись на это, — он кивком головы указала на лежащую рядом с охотником статуэтку, сейчас опрокинутую на бок. — Я позвала тебя — ты не ответил. Дальше — ты, вроде бы, знаешь.

— Буди подругу. Мы уходим. — Подхватив фигурку, Тенро еще раз внимательно осмотрел ее, будто ждал, что каменная наэрка чудесным образом оживет и ответит на все его вопросы.

Но ничего не изменилось, лишь чувство узнавания, что Тенро испытывал держа в руках теплый камень, стало сильнее. Проведя пальцами по плавным линиям статуэтки, от которой теперь не исходило ни звука, охотник торопливо вытащил из ее рук флейту и, вместе с фигуркой, сунул ее за пазуху.

Обращаясь к Элиссе, он отрывисто бросил:

— Быстрее!

— Какое полное и детальное пояснение происходящего. Ты, как всегда, потрясающе красноречив, — снова не удержалась от ядовитой ухмылки Элисса, после чего обожгла мужчину многозначительным взглядом, которого тот, кажется, даже не заметил. — Может, для начала, поблаговаришь меня за то, что я привела тебя в чувства до того, как волки обгладили бы твою надменную физиономию?

— Они обглодают наши кости, если ты не будешь делать так, как я скажу, — Тенро сам подошел к Хэли и, без лишних слов, рывком поставил ее на ноги, после чего брызнул в лицо водой из фляги.

— Я... что?! — Отфыркиваясь, воспитанница Склосовой пустыни попыталась оглядеться и понять, что происходит.

— Быстро, за мной. — Встревоженный тон и взгляд охотника отбил у девушки все желание задавать вопросы, точно так же, как прогнал и остатки сна.

Без лишних слов Хэли встрепенулась, дважды хлопнув себя ладонями по порозовевшим щекам, и встала рядом с мужчиной, демонстрируя свою готовность продолжить путь.

— Ты прямо сама галантность и обходительность. Со всеми девушками так общаешься или только мы удостоены подобной чести? — скривившись, спросила у охотника Элисса, даже не рассчитывая получить ответ.

Так оно и случилось. Но воровка, все же, последовала за мужчиной.

Тенро молчал. Он быстро продвигался вперед и выглядел довольно встревоженным. Элисса, впервые заметив на лице спутника новые эмоции, сразу же догнала его, пристав с расспросами:

— Так что случилось? Ты странно выглядишь... даже на человека стал похож.

— Кое-что вспомнил, — коротко ответил охотник, уже зная, что эта девушка не отстанет, пока не добьется желаемого.

— Это "кое-что" как-то связано со статуэткой? — Догадалась воровка, и последовавший ответ лишь еще больше разжег ее любопытство.

— Да.

— Как?! — Охотничий азарт загорелся во взгляде Элиссы подобно звездам, что одна за другой появлялись в темном небе, видимом сквозь небольшие просветы в кронах деревьев. — Расскажи!

— Потом, — отмахнулся Тенро, ускорив шаг, но, как он и ожидал, Элисса быстро нагнала его вновь.

Хэли слышала разговор спутников и изо всех сил старалась успевать за их широкими шагами, чтобы не пропустить ни одного слова. Она уже знала, что именно из-за странной фигурки погибли все ее сестры и теперь, так же, как и Элисса, жаждала узнать, что стало причиной той резни, что устроили в монастыре люди барона Гирса. Еще Хэли хотел бы знать, отчего глаза нового спутника иногда становятся такими пугающими но, что-то подсказывало девушке, что без этого знания она будет спокойнее спать по ночам.

— Слушай, мы имеем право знать... — гневная речь воровки оборвалась, когда теплая ладонь охотника легла на ее губы, призывая к молчанию.

— Не сбивай дыхания, — посоветовал Тенро, выпустив задыхающуюся от возмущения девушку и отвернувшись от нее.

— Хватит! — Справившись с собой, Элисса застыла на месте. — Или ты сейчас же все рассказываешь, или я никуда не иду. И если я умру, то стану призраком и буду преследовать тебя до конца твоих дней! — Пospешно добавила она, видя, что охотник не то что не остановился, он даже не обернулся и не замедлил шага.

— Едва ли у тебя будет возможность стать призраком, — сухо бросил Тенро, помогая Хэли взобраться на выросший на их пути холм.

— Это почему же? — Оставаясь на месте, спросила воровка и осеклась, увидев, как побледнело лицо обернувшейся к ней Хэли. — Что? Что там?! — Нервно заозиравшись девушка поспешила догнать ушедших вперед спутников.

Ухватившись за руку Тенро, Элисса забралась на холм, встав рядом с Хэли и, проследив за ее взглядом, вздрогнула — из-за темных деревьев неспешно выползали клубы

белоснежного тумана.

— Бежим, — Тенро потянул девушек за собой.

Темные силуэты деревьев обезумевшими от голода хищниками бросались на встречу несущимся по лесу людям. Они били беглецов узкими лапами ветвей, стремясь хлестнуть их по блестящим от пота лицам, а завывающий ветер жадно набрасывался на облачка пара вырывающегося из открытых ртов.

Окружающую все вокруг ночь нельзя было назвать холодной, но, несмотря на сжигающий тело жар от долгого бега, Элисса чувствовала, как ее бьет сильная дрожь, а намокшие от дождя и пота волосы на затылке встают дыбом. Если бы не это ощущение первобытного и необъяснимого страха, девушка давно бы упала без сил, но все ее естество гнало Элиссу вперед, без жалости выжимая из тела все силы без остатка.

Слева от воровки тяжело дышала Хэли. Она сильно побледнела, но бьющийся в глазах ужас явственно говорил, что воспитанница Скелосовой пустыни скорее упадет и умрет, чем остановится и позволит густому туману добраться до себя.

В очередной раз, зажмурившись и зло зашипев, после того, как тонкая, почти невидимая в темноте ветка больно хлестнула ее по щеке, Элисса увидела мелькавшую впереди спину Тенро. В отличие от девушек, охотник бежал легко и, кажется, даже не сбил дыхания, несмотря на то, что ему приходилось нести еще и вес клинков, лука и колчана со стрелами.

Словно почувствовав спиной взгляд воровки, Тенро обернулся:

— Держитесь, еще немного.

Как и думала Элисса, голос охотника почти не сбился. Мужчина выглядел обычным человеком, решившимся на позднюю прогулку по лесу. Лишь ярко горящие зеленые глаза выдавали в нем странные сверхъестественные силы.

Воровка хотела многое сказать Тенро и, в основном, это были проклятья и ругательства не только в адрес неутомимого охотника, но еще и тумана, преследующего их уже довольно долго. Однако, сил у Элиссы не оставалось даже на одно слово, поэтому она лишь страдальчески застонала, даже не представляя, сколько еще им придется бежать.

Ночь укрывала лес черным плащом, тщательно скрывающим все вокруг, так что окажись перед Элиссой крепостная стена — девушка не заметила бы ее, пока не врезалась бы лбом в вековую кладку.

Нога воровки ударилась обо что-то твердое и она, оступившись, рухнула на землю, больно ударившись головой о некстати выросший на ее пути пенек. Воздух с хрипом вырвался из груди Элиссы, когда та, скользнув по влажной траве, перевернулась на спину.

Звездное небо показалось ей таким близким, что беглянка могла протянуть руку, и взять с небосвода любой понравившийся ей серебристый огонек. Увидев свои дрожащие пальцы, тянущиеся вверх, девушка поняла, что у нее практически не осталось сил.

Звездное небо вдруг закрыло встревоженное лицо Хэли с покрасневшими щеками и слезящимися глазами. Губы девушки шевелились, но в уши Элиссы будто налили воду, и та не могла разобрать ни слова из того, что говорила ей спутница.

Хэли обеспокоенно покосилась в сторону, что-то крикнула и попыталась поднять Элиссу. Воровка как раз собиралась попытаться найти в себе силы и убедить подругу в тщетности ее усилий, когда чьи-то сильные руки вдруг легко подхватили ее обмякшее тело, и звездное небо стало чуточку ближе.

— Держись, — знакомый голос долетел до Элиссы, кажется, откуда-то со стороны

узкой полоски смеющегося месяца.

Взглянув на серебристый серп луны, девушка сообразила, что тот движется, точно так же, как и звезды, бегущие следом за ним. Скосив глаза, она увидела еще две звезды, правда, эти были ярко-зелеными.

Более того, перехватив взгляд девушки, странные звезды озадаченно взглянули на нее и быстро моргнули, сначала почти погаснув, а затем мигом разгоревшись вновь. Потом глаза Элиссы отчего-то защипало и она, со стоном подняв руку, вытерла с лица пахнущую металлом жидкость.

— Сильно ударилась и, вдобавок, рассекла голову, — произнес сухой голос откуда-то сверху. — Не трогай рану. Кровь скоро остановится. Пока ты не пришла в себя — держись крепче.

Промычав что-то неразборчивое, Элисса только сейчас поняла, что заговоривший с ней Тенро несет ее на руках, по бокам от них мелькают черные ветви, а над головой скользят тысячи звезд, сейчас больше напоминавших кометы с длинными сияющими хвостами.

С трудом повернув ноющую голову, девушка увидела впереди огни. Вначале она подумала, что ей показалось, но с каждым шагом охотника, огней становилось все больше и они все ярче разгорались, все явственнее проступая сквозь переплетение деревьев и теней.

— Сможешь идти сама? — спросил Тенро и Элисса нерешительно кивнула.

Пусть ей и нравилось, что мужчина нес ее на руках, но она, так же, понимала и всю сложность ситуации — для нее же самой лучше, если в нужный момент, в руках у охотника окажутся клинки.

Тенро остановился почти на опушке, откуда хорошо были видны высокие стены Сафраса. Аккуратно поставив свою ношу на землю, охотник убедился, что Элисса может стоять сама и метнулся назад, чтобы спустя несколько мгновений снова появиться из темных зарослей леса, уже с Хэли на руках.

Лицо несостоявшейся монахини было блее первого снега, грудь ходила ходуном, а глаза стали настолько большими и испуганными, что напоминали два блюда.

— Вот, возьми, — оторвав от своего плаща кусок ткани, охотник приложил его к голове Элиссы, отобрав у нее пропитанную кровью тряпицу, которую, видимо, раньше прикладывал к ее ране. — Теперь уходите к городу, живее, — отвернувшись от спутниц, Тенро быстро обмотал окровавленную ткань вокруг пояса. После этого он вытащил лук из-за спины и привычным движением положил на тетиву одну из стрел.

Наблюдавшая за действиями охотника Элисса вдруг поняла, что в какой-то момент перестала видеть белеющее в ночи оперение стрелы. То будто слилось с мраком, и лишь приглядевшись, девушка смогла различить его чернеющий между пальцев мужчины силуэт.

— Элисса, пойдем, — так и не восстановившая дыхания Хэли, неуверенно потянула воровку за рукав, больше опираясь на нее, чем утягивая за собой. — Там сзади... нам лучше уходить!..

— А ты? — Не обратив внимания на призыв спутницы, Элисса взглянула в яркие глаза Тенро.

— Догоню вас позже, — охотник тряхнул головой, показывая, что разговор окончен. — Поспешите.

— Мы не сможем ему помочь, — Хэли вновь потянула воровку и та, на этот раз, послушалась, отступив от неподвижно вглядывающегося во тьму Тенро. — Мы приведем помощь. Главное — продержитесь, — на прощание Хэли осенила охотника знаменем

Альтоса, но тот и ухом не повел однако, услышав о помощи, мотнул головой:

— Справлюсь сам. Вам лучше залечь на дно в городе, я вас найду, а до этого постарайтесь не выделяться.

— Да благословит вас Альтос! — кажется, Хэли плакала.

— Ему нет дела до богов, — поняв, что спутница с трудом переставляет ноги, Элисса подхватила ее под руку, хотя и сама стояла довольно неуверенно.

— Ему — может быть, но не Альтосу, — с трепетом прошептала Хэли.

— Поговорим об этом после. Когда... — за спинами девушек запела тетива и, когда Элисса обернулась на звук, то уже не увидела Тенро.

Зато не заметить непроницаемые клубы белоснежного тумана, девушка попросту не могла. Они вольготно расплзлись по всему лесу, уверенно двигаясь вперед и, подобно приливным волнам, скрывая за собой стволы деревьев.

Неожиданно туман замер, беспокойно заколыхался, после чего начал быстро смещаться в сторону, словно преследуя кого-то.

— Да поможет ему Бог, — с нескрываемым страхом произнесла Хэли и ее голос предательски дрогнул.

— Он из "Черных стрел", так что может и сам о себе позаботиться, пусть лучше твой Альтос поможет нам, — недовольно проворчала Элисса, и, прихрамывая, поспешила в сторону городских стен.

* * *

Почерневшее оперение легко коснулось щеки, но это прикосновение вышло мимолетным и скоротечным — Тенро стрелял, почти не целясь.

Когда белый туман проглотил еще одну стрелу и, недовольно заколыхавшись, заскользил следом за охотником, тот сорвался с места, убегая прочь. Кто или что бы ни скрывалось за белоснежным саваном, Тенро старался сбить его со следа девушек и, кажется, ему это удавалось.

Он поспешно проткнул кожу на руке наконечником стрелы, позволяя крови беспрепятственно скатываться по пальцам и падать на землю. Мимо такого следа скрывающиеся в тумане преследователи точно не пройдут.

Возможно, хватило бы и крови Элиссы, пропитавшей закрепленную на поясе тряпицу, но лишний риск сейчас был недопустим. Двигаясь на юго-запад, охотник все дальше уходил от крепостных стен, уводя туман за собой.

Перескочив высохшую корягу, мужчина оглянулся через плечо и, убедившись, что дымка тысячами белых змей ползет следом, побежал дальше.

Через три десятка шагов Тенро остановился. Рана на руке уже затянулась, и ничего не мешало, резко развернувшись, выпустить в стену тумана две стрелы.

Затем еще одну, но вверх. Отрывисто крикнула ночная птица, и ее обмякшее тело упало рядом с Тенро. Быстро коснувшись пальцами птичьей головы, охотник увидел то, что видела она незадолго до смерти, а именно колыхающееся море тумана,двигающееся вглубь леса, за одиноким человеком с луком в руках.

Краем глаза Тенро успел заметить две фигуры, почти добравшиеся до высоких стен Сафраса, после чего его же стрела пронзила тело птицы, выбросив охотника из чужого, теперь уже угасшего навсегда сознания.

Но Тенро было достаточно того, что он успел увидеть. Полностью завладев вниманием порождения Застывшего леса, охотник побежал строго на юг, стремясь еще сильнее

развернуть туман и дать Элиссе и Хэли шанс добраться до безопасного места.

Продолжая бежать по ночному лесу, охотник почти не чувствовал усталости. Ноги легко несли его вперед, преодолевая многочисленные холмы, ямы и упавшие стволы деревьев. Обостренное странным изменением зрение и рефлексy позволяли Тенро двигаться намного быстрее обычного человека. Только поэтому туман до сих пор не смог добраться до него.

Но охотник понимал, что скоро все изменится. Об этом ему говорила белая дымка недавно начавшая маячить между темных древесных стволов далеко впереди. Как бы быстро не был охотник, рано или поздно туман возьмет его в кольцо.

Первым желанием было остановиться и решить все здесь и сейчас. Но, вспомнив две хрупкие фигурки, спешащие к городским стенам, Тенро стиснул зубы и побежал так быстро, как только мог.

Ночная гонка по темному лесу для обычных людей граничила с безумием — шансы напороться на острый сук, врезаться головой в низко опущенную ветвь или свалиться в яму и переломать себе ноги были слишком велики.

Но Тенро больше не был обычным человеком. Стоило ему преисполниться холодной решимости, как ночь посветлела для его неестественно ярких глаз, а выскакивающие навстречу деревья начали делать это гораздо медленнее, так что он без труда избегал массивных стволов и веток, перепрыгивая длинные канавы.

Когда туман, все же, смог окружить охотника, тот был уже очень далеко от Сафраса. Выпрямившись, Тенро спокойно взирал на закружившиеся вокруг него белые клубы, то поднимающиеся едва ли не до вершин деревьев, то припадающие к самой земле.

Эти странные пляски продолжались и продолжались. Иногда туман, подобно обезумевшему псу, кидался на Тенро, но сразу же отступал, будто кто-то одергивал его. Все это происходило в абсолютной и зловещей тишине — непроницаемым куполом белая дымка затянула все вокруг, скрыв даже деревья и звезды и полностью отрезав охотника от внешнего мира.

Тенро ждал.

Он неподвижно стоял на месте, положив стрелу на тетиву и разглядывая рваные клочья тумана, стелящиеся у его ног. Пар струился из носа мужчины, и он отчетливо видел, как, несмотря на относительно теплое время года, на стальном наконечнике стрелы начал образовываться иней.

Волна холода медленно охватила ноги мужчины, поднялась по ним, коснулась кончиков пальцев, окутала грудь волной мерзлоты и потянулась выше по шее.

— Тебя сложно догнать, — слова, вылетевшие из тумана, слились с пением стрелы, незамедлительно выпущенной охотником на звуки знакомого голоса.

Туман всколыхнулся, поглощая стрелу и, спустя лишь мгновение из него вышел стройный мужчина. Он поигрывал зажатой между пальцев черной стрелой и неприятно улыбался, глядя на охотника своими необычайно яркими карими глазами, светящимися из под глубокого капюшона.

— Все так же отлично стреляешь, — спрятав улыбку, мужчина резко и без видимых усилий сломал стрелу пальцами пополам, бросив обломки себе под ноги. Не успела та коснуться земли, как незнакомец вскинул руку, и еще одна черная стрела оказалась у него между пальцев.

— Прекрати, Тенро, — проникновенно произнес он, сломав и эту стрелу точно так же, как и ее предшественницу. — Это бесполезно.

— Возможно, — вернув неприятную улыбку, охотник выхватил мечи и его странный собеседник поморщился, едва взглянув на серебристое лезвие.

— Эта игрушка опасна для нас обоих, — незнакомец собирался сделать шаг вперед, но сейчас замер на месте, выжидающе глядя на Тенро.

— Но держу ее — я, — в подтверждение своих слов, охотник крутанул в руке оружие, и то хищно сверкнуло серебром.

— Надолго ли? — вышедшего из тумана мужчину трюк охотника не впечатлил, но он продолжал настороженно следить за мечом ищущих, не сводя с него своих ярко-карих глаз.

— А ты проверь, — охотнику чувствовал, что стоящий напротив него мужчина опасен и не спешил нападать первым.

— Ты, действительно, желаешь драки со мной? — незнакомец медленно стянул капюшон и на его немного вытянутое лицо упали ровные пряди пепельно-серых волос, доходивших до узких плеч.

— Не я первым напал на тебя, Нортон, — для Тенро появление еще одного бывшего сослуживца, которого он считал мертвым, не стало неожиданностью.

К тому же совсем недавно охотник уже видел его в своем сне. Нортон был одним из немногих, кому посчастливилось выжить после убийства Шепчущего и вернуться из башни в Застывшем лесу домой, чтобы погибнуть позже, вместе с командиром и остальными в первом же бою с измененными.

— Но ты убил Свена, или, как он сам себя называл — Леона, — парировал Нортон, делая маленький, почти незаметный шаг вперед.

— Я не хотел убивать Свена...

— Хотел. — Жестко прервал Тенро бывший брат по оружию, разрубив холодный воздух ребром ладони. — Ты жаждал его смерти и убил без жалости! Скажу даже больше — то, что ты при этом почувствовал — тебе понравилось!

— Свен превратился в чудовище, — слова Нортон не смогли сбить Тенро с толку. — Как и ты.

— Как и все мы, — разведя руки в стороны, кареглазый мужчина гордо выпятил грудь, делая еще один шаг навстречу охотнику. — Ты — такой же, как...

— Нет! — Голос Тенро бичом разорвал ночную тишину, а в его глазах вспыхнул гнев. — Я не такой как вы!

— Ой ли? — Делано изумился Нортон, заламывая бровь. — Ты лукавишь, Тенро. Но я добр и я прощу тебя. Просто отдай мне то, зачем я пришел и присоединись к нам. Займи место Леона, и ты получишь силу и власть. Столько, сколько даже не мечтал! Просто отдай мне статуэтку Поющей Ниеры!

После этих слов Нортон, Тенро будто прозрел. Память одной вспышкой молнии отправила его в прошлое, в ту самую башню Шепчущего. После того, как старый жрец наэрцев умер, Навин ненадолго пришел в себя. Все, что успел ищущий — неразборчиво прошептать что-то на ухо Дарсу, после чего яд детей Леса все же сделал свое дело и Навин умер, теперь уже навсегда.

Оставив тело ищущего, Дарс снова вернулся к пьедесталу. Он разбил накрывающий его купол, осыпавшийся на пол алмазной россыпью мелких осколков, после чего аккуратно взял в руки фигурку молодой наэрки, в чьих руках была тонкая полоска флейты.

Командир "Черных стрел" вытащил инструмент из каменных ладоней и музыка, окутывающая башню, стихла.

Тенро вздрогнул, сбрасывая невесомую шаль воспоминаний, и едва подсознательно не коснулся кармана, где лежала статуэтка. Охотник вовремя взял себя в руки. Решительно тряхнув головой и вскинув мечи, он процедил, сквозь плотно стиснутые зубы:

— Ты не получишь ее.

— Поверь, друг, — все так же мягко произнес Нортон. — Мне очень не хотелось бы взять эту безделушку с твоего мертвого тела, но, именно так я и поступлю, если ты не будешь пайнкой. Я не позволю тебе вернуть ее и обречь всех нас на смерть.

— Обречь на смерть? — не сумев совладать с удивлением, Тенро округлил глаза.

— Постой, — в карих глазах мелькнуло недоверие, сменившееся странным весельем. — Ты даже не знаешь, что взял у Леона? Не понимаешь той силы, что заключена в статуэтке Нииры?

Тенро молчал и Нортон продолжил:

— Я совершенно не понимаю тебя, друг. С чего такое упорство, если ты даже не знаешь наших целей? Позволь мне объяснить, и ты поймешь...

— Я никогда не пойму и не приму тех целей, за которые гибнут невинные! — Перед глазами охотника встала картина пылающего монастыря святого Склоса.

— Ты не был таким мягким, когда мы вместе топтали земли великого Леса, — с упреком произнес Нортон, поджав тонкие губы. — Напомнить тебе, скольких ты лично убил? Сколько жизней оборвали мы вместе, за что и получили проклятье детей Леса? Ты успел все это позабыть?

— Довольно! — в голове Тенро всплыли последние слова, что выплюнул ему в лицо умирающий Шепчущий вместе со своей кровью.

Старый жрец наэрцев проклял тех, кто осквернил святые для его народа земли и выпустил то зло, что скрывалось в них и теперь его хриплый, затухающий голос эхом отзывался в ушах охотника. Он пытался предупредить их, остановить, но умер раньше.

— Мое молчание не изменит прошлого, Тенро, — Нортон подошел еще ближе. — Уже ничего не изменит того, кем ты стал на войне. Ты навсегда останешься чудовищем, в которое превратила тебя пролитая прежде кровь. Просто прими свою новую жизнь. Прими силу, что дали тебе духи в обмен на свое освобождение. Служи им и ты обретешь все!

— Я уже все потерял, — неожиданно тихо ответил Тенро.

— А как же те две девчонки, которых я видел с тобой в деревне? Разве они не дороги для тебя? Будет жаль, если они погибнут...

— Не смей их трогать!

— Я и не собирался, честно, — в улыбке Нортон не было и намека на честность и добропорядочность. — А вот у господина Гирса есть пара вопросов к одной из них. Сейчас, пока мы с тобой разговариваем, их судьба, наверное, уже решена.

— Нет!

Едва Нортон успел договорить, как Тенро налетел на него подобно урагану.

Два клинка с бешеной скоростью засверкали в холодном воздухе, разбрасывая кристаллики льда, но ни один из них не смог достать рассмеявшегося измененного — когда клинки почти коснулись тела Нортон, то вдруг распалось клочьями тумана, а сам мужчина сформировался заново точно за спиной охотника.

Тенро едва успел отскочить, чтобы не стать жертвой длинных, похожих на стилеты когтей, появившихся на тонких пальцах противника. Отточенными бритвами они скользнули вдоль его спины, лишь чудом не задев кожи и оставив на плаще четыре ровных разреза.

— Последний шанс, — с неизменной улыбкой пропел Нортон, с любовью разглядывая свои когти. — Примкни к нам или же прими свою смерть. Сдайся и она станет быстрой.

— Никогда! — Злость и отчаяние заставили сердце охотника биться быстрее, а его кровь, казалось, закипела в жилах, наполняя тело силой.

— Жаль, — Нортон вновь растаял в тумане, из которого начали выступать десятки измененных, в которых охотник с трудом узнал жителей деревни, где они с Элиссой и Хэли недавно останавливались. — Посмотри на них, — голос Нортон прозвучал одновременно со всех сторон. — Это ты стал причиной их смерти. Впрочем, такими они мне нравятся больше и ты, вскоре, присоединишься к ним, став моей новой игрушкой. Убейте его!

Туман затрепетал, и множество серых теней выскочили на Тенро. Когтистые лапы потянулись к охотнику, но тот без жалости срубил их серебристым мечом.

Отступать было некуда — туман плотно обступил Тенро со всех сторон, постоянно сжимая кольцо из тянущихся к нему серых рук.

— Прекрати, ты только все усугубляешь, — голос Нортон прозвучал то ли с упреком, то ли с какой-то обидой. — Просто не двигайся и умрешь быстро. Считай это расплатой за грехи.

Тенро не стал отвечать. Вместо этого он, определив, с какой стороны до него донесся голос бывшего друга, начал прорубаться туда прямо сквозь толпу измененных. Как и тогда, в деревне, эти порождения тумана были медлительны и сильно уступали скорости самого охотника.

Но вот их количество уравнивало шансы, лишая Тенро хоть какого-то преимущества. Когтистые, словно сведенные судорогой пальцы цеплялись за его одежду, разрывая ее и раня плоть. Они замедляли продвижение мужчины на считанные мгновения, но даже этого хватало, чтобы он получил еще больше ран.

— Никогда не сдаешься, да? — насмешливо спросил Нортон и его голос теперь зазвучал откуда-то из-за спины Тенро.

Скрипнув зубами, охотник резко развернулся на пятках, двумя ударами раскроив голову одного из измененных и вспоров живот другому. Щеку обожгла леденящая плоть боль, и Тенро отшатнулся, чудом сохранив ухо. Грязные когти царапнули мочку и больно дернули за волосы.

Слепой удар меча достиг цели — ровно срезанная рука упала в туман, извиваясь, подобно живому существу. Серебристый росчерк клинка отогнал наседавших на Тенро тварей и он, рванувшись вперед, смог поразить самого нерасторопного противника в живот.

Вырвав из раны черный клинок, охотник вдруг прыгнул на спину согнувшемуся от удара измененному и, оттолкнувшись от него, взмыл в холодный воздух. Он приземлился на десяток шагов впереди, смяв ногами двух тварей. Одну он сразу же добил мечом, а череп другой с сухим звуком треснул под сапогом охотника.

Сразу же отскочив, Тенро обезглавил не ожидавшего от него подобной прыти мужчину с серым лицом. Он наотмашь ударил стоявшего рядом сторбленного старика, из-под окровавленной бороды которого виднелись длинные, загнутые клыки. Кто-то навалился на Тенро сзади и он, ловко взяв один из мечей обратным хватом, вогнал лезвие в бок забравшемуся ему на спину врагу. Хватка измененного сразу ослабла. Он безвольно соскользнул вниз.

— Да! — Смех Нортон взметнулся к затянутым туманом небесам. — Такая резня мне по душе! Как в старые добрые времена! Вспоминаются былые деньки, когда мы вместе

совершали рейды вглубь земель наэрцев, орошая их священные леса их же кровью! Скольких же мы убили тогда! Десятки? Сотни? Тысячи! Но сейчас ты сражаешься против людей, что ты чувствуешь?

Тенро снова не ответил. До боли стиснув зубы, он яростно прорубался сквозь наседавшую толпу, двигаясь на голос Нортон, звучащий совсем близко.

— Ничего не чувствуешь, да? А тогда, в той деревне на границе ты говорил другое. Я до сих пор помню, как ты чуть не убил командира, отказываясь выполнять приказ, но потом сделал свое дело, как и все мы. Лишенные воли, словно рабы мы убивали всех, кого нам прикажут, а что теперь? Я предлагаю тебе свободу, но ты сопротивляешься!

— Мне не нужна такая свобода! — Вокруг Тенро образовалось открытое пространство, буквально устланное дымящимися изуверченными телами. — Я не стану убивать для таких, как ты!

— Ты уже говорил нечто подобное, — устало поведал охотнику выступивший из тумана Нортон. Грустно улыбаясь, он аккуратно шел прямо по лежащим у его ног телам. — Перед каждым нашим особым — он хитро подмигнул Тенро, — заданием, ты твердил то же самое. Но потом без разбору убивал всех, на кого покажет командир. И своих и чужих. Помнишь тот отряд пехотинцев? наших братьев по оружию, которых заподозрили в измене? Не твои ли руки были по локоть в их крови?

— Я... — Тенро ошарашено посмотрел на Нортон. — Я не делал ничего...

— Ложь! — Красиво лицо мужчины исказила гримаса лютой злобы. — Ты лжешь и мне и самому себе! Ты — убийца, как и все "Черные стрелы"! Все мы!

— Я не убивал невинных, — упрямо повторил охотник и его голос дрогнул от осознания того, что он сам не уверен в собственной правоте. Ведь память Тенро восстановилась не вся, откуда он мог знать, каким он был прежде? — Я... я не помню, — руки с мечами опустились.

— Разумеется, — подойдя ближе, Нортон положил ледяную ладонь на плечо охотника. — Никто из нас ничего не помнил. Алхимики короля знали свое дело, их эликсир замечательно скрывал наши воспоминания и чувства, превращая в послушных кукол. Не веришь мне? По глазам вижу, что нет, а ведь они у тебя, такие же яркие, как и мои, брат. Не это ли доказательство того, что мы похожи?

— Нет, — дернув головой, Тенро сбросил с плеча обжигающую его плоть ладонь и отступил. — Я не такой как ты!

— Вспомни, — Нортон шагнул следом, нисколько не опасаясь направленных ему в грудь клинков. — Вспомни войну с наэрцами!

— Я не могу, — сам не зная почему, Тенро продолжал отступать, хотя сейчас мог без труда поразить противника в незащищенную грудь.

— Вспомни! — Пронзительно крикнул Нортон, и его лицо вдруг оказалось напротив лица Тенро.

Ладони с длинными когтями вцепились в голову охотника, принуждая его смотреть бывшему другу в глаза, в карем сиянии которых тот вдруг увидел все...

Отражение кровопролитных битв, наэрские Леса, лица павших врагов и друзей и себя самого. Всего за один миг, почти все запертые двери в памяти охотника резко распахнулись, впуская в его сознание кошмарные воспоминания прошлого.

Вскрикнув, Тенро рванулся изо всех сил, но Нортон держал крепко.

— Вспоминай, — прошипел он. — Ты стал таким, как мы, а значит, ты пережил смерть.

Вместе с твоей жизнью закончилось и действие эликсира! Ты должен был вспомнить все!

— Нет! — В памяти Тенро ужасные воспоминания закружились непрерывной чередой. Многие из них были смазанными, а остальные демонстрировали когда-то пережитые им ужасы войны.

— Проклятый эликсир притуплял наше сознание! Он затуманивал наш разум, превращая в послушный скот. Мы не задавали вопросов, просто шли за Дарсом и выполняли его приказы, а потом забывали все! Ты же не будешь отрицать, что не можешь вспомнить всей войны? Тебя никогда не настораживало количество белых пятен в твоей памяти?

— Я... старался забыть войну и раньше радовался каждому утерянному воспоминанию, — потерянно прошептал Тенро, прекратив сопротивляться. Мечи охотника упали на землю, а его руки бессильно повисли вдоль тела. — Я... я хотел забыть этот кошмар.

— Но ты и не догадывался, что настоящий кошмар это не те воспоминания, что тебе позволили сохранить, а то, что осталось в глубине твоей души. То, что до твоей смерти запечатывал эликсир! Ты должен был увидеть все это, когда умирал. Должен был понять, каким чудовищем был при жизни!

Взгляд Тенро потускнел, а на лице отразилось выражение ужаса.

Он вспомнил!

Вспомнил, как падал в пропасть вместе с телом наэрки. Вспомнил боль, смерть и рождение своей новой жизни. Вместе с этим, к нему пришла и правда.

Тенро вдруг разом осознал, что он совсем не такой, каким хотел и привык себя считать. Прошедший две войны, он даже не подозревал, в кого превратился. Забытые под действием эликсира вылазки, убийства сотен невинных, карательные рейды, казни и безжалостные расправы — вот для чего создавались "Черные стрелы".

Разведывательный отряд — не более чем прикрытия для настоящих убийц. Их тренировали, подсыпая в воду и еду яды, отравляющие сознание и тело, и лишаящие воли. Все, что помнил Тенро — всего лишь часть из настоящей войны, те воспоминания, которые ему позволили сохранить и где он выглядел честным солдатом, выполняющим свой долг перед королевством. Следы преступлений надежно запечатали в его памяти, чтобы навсегда скрыть их там.

— Нет... — Тенро рухнул на колени, закрыв лицо руками.

Он вспомнил, что узнал эту правду раньше. Перед самой смертью ему открылось все, и это знание свело человека с ума. Тогда разум охотника, отказываясь принять такую реальность, вновь скрыл ее. Он сам запечатал свои воспоминания, воспоминания убийцы, пусть и действующего не по своей воле.

Не желая принимать минувшее, Тенро отрекся от собственного прошлого и, когда он воскрес, то ничего уже не помнил. Так было до этого момента.

— Нет... — потерянно повторил Тенро, чувствуя, как слезы катятся по его щекам. — Я не хотел...

— Многие из нас не хотели, — сочувственно произнес Нортон, опускаясь на одно колено. — Нас заставили. Яд в крови превратил нас в тех, кем мы стали. Но ты получил второй шанс! Как и многие из нас! Просто прими себя таким и тебе сразу станет легче!

— Зачем? — прошептал Тенро, не поднимая взгляда от усталой туманом земли.

Этот туман уже забрал его слезы, превратив их в кристально чистые льдинки и теперь начал подниматься выше, чтобы поглотить человека.

— Почему меня не убили раньше?

— Ты не понимаешь? — удивился Нортон. — Когда началась война с измененными, тебя потеряли из виду. Тогда воины дохли как мухи, постоянно меняя отряды, а когда выяснилось, что ты отправился с первой экспедицией в Застывший лес, было слишком поздно, чтобы вернуть тебя обратно. Ты ведь вспомнил, чем кончился этот поход в земли туманов? Сколько людей и наэрцев навсегда остались там? Выжили единицы и ты в их числе. На твое счастье у всех хватало забот с этой войной, так что тебя просто отпустили... на время.

— На время? — Тенро поднял взгляд на Нортон и увидел, как тот улыбается. — Постой... откуда тебе все это известно? Ты же... ты же был тогда мертв!

— Ну, я бы так не сказал, — Нортон выпрямился и посмотрел на охотника сверху вниз. — Хотя, отчасти ты прав, я бы не знал многих подробностей, не Расскажи мне их барон Гирс.

— Гирс, — Тенро повторил знакомое имя.

— Наш создатель! Пророк великого Изменения! — с каким-то странным благоговением произнес Нортон, прикрыв яркие глаза. — Он искал тебя и нашел. Но, к сожалению, не смог сразу забрать тебя домой. Тогда он находился под пристальным вниманием Ищущих, а потом, когда все утихло, он послал за тобой.

— Послал за мной?

— Да. Он передал для тебя весточку, вместе с одним безногим пареньком, который жаждал мести и был готов на все, ради нее.

— Киран, — потрясенный Тенро назвал имя того, кто принес смерть в Зеленые поляны. — Это все ваших рук дело? Столько смертей...

— Люди умирали, и всегда будут умирать, — брезгливо поморщился Нортон, небрежно пнув лежавшую рядом отрубленную голову. Та сделала несколько оборотов и врезалась в колено охотника, уставившись на него потухшими глазами. — Тебе ли этого не знать?

— Вы... уничтожили мою семью, — прошептал Тенро, глядя в затянувшиеся пленкой глаза мертвеца.

— Теперь, мы твоя семья и всегда ей были, — Нортон развел руки, словно готовясь заключить Тенро в крепкие объятия. — Мы примем тебя обратно, чтобы вместе построить новый мир!

— Мир на крови, — Тенро встал и сделал шаг навстречу Нортону.

— Она послужит крепким основанием для наших планов! Все началось с крови, ей и закончится!

— Ты прав, — встав вплотную к Нортону, охотник заглянул в его глаза. — Но для тебя — все закончится здесь и сейчас.

Прежде чем не ожидавший такого ответа измененный успел что-то предпринять, Тенро ударил его лбом по носу, услышав, как хрустнули хрящи.

Схватив противника за запястья, охотник не позволил ему отстраниться, снова ударив головой и опрокинув бывшего сослуживца на землю. Нортон закричал, и туман вокруг сражающихся мужчин беспокойно заколыхался, порождая новых измененных, сразу же бросавшихся на Тенро.

Нортон попытался раствориться облаком тумана, но не смог выскользнуть из рук охотника, вновь приняв человеческий вид, когда пальцы Тенро сжали его горло. Спустя несколько мгновений, он прекратил кричать, с ненавистью уставившись на придавившего

его к земле мужчину.

— Пусть мы и похожи, — свободной рукой нашарив в тумане камень, Тенро занес его для удара. — Но я никогда не стану таким как вы!

Одним сильным ударом охотник разбил голову Нортон, и тело бывшего сослуживца безвольно обмякло. В тот же миг туман опал. Почти подобравшиеся к Тенро измененные рухнули на землю. Все они были мертвы, теперь уже — окончательно.

С трудом встав, Тенро огляделся и его взгляд остановился на трепетавшем чуть в отдалении тумане. Белые клочья не уходили и не приближались, они нерешительно парили за ближайшими деревьями.

— Ты — глупец, — глаза Нортон резко распахнулись, и он одним рывком вскочил на ноги. — Ты мог бы получить все, а что ты предпочел?!

— Мечь, — ногой поддев лежавший на земле меч, Тенро швырнул его в сторону Нортон, который легко уклонился от черного лезвия, пролетевшего рядом с лицом и вонзившегося в древесный ствол за спиной.

Проводив меч насмешливым взглядом, Нортон криво усмехнулся:

— Жалкая попытка. Так просто меня не... — измененный не смог договорить, так как сияющее серебром лезвие по рукоять вошло в его рот, обломав зубы, пронзив язык и выйдя из затылка.

— Смерть давно ждалась тебя, — прошипел Тенро, проворачивая рукоять оружия и глядя, как страшная рана начинает обугливаться от соприкосновения с зачарованной сталью. — И скоро я отправлю к ней остальных.

С этими словами охотник рванул клинок вверх, рассекая голову Нортон пополам.

Тело измененного с глухим звуком рухнуло к ногам Тенро и тот, без всякой брезгливости, склонился над ним, коснувшись рукой бледной шеи бывшего друга.

Сознание Нортон мутным, кровавым потоком хлынуло в разум охотника, и тот содрогнулся от омерзения — столько злобы и ненависти было заключено в воспоминаниях измененного.

Тенро увидел безумную погоню по темному лесу, когда преследователь гнался за ним облаком белого тумана. Но теперь, когда события разворачивались вспять, это выглядело иначе. Откатившись назад, сознание Нортон распахнуло ворота Сафраса, показав Тенро четверых мужчин.

— Две девушки. Ту, что младше — убить, вторую — рыжую — к хозяину. Не поднимайте лишнего шума. Сделайте все чисто и, возможно, великий Изменяющий благословит и вас. — Пока сознание Нортон воспроизводило речь мертвеца, Тенро жадно всматривался его глазами в лица четырех мужчин, запоминая даже мельчайшие детали.

— Мы будем ждать в условленном месте, — кивнул один из незнакомцев, чьи волосы были заплетены в две косы, лежавшие на мощных плечах.

На этом сознание Нортон умерло полностью и Тенро не смог больше ничего увидеть. Но этого и не требовалось — он узнал все, что хотел и даже больше. Пусть никто в видении и не произнес этого вслух, но разум Нортон хранил еще два слова — "Ночной гость".

Теперь, когда память вернулась к Тенро, он знал, что так называется небольшая таверна между южными и восточными воротами Сафраса. Когда-то Тенро с отцом был там...

Горькие воспоминания сдавили сердце охотника, но тот, встряхнув головой, отогнал их. Сейчас не время предаваться скорби, жизни Элисс и Хэли были в опасности.

Убрав руку с холодной шеи Нортон, чья кожа уже начала обугливаться из-за магии,

заточенной в клинке Ищущих, Тенро еще раз окинул взглядом тело бывшего товарища, после чего осмотрел себя. Они были примерно одного роста и схожего телосложения, так что охотник, не раздумывая, принялся расстегивать кожаные ремешки на длинном плаще мертвеца.

Его собственная одежда сильно пострадала от когтей измененных, а это могло привлечь ненужное внимание. К тому же, четверо мужчин, что должны были схватить девушек, не могли знать о смерти Нортонa, так что глубокий капюшон и чужая одежда могли пригодиться Тенро.

— Добрались, — шумно выдохнула Хэли, когда они с Элиссой остановились напротив огромных запертых ворот.

Девушка еще никогда не видела ничего подобного и, возможно, сейчас могла испытать куда больший восторг, если бы не обстоятельства, что привели ее к непреступным стенам. Стоило Хэли подумать об этом, как бешено бьющееся от длительного бега сердце, замерло в груди. Оглянувшись, она тревожно всмотрелась в темноту за спиной.

— Все с ним в порядке, — уверенно сказала Элисса, которой бег дался куда легче подруги.

Но, несмотря на то, что голос воровки звучал бодро, она, в глубине души, радовалась, что отвернувшаяся Хэли не видит ее лица, на котором отражался страх и беспокойство.

Элисса хорошо могла играть выдуманные роли, крайне редко переживая за кого-то кроме себя любимой. Сейчас же она, отчего-то, не могла совладать со своими чувствами. Даже радость от того, что они, наконец, добрались до Сафраса, отступала на второй план, перед гнетущей тяжестью в груди.

— Он выберется? — с надеждой спросила Хэли. Обернувшись, она наткнулась на неуверенный взгляд спутницы и, замолчав, опустила глаза.

Элисса, тоже, не нашла, что сказать. Она понимала, что воспитанница Скедосовой пустыни сейчас легко разгадает ложь, да и сама она, не смогла бы соврать, даже если бы захотела.

Удручающая тишина длилась недолго. Ее нарушил севший и грубый голос, прозвучавший с крепостной стены, окружающей Сафрас:

— Кто такие, чего надо?! — скороговоркой спросили сверху.

— Мы пилигримы, — не задумываясь, отозвалась Элисса, заранее выдуманная речь для стражников и теперь вдохновенно зачитывающая ее из своей памяти. — Паломниками мы посетили монастырь святого Скедоса и теперь возвращаемся обратно в столицу.

— Паломники? — недоверчиво донеслось сверху, и воровка поняла, что стражник спрашивает не у нее, а у кого-то сокрытого от взгляда за зубцами стены.

Этот кто-то неразборчиво пробубнил что-то в ответ и окликнувший девушек стражник гаркнул:

— Гурст, открой калитку!

За воротами что-то несколько раз щелкнуло, после чего в самом углу открылась небольшая дверь, из которой вышли еще трое стражников. Двое держали наготове взведенные арбалеты, а третий сжимал в руке факел, чьей пламя слабо трепетало на ветру.

— Давно вы покинули монастырь? — седовласый ветеран с испещренным морщинами лицом и внимательными глазами, подняв факел повыше, чтобы лучше разглядеть ночных гостей.

— Да, — изображая покорность, ответила Элисса, низко опустив голову. — По пути мы сильно заплутали, свернув с тракта не в том месте. Альтос послал нам суровые испытания, и моя сестра, — она указала на Хэли и та поспешно кивнула, — повредила плечо. Благо мы смогли выйти к деревне, и местные жители выходили нас, указав правильный путь.

— Видать Альтос сильно сомневался в вашей вере, раз так потрепал по пути, — хмыкнул один из солдат, но ветеран цыкнул на него и тот поспешно прикусил язык,

пробормотав извинения.

— На подступах к городу на нас напала стая бродячих псов... или волков, — смахнув с глаз слезу, дрожащим голосом произнесла Элисса, прижав к себе Хэли и незаметно шепнув ей:

— Подыгрывай.

Воспитанница Скедосовой пустыни, мелко закивала и трогательно шмыгнула носом, а воровка продолжила:

— Мы бежали от них через лес и, только милостью Отца нашего, смогли спастись.

Выражение лица у старого солдата было крайне недоверчивое, а его взгляд и того хуже — не сулил ничего хорошего.

Изучив изодранные лохмотья и усталые, грязные лица, седой ветеран нахмурился. Он вполне мог счесть девушек бродяжками или попрошайками и выставить вон, что он, кажется, и собирался сделать.

Неожиданно для Элиссы, уже обдумывающей запасной вариант, положение спасла Хэли. Осенив стражников знаменем Альтоса, девушка лучезарно улыбнулась им и произнесла:

— Спасибо, что открыли нам, да продлит Отец ваши дни. Мы и представить не могли, что будем делать посреди ночи и холода, если вернутся волки. Но Альтос слышал наши молитвы — мы увидели факелы во тьме и этот свет привел нас ко спасению. — Подойдя ближе, она легко коснулась руки ветерана и, склонив голову, добавила, — До конца наших дней, мы будем молиться о ваших душах.

Прежде чем солдаты успели хоть что-то сказать, Хэли без запинок начала читать молитву о здравии, не забывая дрожать всем телом и шмыгать носом.

— Береги силы, сестра, — приобняв девушку сзади, Элисса шепотом добавила: — Молодец, но не переигрывай. — Вслух же она произнесла:

— Мы не богаты, но готовы заплатить пошлину за вход в славный город Сафрас, — пока воровка шарила по поясу, ее руки показательно дрожали. — Нам главное попасть за стены, подальше от волков...

— Ну... это... — старый ветеран явно смутился и теперь в его взгляде проскользнула столь непривычная бывалому вояке жалость. — Не нужно денег, — он покосился на стоявших рядом стражников и те согласно кивнули, опустив арбалеты. — Вы можете войти, — смиростивился он, подумав, что городу, полному всякого отребья, не будет вреда от двух девушек, даже если они не те, за кого себя выдают.

— Сердечно благодарим вас, — поклонилась Элисса, молча порадовавшись тому, что в ее копилке облапошенных наивных мужчин прибыло. — Добрые дела угодны Альтосу и он никогда не оставит тех, кто творит угодные Ему поступки. — Она легонько подтолкнула старательно читающую молитву Хэли к двери.

— Мы, как верные слуги Альтоса, просто не можем не помочь нуждающимся, — закивал седой стражник. — Моя внучка прислуживает в центральном храме, и вы на нее похожи, — он почти с отеческой заботой взглянул на Хэли. — Пропустив девушку вперед, ветеран жестом попросил Элиссу приблизиться и спросил:

— Вы ранены. Хотите, мы позовем нашего лекаря?

— Нет, благодарю, но моя рана не представляет ничего серьезного, простой ушиб, — Элиссе вовсе не хотелось надолго задерживаться у ворот.

— Как пожелаете, — не стал спорить ветеран и понизил голос еще больше. — Я не

хотел говорить этого при вашей сестре, ее разум слишком юн и хрупок, что принять такое. Но вы должны знать — днем прибыл гонец с мрачными вестями.

— Каким же? — изобразив испуг и прикрыв приоткрытый рот узкой ладонью, спросила Элисса.

— Монастырь святого Склоса предан огню и мечу, — скорбно опустив взгляд, поведал ветеран. — Какие-то бездушные твари разграбили его. Солдаты прибыли слишком поздно. Мне жаль, но вы должны сообщить эту весть своей сестре... только как-нибудь помягче.

— Какой ужас, — закрыв лицо руками, Элисса покачала головой. — Мы с сестрой должны помолиться за покой для душ благих сестер, что верой и правдой служили Альтосу.

— Я вас понимаю, — серьезно кивнул ветеран. — Мои парни проводят вас до ближайшей приличной таверны, где вы сможете отдохнуть.

— Спасибо вам. Спасибо вам большое, — поблагодарила мужчину Элисса, оставляя его за спиной и, вместе с Хэли и двумя стражниками, уходя от ворот по пустынным ночным улицам.

* * *

Сафрас считался относительно спокойным городом, за исключением пары другой неблагоприятных районов, в которые лучше было не заходить без крайней нужды и после захода солнца.

В остальном же, город был не таким суетливым и шумным, как столица или Кирлинг, но и не тихим захолустным, как расположенные на отшибе королевства поселения. Жизнь здесь протекала тихо и мирно, переходя изо дня в день размеренным шагом, немного подгоняемая свежим речным ветром.

Оживленных места в Сафрасе насчитывалось всего два — базарная площадь да порт. Первая разве что не трескалась от людей — сюда приезжали жители окрестных деревень, чтобы продавать то, чем жили их поселения: шкуры, травы, мясо, молоко и разнообразные поделки наподобие плетеных корзин или ярко размалеванных выструганных из дерева игрушек.

В порт же ежедневно заходили торговые корабли и великое множество рыбацких лодок. Разумеется, местный порт ни в какое сравнение не шел с портом Кирлинга, но и сюда, бывало, заглядывали желающие продать редкий в этих местах товар.

И так вышло, что самыми неблагополучными оказались южный и западный районы Сафраса, где находили приют заезжие торговцы, случайные путники и бравые моряки, многие из которых любили выпивку и добрую драку.

Впрочем, желающих почистить карманы перебравших посетителей питейных заведений здесь водилось в избытке, и они непременно обратили бы внимание на двух припозднившихся девушек, не будь с теми пары городских стражников.

По мнению Элиссы глазевшие на нее мужчины в кирасах стражи не являлись искусными воинами, таких, как правило, не ставят в ночной караул на ворота. Но и этих провожатых хватило, чтобы таящиеся в подворотнях работники ножа и топора не покусились на столь соблазнительную добычу, в виде двух незащищенных девушек.

Иметь дело с городской стражей никому лишний раз не хотелось. Ведь если что-то произойдет с кем-то из гарнизона, то солдаты сразу же перевернут весь город вверх дном и не успокоятся, пока не повесят пару-тройку подозреваемых.

Сделав вид, будто поправляет растрепавшиеся из-за сильного порыва ветра волосы, Элисса украдкой взглянула назад. Пару раз ей чудилось, что она видит следующие за ними

тени и, как оказалось, предчувствие ее не обмануло — сзади, действительно, кто-то был. Кажется, несколько мужчин, но они стремительно нырнули за ближайший дом, когда шедший рядом с Элиссой стражник обернулся к воровке.

— Вы не устали? Небось, ноги-то, болят, — заботливо спросил мужчина, и от ЭлиССы не укрылось, как он жадно посмотрел на ее лодыжки, то и дело показывающиеся из-за разодранной одежды.

— Милостью Альтоса, мы еще держимся, — выдавив из себя благодарную улыбку, ЭлиССа плотнее запахнулась в драный плащ — взгляд стражника был ей не приятен.

— Тогда я бы предложил вам пройти дальше. Здесь поблизости нет достойных трактиров — одни забегаловки, типа "Ночного гостя" или "Яблонево́й бочки".

— Вот только ночных гостей нам не хватало, — пробормотала ЭлиССа так, чтобы никто ее не услышал. — И где же нам лучше остановиться? — немного громче спросила она.

— "Угольный кот" — хорошее место, — глухо отозвался второй стражник — опрятный гладковыбритый мужчина, доспехи на котором сидели так, будто он в них родился.

Этот человек явно гордился своей формой, поэтому она была тщательно подогнана по фигуре и блестела так, что отражала светившие на небе звезды и редкие, установленные на столбах вдоль дороги факелы.

— И правда! — Обрадовано подхватил другой мужчина. — И идти не так далеко и кормят там вкусно.

— Тогда мы, пожалуй, доверимся вашему вкусу, — потупилась ЭлиССа, снова украдкой посмотрев за спину.

Преследователи, если и не отстали, то затаились. Скорее всего, какие-то прохожие поняли, что здесь им ничего не светит, да убрались по добру, по здорову. У мелких разбойников кишка тонка тягаться со стражей.

Разумно промолчав о своих наблюдениях, девушка поравнялась с Хэли. Неудавшаяся монахиня сильно устала и с трудом переставляла ноги, но держалась молодцом. Хэли даже смогла выдавить из себя пусть и вымученную, но улыбку, когда ЭлиССа посмотрела на нее, ободряюще погладив по плечу.

Как и обещали стражники, идти пришлось недолго, хотя гораздо дольше, чем хотелось бы девушкам. В погруженном в ночь городе время тянулось медленно, с легкой ленцой и полудремой.

Какое-то разнообразие в темный пейзаж пустых улиц внес гроыхающий броней патруль. Солдаты издавали столько шума, что даже глухие воры могли слышать их с другой стороны города и заранее убраться с дороги гремящих стражей порядка. Да и шумели те, исключительно с такой же целью, так как интересовал их только лишь порядок, а вот в беспорядках они не нуждались и вовсе.

Видимо, усатый командир патрулю узнал солдат, что провожали девушек — когда те козырнули старшему по званию, мужчина скупо кивнул и повел своих людей дальше. Стальное эхо их шагов еще долго витало над городом, лишая горожан покоя и нарушая их сон.

Когда ЭлиССа и Хэли, ведомые стражниками, миновали две улицы, то на пересечении третьей и четвертой, между ровных домиков появился один чуть выше и шире остальных. Он имел освещенную факелами вывеску, на которой умелой рукой был нарисован упитанный черный кот с наглой физиономией и длинными усищами.

— Заходите, — распахнув перед девушками дверь, тот стражник, что бы более опрятен,

пропустил их вперед. Причем сделал он это, будто приглашал их к себе домой, а не в чужое заведение. — Поговори там с хозяйкой, чтобы разместила гостей, как подобает, — шепнул он проходящему мимо товарищу и тот кивнул.

Пока Элисса и Хэли с несчастным видом стояли в стороне, провожавший их стражник что-то втолковывал уже немолодой полной женщине. Та лишь молча кивала, изредка поглядывая на девушек, хмуря и без того морщинистый лоб.

Рядом крутилась вызывающе одетая девица со светлыми волосами и голубыми глазами. Она чем-то напоминала воровке ее спутницу, разве что эта представительница древнейшей профессии избрала совершенно другой путь, нежели воспитанная монахинями девушка.

— Ты ее знаешь? — шепотом спросила Хэли, проследив за взглядом Элиссы.

— Нет, — та покачала головой, подумав, что Хэли вполне могла быть на месте это шлюхи, если бы судьба распорядилась ее жизнью несколько иначе и нашли девочку не под окнами монастыря, а в какой-нибудь сточной канаве.

Неприятно пожившись, Элисса решила, что и сама она не избежала бы подобной участи, если бы не Мэлис.

— "Выходит, что не мне на судьбу-то жаловаться", — подумала воровка, вновь обратив внимание на заканчивающих беседу мужчину и женщину.

Когда стражник договорил, хозяйка таверны задала лишь один вопрос, который Элисса легко прочитала по губам:

— Платить-то, кто будет? — коротко, но очень весомо поинтересовалась женщина, оценивающим взглядом окинув замывшегося стражника.

— Э-э-э... — было видно, что мужчина смущен: ему одновременно хотелось и произвести впечатление на девушек и пойти на поводу у собственной жадности — не тратить на незнакомок свои кровно заработанные деньги.

— Ясно, — насмешливо хмыкнула хозяйка таверны. — Эй вы, — обратилась она к Элиссе и Хэли. — Сестрички-пилигримки, сможете заплатить за ночь? Обещаю сбросить цену, если помолитесь за меня. — Женщина беззлобно улыбнулась, отчего в уголках ее светлых глаз появились морщинки.

— Мы заплатим за комнату и еду, а так же не отказались бы от горячей воды и новой одежды. — Приблизившись, произнесла Элисса, и взгляд хозяйки таверны стал таким теплым, что мог бы растопить сугробы, если бы на дворе лежал снег.

— Все будет, милочки, — она достала из кармана ключ и протянула Элисса. — Третья дверь направо. Второй этаж. Ждите — все принесут. А ты, олух, возвращайся на службу, нечего от дел отлынивать. Давай-давай, проваливай. — С напускной серьезностью прикрикнула женщина на стражника, шутливо уперев руки в объемистые бока, туго обтянутые засаленным фартуком и разом став похожей на капитана какого-нибудь пиратского корабля.

Бормочущий проклятья мужчина откланялся и быстро, пусть и с нежеланием, покинул уютную залу, то и дело, бросая похотливые взгляды на подмигивающую ему едва одетую девушку. Поняв, что стражник не останется, та живо переключила внимание на сидящих за соседним столом мужчин, но те были настолько заняты выпивкой, что даже не посмотрели в ее сторону.

— Что, Лиз, не идут у тебя дела сегодня? — хмыкнула хозяйка таверны и скрылась за дверью на кухню, видимо, чтобы отдать какие-то указания.

Все это Элисса увидела уже поднимаясь по лестнице на второй этаж, следом за Хэли.

Теплая постель и еда сейчас интересовали воровку куда больше, чем происходящее в таверне. Вот если бы еще Тенро как-то дал о себе знать....

На душе у Элиссy скребли кошки, и она тяжело вздохнула. Это не укрылось от Хэли и та, обернувшись, взглянула на спутницу теплым и понимающим взглядом, в котором явственно читалось беспокойство.

Ужин прошел в гнетущей тишине. Девушки сидели за низким столом, заставленным вкусной и горячей пищей, но ни одной из них кусок не лез в горло. Единственными звуками в просторной комнате был едва слышимый треск пламени в светильниках, да журчание воды из небольшого закутка, где одна из служанок наполняла деревянную бадью горячей водой. Закончив, женщина подошла к столу и, вытирая мокрые руки о фартук, спросила:

— Не вкусно?

— Нет, что вы, — благодарно улыбнулась Хэли. — Все очень вкусно. Спасибо.

— Воду я вам набрала, полотенца и новая одежда лежат рядом. Платья простые, но удобные, должны прийтись впору, — служанка продолжала выжидающе смотреть то на одну девушку, то на другую, пока Элисса не положила в ее ладонь несколько монет.

Быстро взглянув на деньги, женщина собиралась вернуть часть воровке, но та покачала головой:

— Оставьте себе, в обмен на небольшую просьбу.

— Какую?

— Нас может искать мужчина... он... он наш брат, — Элиссy не смутил недоверчивый взгляд служанки и она продолжила: — Он молод, у него зеленые глаза и темные волосы. Носит два наэрских клинка и лук, если увидите — то ни с кем больше не спутайте.

— Хорошо, — деньги из ладони перекочевали в один из карманов служанки, и та быстро вышла из комнаты, чтобы довольно скоро вернуться с какой-то коробочкой.

Молча поставив ношу на стол, женщина откинула тускло сверкнувшую крышку и достала оттуда какой-то пузырек. Открыв крышку, она смочила мутной жидкостью чистый платок и, подойдя к Элиссе, сказала:

— У тебя рана на голове, позволишь?

— Благодарю, — слегка подавшись вперед и наклонив голову, воровка позволила служанке заняться ее раной. Кожу неприятно защипала, но Элисса стойчески стерпела.

— Вот и все, — женщина убрала пузырек и платок в коробку. — Это настойка из зеленого Лиаса, она выгонит заразу и поможет ране затянуться. Там у тебя ничего серьезного, даже зашивать не придется, до свадьбы само заживет. Ешьте и отдыхайте. Ежели чего еще понадобится — позовите. Доброй ночи.

Не дожидаясь ответа, женщина плотно закрыла за собой дверь и из коридора донеслись ее торопливые удаляющиеся шаги.

— Все ли с ним в порядке? — тревожно спросила Хэли, задумчиво возя деревянной ложкой в густой похлебке, к которой даже не притрагивалась.

— Все, — кивнула Элисса, невольно покосившись на плотно зашторенное окно, за которым уже царствовала ночная тьма. — Не переживай. Давай поедим и ляжем спать, а утром встретимся с Тенро.

— Я не голодна, — встав из-за стола, Хэли сбросила плащ прямо на пол. Она скрылась за неровным углом, и вскоре оттуда донесся тихий всплеск воды.

Элисса продолжила неподвижно сидеть на месте, глядя на беспокойное пламя в одном из светильников. Оно извивалось в странном танце, заставляя тени на стенах трепетать и

наполняя помещение уютным запахом и светом.

Поднявшись, воровка прошлась по комнате взад вперед, нервно теребя ножны со стилетом. Что-то кроме судьбы Тенро сильно беспокоило Элиссу, но она никак не могла разобрать что именно. Чутье, которому она привыкла доверять, сейчас буквально сходило с ума, отчаянно призывая девушку бежать куда глаза глядят и, желательно, не оглядываться.

Закусив губу, воровка подошла к двери и прислушалась — коридор ответил ей тишиной, только снизу доносились приглушенные стенами звуки и гул посетителей таверны. Простояв неподвижно несколько ударов сердца, Элисса бесшумно опустила засов и отвернулась от двери. Она быстро пересекла комнату, чтобы замереть у единственного окна.

Немного поразмыслив, девушка накрыла оба светильника колпаками, потушив игравшее в них пламя и, аккуратно отогнув края занавески, выглянула на улицу.

— Что-то случилось? — обеспокоенная тем, что в комнате стало темно, спросила Хэли.

— Пока нет, — неопределенно отозвалась воровка, разглядывая пустынную улицу, освещенную лишь луной и звездами.

Окна доставшейся девушкам комнаты выходили на дорогу, по которой они пришли к таверне. При желании можно было увидеть и крыльцо, что Элисса и сделала. Прильнув к теплой стене, девушка прижалась к ней щекой и привстала на цыпочки, чтобы увидеть ровный круг света, что создавали висевшие над вывеской факелы.

Однако все, что она увидела — несколько теней, судя по всему принадлежавшие тем, кто только что вошел внутрь таверны. Сердце воровки забилось быстрее. Казалось бы, что странного в том, что жители большого города решили пропустить по стаканчику и провести ночь в шумной компании?

Но предчувствие Элиссы твердило ей об обратном.

— Хэли, — отойдя от окна, Элисса развернулась так резко, что едва не врезалась в стоявший рядом стул.

— Что? — воспитанница Скелосовой пустыни уже стояла в комнате, застегивая пуговицы новой одежды, что продала им хозяйка таверны. Простое платье из грубой ткани сидело слегка свободно и делало девушку похожей на дочку какого-то фермера с окраин города.

— Собирайся. Быстро, — Элисса только наклонилась за своим плащом, как в дверь постучали. — Проклятье, — процедила сквозь зубы воровка, хватаясь за стилет. Нечто подобное уже происходило с ней не так давно и не привело ни к чему хорошему.

Стук повторился.

Подняв стул, воровка метнулась к двери и как раз собиралась подпереть им ручку, когда снаружи прозвучал тоненький голосок:

— Это Лиз, меня прислала Клара.

— Кто? — невольно переспросила Хэли и Элисса, возмущенно вскинув брови, гневно цыкнула на разом прикусившую язык спутницу.

— Служанка, что приносила вам еду. Откройте, быстрее. — Голос из-за двери дрогнул.

Элисса колебалась всего лишь несколько мгновений. Отставив стул в сторону, она одной рукой приподняла засов, другой тихо вытащила из ножен тускло блеснувший стилет.

Рывком распахнув дверь, воровка ухватила за плечо ту самую распутно одетую девицу, что ошивалась в основном зале и быстро втащила ее в комнату прежде чем та успела пискнуть.

— Вздумаешь плохо себя вести — убью, — серьезно пообещала Элисса перепуганной

гостье и та судорожно сглотнула, не сводя глаз с приблизившегося к лицу хищного острия.

— Я думала, пилигримы более кроткие, — с натянутой улыбкой пробормотала та, что носила имя Лиз.

— Зачем пришла? — Не убирая ножа от лица гостьи, Элисса свободной рукой закрыла дверь и опустила засов на место.

— Клара велела предупредить, что вас спрашивают какие-то странные мужчины. Сейчас они говорят с хозяйкой и, судя по тому, что Клара видела, как та взяла у них деньги, они найдут общий язык. Они... — за дверью послышались шаги и Лиз, вздрогнув, замолчала.

— Хэли, в окно! — Поняв, что нельзя терять времени, Элисса выпустила местную шлюху и локтем подтолкнула растерявшуюся спутницу. — Лезь! Быстро!

Подбежав к окну и сорвав занавеску, воровка отбросила ее в сторону. Быстро распахнув окно, она выглянула наружу.

— Тут невысоко, не разобьешься. Беги прочь, постарайся найти стражу. Расскажешь все, как есть.

— А ты? — подобрав длинную юбку и неуклюже забравшись на подоконник, Хэли расширившимися глазами посмотрела на воровку.

— Вдвоем нам не уйти, так что я постараюсь отвлечь их, а потом сброшу с хвоста и найду тебя.

— Но...

— Нет времени! Давай, я подрежу тебя за руку, — перегнувшись через подоконник, Элисса помогла спутнице вылезти наружу и опустила ее ниже, насколько хватало руки. — Готова?

— Я...

Элисса выпустила узкую ладонь Хэли как раз в тот момент, когда дверь в комнату сорвалась с петель и ввалилась внутрь, едва не придавив завопившую Лиз.

Испуганный крик девушки перешел в вопль боли, когда в ее плечо вонзился арбалетный болт. Еще один, точно такой же, просвистел рядом с Элиссой, врезавшись в подоконник и расщепив его.

Уворачиваясь от стрелы, воровка вынуждена была кувырком откатиться в сторону, а вернуться к окну ей уже не дал один из незваных гостей. Бандитского вида громила с обнаженным мечом заслонил собой почти весь оконный проем и медленно двинулся на воровку.

Один из его подельников зашел Элиссе за спину, а третий перезаряжал арбалет, придавив рыдающую Лиз ногой к полу.

— Эта здешняя шлюха, а не та девка! — рыкнул он, присмотревшись к бледному лицу распростертой на полу девушки.

— Сбежала, сучка, — сплюнул громила у окна, выглянув наружу. — А, Лойт ее перехватит.

Словно в ответ на его слова с улицы раздался громкий крик. Элисса вскочила, но едва не налетела на выставленный бандитом меч.

В этот же миг в дверях появилась хозяйка таверны:

— Мы так не договарива!..

Закончить женщине не дали. Вооруженный арбалетом бандит ударил хозяйку таверны прикладом по голове, и та повалилась на пол, замерев рядом с завопившей еще громче Лиз.

— Заткни ее, уже, а?! — Заслонявший окно громила подался в сторону, в то время как

его поделщик, стоявший за спиной Элиссы, бросился на нее сзади.

Ловко увернувшись от удара, воровка развернулась на пятках, полоснув стилетом по лицу потерявшему равновесие мужчины. Ударив бандита в правый бок, Элисса изо всех сил пихнула его на стоявшего у двери поделщика, который как раз наводил на нее арбалет.

— Не убивать! — рявкнул громила с мечом, широко шагая в направлении воровки.

Прежде чем он успел поставить ногу на пол, Элисса рассерженной кошкой подпрыгнула к мужчине, врезав ему коленом пониже живота и ударив стилетом сверху вниз. Движение вышло смазанным, и вместо бычьей шеи девушка попала бандиту в плечо.

В этот же миг Лиз очень удачно дернулась, задев ногами ступню удерживающего ее головореза, и тот с проклятьем на губах рухнул на пол, ударившись головой о дверной косяк. Бешено задержавшаяся девушка в попытках встать забила ногами по полу, случайно пнув арбалет.

Только чудом не выстрелившее до сих пор оружие, заскользив по полу, остановилось совсем рядом с Элиссой.

Это был шанс для воровки. Раньше она использовала бы его не задумываясь, но не теперь. Разорвавший ночное небо крик Хэли заставил Элиссу вздрогнуть и поступить так, как раньше она бы не сделала.

Девушка полоснула стилетом по вцепившейся ей в щиколотку руке и кувырнулась вперед. Подхватив арбалет она в два прыжка оказалась рядом с окном, по пути от души врезав прикладом по голове начавшему подниматься бугаю.

Времени у Элиссы оставалось очень мало, но она должна была сделать выбор и она его сделала. Вместо того, чтобы выпрыгнуть в окно и попытаться убежать, воровка замерла, тщательно прицелилась и, воззвав к своей удаче, нажала на спусковой крючок.

Арбалетный болт с шипением вспорол пропитанный ночной свежестью воздух. В мгновение ока преодолев расстояние до цели, он прошел тело стоявшего над упавшей Хэли мужчины насквозь. Пошатнувшись, тот начал заваливаться на спину, и изогнутый клинок выпал из его рук, звякнув о камне брусчатки.

— Беги! — крикнула Элисса парализованной страхом подруге и в этот же миг что-то твердое и тяжелое опустилось на ее затылок, и наступила тьма.

* * *

Тенро спешил. Окруженный туманом он буквально летел по ночному лесу одержимый одним лишь желанием — успеть вовремя. Теперь бывший разведчик знал, что именно он стал причиной, по которой погибли те, кого он мог назвать своей семьей. Понимая, что не в силах изменить прошлого, охотник сгорал от жажды мести. Она была настолько сильной и неуправляемой, что свела бы его с ума, если бы не одна мысль, серебряным источником бившая в его сознании — он должен спасти Элиссу и Хэли.

Тенро знал, что если с девушками что-то случится, то это будет целиком и полностью его вина и он боялся этого. Однажды он уже не смог помочь той, кто нуждалась в нем и теперь ее прах, вместе с прахом матери и брата навеки похоронены в подвале сгоревшего дотла дома.

Если он снова опоздает...

Охотник не мог даже представить, что случится с ним, если он с головой окунется в бездну отчаянья и тьма, навсегда поселившаяся в нем, возьмет верх. Если это случится, то для него уже не будет дороги назад в тот мир, что Тенро привык считать своим.

Теперь охотник стал задумываться — а в праве ли он вообще претендовать на место

среди людей? После того, что он совершил в прошлом ни один жрец, если бы узнал об истинном предназначении "Черных стрел", не пообещал бы никому из них прощения Альтоса.

Встряхнув головой, Тенро метнулся в сторону, огибая выросший из тьмы массивный ствол старого дерева. Задумавшись, он потерял контроль над происходящим и, кажется, начал двигаться медленнее. По всему телу охотника вязкой волной растекалась усталость, сковывая его и уговаривая остановиться.

— Нет, — сквозь зубы прорычал Тенро. — Я должен успеть. Хотя бы в этот раз! Должен!..

Деревья начали все быстрее и быстрее бросаться на охотника из темноты, а их ветви больно хлестали его по лицу, рукам и груди, но он лишь сильнее сжимал зубы и продолжал бежать.

Желание защитить теперь небезразличных Тенро людей стало настолько сильным, что сомнения и страхи отступили перед ним, потерявшись где-то в глубинах подсознания. Движимый одной лишь целью, мужчина вдруг осознал, что больше не чувствует не только боли от хлестких ударов ветвей, но земли под ногами.

Удивленно посмотрев вниз, охотник не увидел ничего кроме тумана, неистовой волной несущегося через беззвучный лес. Силы стремительно покидали следопыта, но замаячившие перед глазами стены Сафраса придали ему решимости.

Тенро не стал размышлять о том, что преодолеть такое расстояние за столь короткое время может разве что птица. Не задумывался он и о природе открывшейся ему силы, ведь если она поможет добиться цели, то неважно, какую цену придется за это заплатить. Если изменившим его духам понадобится кровь, то он прольет ее столько, сколько нужно.

Что-то просвистело совсем рядом и арбалетный болт, пройдя сквозь бесплотное тело Тенро, вонзился в сокрытую туманом землю. Со стены донеслись встревоженные голоса, но охотник не обратил на них внимания. Он лишь мельком взглянул на бледное лицо стражника, сжимающего арбалет в трясущихся руках.

Куда больше Тенро занимали ворота. Огромные и неприступные они преграждали ему путь и, в какой-то момент, Тенро едва не замер в нерешительности. Но чутье само подсказало дорогу.

Обострившимся зрением охотник отчетливо увидел крохотные щели вокруг небольшой калитки в самом углу одной из створок и даже ощутил, как через них с тихим шелестом проходит легкий ночной ветерок.

Отбросив здравый смысл, охотник вытянулся всем своим телом, словно сорвавшаяся с тетивы стрела, нацелившись на крохотную щель. На мгновение свет факелов померк, окружающие звуки стихли и, проскользнув какой-то узкий коридор, Тенро вдруг оказался за крепостными стенами.

Ворота остались за спиной, а им на смену пришла ровная вымощенная камнем дорога и дома, стоящие в отдалении от крепостной стены, охватывающей город.

Со стен доносились обеспокоенные крики, но Тенро, не слушая их, проскользил над дорогой и, петляя между домами, растворился в ночном городе.

Где-то за его спиной слышался чей-то суровый голос:

— Ты чего орешь и стреляешь, недоумок?!

— Там... там туман, капитан! — попытался оправдаться молодой мужчина. — Туман налетел на ворота и... растворился.

— Где? Нет ничего ни здесь, ни за воротами.

— Но ведь был же!

— Ты опять пьяный что ли?! Сейчас пойдешь у меня уборные драить, недоносок! Меньше пей и спи на службе и не будут тебе кошмары с перепоя мерещиться. Марш на пост и чтобы тихо у меня!

Голоса стихли.

Когда охотник решил, что достаточно хорошо запутал следы, он, наконец-то, позволил себе расслабиться. Тело и разум уже отказывались выносить безумную нагрузку, так что выбора у Тенро не было. Шумно выдохнув, он оперся руками на стену ближайшего дома и с удивлением увидел свои подрагивающие пальцы.

Быстро оглядев себя, мужчина с облегчением вздохнул — тело вновь стало нормальным, а окружавший его прежде туман стремительно развеивался ночным ветром и только несколько рваных клочьев все еще стелились под ногами, плотно прижимаясь к земле.

Сделав пару неуверенных шагов, Тенро, едва сдержав вздох, вновь прильнул к стене всем телом, чтобы не упасть — ноги почти не держали. Накатившая внезапно волна слабости захлестнула охотника с головой, и он ощутил во рту металлический привкус. Коснувшись пальцами губ, он вытер сочащуюся из носа кровь.

Несколько раз глубоко вдохнув и медленно выдохнув, Тенро ощутил как в голове у него начало проясняться. Земля под ногами, наконец, перестала кружиться и пытаться уронить его.

— К такому надо привыкнуть, — прохрипел Тенро, ощутив боль в пересохшем горле.

Несколько мгновений охотник просто стоял на месте, прислушиваясь к своим ощущениям. Стоит отметить, они показались довольно странными и непривычными. Тенро чувствовал, как возвращаются силы и ослабленное недавно тело наполняется энергией, правда, он все еще оставался довольно слаб. Неизвестно, сколько времени потребуется на полное восстановление.

Сделав осторожный шаг вперед, охотник убедился, что относительно твердо стоит на ногах и, постепенно ускоряясь, направился к своей цели. Теперь, когда память вернулась, он знал, где находится место, выбранное четверкой наемников и Нортонем для встречи.

Таверна "Ночной гость" представляла из себя ту еще дыру, где постоянно ошивался всякий сброд. Вполне подходящее место для душегубов, готовых на все ради денег.

— "Мне ли судить их? Я тоже убивал невинных. Только не ради денег, а слепо выполняя приказы. Да и вряд ли в этом городе есть кто-то, кто смог забрать жизней больше, чем я", — проскользнувшая в сознании Тенро мысль уколола его раскаленной иглой, оставив после себя неприятный привкус горечи и досады.

Но было в ней что-то, заставившее охотника задуматься — а нет ли поблизости еще кого-нибудь из его сослуживцев. Сколько из них смогли вернуться с того света, подобно незнающим покоя мстительным призракам, подобным ему самому?

— Сколько бы не было. Я убью всех, кто встанет на моем пути, — сам себе сказал охотник, сжав кулаки. — Я не отступлю. Никогда.

Мужчина уже собирался продолжить путь, как вдруг его привлек странный запах. Одновременно знакомый и манящий, он настораживал охотника, щекоча его ноздри и навевая множество воспоминаний, которые нельзя было назвать приятными.

Обостренные чувства Тенро отчетливо говорили, что где-то пролилась кровь, причем кровь не одного человека, а нескольких.

Скрипнув зубами, охотник оглянулся в ту сторону, откуда ветер услужливо принес навязчивый запах. Случайность ли это? Едва ли в таком относительно спокойном городе как Сафрас, может посреди ночи произойти что-то подобное.

Но остался ли этот город таким, каким помнил его охотник? Что если время и войны изменили его, наводнив страхом и бесчестием? На темных улицах вполне могла произойти стычка местных банд, не поделивших территорию. Вряд ли кто-нибудь из жителей осмелится высунуть нос на улицу, чтобы посмотреть, что происходит.

Сейчас Тенро чувствовал пролитую кровь, принадлежавшую четверем, а то и пяти разным людям. Еще он ощущал страх — вязкий, словно сотканная пауком паутина и цепкий, как его тонкие лапы, он ядом пропитывал ночной воздух.

Понимая, что это может быть обычным совпадением, Тенро колебался. Если сейчас он сделает неправильный выбор, то это может стоить жизни Элиссе и Хэли. Следовало хорошо все обдумать, но время являлось как раз тем, чего охотнику сейчас крайне не хватало.

Если он хотел спасти девушек, то необходимо действовать. Но как?

Разорвавший ночь испуганный девичий крик мигом разрушил удерживающие Тенро оковы нерешительности. Он сразу же узнал голос Хэли и, резко развернувшись, бросился на заставивший его сердце забиться быстрее звук.

Охотник успел сделать лишь несколько шагов, когда Хэли закричала еще раз — пронзительно, отчаянно и... обреченно. Ее крик бичом подстегнул Тенро и тот почувствовал, как тело становится почти невесомым.

Теперь он уже не бежал по темным улицам Сафраса. Он скользил по ним облаком белого тумана, стремительно расползавшегося вокруг. Выбрасывая вперед сотканые из белоснежного, почти непроницаемого дыма щупальца, Тенро цеплялся ими за камни брусчатки, стены домов и деревья, ускоряясь еще больше.

Приглушенные ночью краски смазались, дома стали размытыми пятнами, а звезды превратились в вытянутые серебристые полосы. Голова охотника закружилась, но он смог взять себя в руки. Решимость помогла преодолеть слабость и время, казалось, замедлилось еще сильнее.

Несмотря на то, что Тенро очень быстро двигался вперед, он видел происходящее, будто неспешно прогуливался по ночному городу.

Прозвучавший слева крик был коротким и сдавленным, но бил Тенро по ушам целую вечность. Скользящее по улицам облако тумана выбросило вперед сотканые из дыма отростки, уцепилось ими за углы близко стоящих домов и, резко вильнув в сторону, скрылось в узкой щели между постройками.

* * *

Хэли бежала прочь, не разбирая дороги. Ее лицо все еще обжигала кровь пробитого арбалетным болтом бандита. Она заливала девушке глаза, щипала губы и мешала дышать.

Не успевшие высохнуть волосы Хэли растрепались и прилипли к лицу, но она даже не думала о том, чтобы поправить их. Плечо и спину терзала боль от двух порезов, что успел нанести ей преследователь, прежде чем Элисса убила его.

Вспомнив крик подруги, Хэли заплакала. Слезы, и так не перестающие течь из ее голубых глаз, хлынули из них с новой силой, слепя девушку. Голос Элиссы все еще звучал в ее ушах, но она убегала прочь.

Проклиная себя за слабость, воспитанница Скелосовой пустыни всей душой желала помочь спасшей ей жизнь воровке, но заставляла себя убегать. Элисса велела это сделать, и

Хэли не посмела послушаться. Одна она ничем не сможет помочь подруге, но если удастся найти стражу, то все будет хорошо.

Поначалу девушка пыталась стучать в калитки ближайших домов, но сразу ей никто не открыл, а ждать она не могла.

Стоило подняться на ноги, после смерти преследовавшего ее бандита, как ему на смену пришел новый. Хэли видела, как какой-то громила с двумя косами ударил Элиссу рукоятью меча по голове и, что-то крикнув кому-то внутри комнаты, выпрыгнул в окно, бросившись за беглянкой.

По шее бандита текла кровь, но это не мешало ему быстро догнать Хэли. Утомленная дорогой, девушка не могла долго бежать и лишь чудом дважды едва не споткнулась и не упала на землю.

Затылком, ощущая тяжелое дыхание преследователя, Хэли кричала, умоляя кого-нибудь помочь ей, но темные окна домов остались равнодушны к призывам.

Плечо обожгло болью. Собиравшаяся свернуть в ближайшую подворотню Хэли, не устояла на ногах и, все таки, рухнула на холодные камни, больно ударившись. Она не успела встать, как кто-то ухватил ее сзади за волосы и прижал к земле. Рывком, развернув свою жертву, громила оскалился, заглянув в полные страха глаза жертвы.

— Заставила ты меня побегать, — шумно выдохнул он, обдавая девушку зловонным дыханием и демонстрируя ей свои гнилые зубы. — Поэтому, прежде чем убить, я тебя накажу.

Хэли попыталась закричать, но мужчина зажал ей рот рукой, придавив своим телом и легко подмяв под себя. Отчаянно сопротивляясь, Хэли укусила нападавшего за палец и смогла крикнуть еще раз.

Но то был крик обреченности и отчаяния, а не просьба о помощи. Тяжелый кулак, опустившийся сверху, заставил девушку замолчать, выбив из ее груди весь воздух, а заткнувшая рот пахнувшая кровью ладонь, не давала снова вдохнуть.

— Сучка! Сейчас ты у меня...

Мужчина не смог закончить свою угрозу.

Расширившимися от ужаса глазами, Хэли смотрела, как позади бандита невесть откуда взявшееся всколыхнулось облако белого тумана. Оно метнулось вперед, приподняв громилу над землей и пронзив его грудь двумя тугими струями, будто клинками.

Вопль боли и удивления застыл на искривленных маской смерти губах бандита и тот бессильно обмяк, повиснув в воздухе и едва касаясь ногами земли.

С замиранием сердца, Хэли наблюдала, как туман рассеивается, принимая форму одетого во все черное человека. Высокие сапоги частично скрывал длинный черный чуть ниже колен кожаный плащ с множеством ремешков и пряжек.

Еще не видя лица своего странного спасителя, Хэли узнала два лезвия, сейчас хищно выглядывающих из груди едва не убившего ее бандита. Серебристый клинок, чья чистота не была осквернена кровью и ониксовое лезвие, жадно впитывающее каждую каплю густой алой жидкости.

Тело мертвого мужчины дернулось и, повинувшись движению удерживающего его навесу человека, соскользнула с мечей, упав в придорожную канаву вниз лицом.

— Ты в порядке? — склонившись над девушкой, спросил Тенро.

— Ты жив! — вместо ответа Хэли прижалась к помогающему ей подняться мужчине, вцепившись в него, словно утопающий в обломок доски.

— Где Элисса? — оглядев девушку с головы до ног, охотник убедился, что та не получила серьезных ран, хотя ту что на плече следовало побыстрее обработать.

— Они! Они забрали ее! — вздрогнув, Хэли схватила охотника за руку и потащила за собой, но тот остановил девушку.

— Я знаю, куда они ее забрали.

— Тогда поспешим!..

— Нет. — Жестко и непреклонно возразил Тенро. — Ты ранена и это может быть слишком опасно.

— Но я должна! — Хэли вновь сделала попытку освободиться от удерживающего ее охотника, но тот этого не позволил. — Я хочу помочь!

— Ты и поможешь, — Тенро прислушался и его обостренный слух донес приближающийся лязг доспехов — где-то рядом проходил отряд стражников. — Вот, — убрав клинки в заплечные ножны, Тенро достал из колчана стрелу и протянул ее Хэли.

— Что... — девушка недоуменно смотрела, как не только древко, но и наконечник с оперением, меняют свои естественные цвета на угольно-черный.

— Слушай и запоминай, — быстро начал говорить охотник. — Сейчас ты пойдешь к стражникам. Не спорь! — Одернул он девушку, открывшую было рот, чтобы возразить. — Ты выйдешь к ним и попросишь проводить тебя к ищущим.

— Но они же, — глядя в неестественно яркие глаза мужчины, Хэли хотела предостеречь его, прекрасно понимая, что Тенро и сам знает, как Ищущие обходятся с такими как он.

— Не перебивай, — дернул головой охотник. — Времени мало. Как только увидишь кого-нибудь из ищущих, расскажешь им все. Если не поверят — покажешь стрелу и скажешь, что тебе ее дал тот, кто выжил в Зеленых полянах. Назови мое имя. Если они все еще будут сомневаться, то скажи, что одна из них, девушка по имени Кира, подтвердит твои слова. Еще можешь назвать имя Митр — это брат Киры — ищущий, который погиб в Зеленых полянах. Потом скажи им, что в происходящем замешан барон Гирс. Поняла?

— Да, — Хэли кивнула, осторожно взяв черную стрелу из рук мужчины. — Но что делать, если стражники не захотят вести меня к ищущим?

— Поверь мне, — Тенро мрачно улыбнулся. — Скорее всего, тебе даже не придется их уговаривать. Только подожди немного, мне нужно кое-что сделать. — С этими словами, охотник стянул с правой руки перчатку и двинулся к лежащему неподалеку мертвецу.

Хэли не поняла, что происходит, но когда глаза Тенро загорелись еще сильнее, чем раньше, ей стало не по себе. Чувство беспокойство многократно усилилось, когда труп едва не убившего ее бандита, вдруг дернулся от прикосновения Тенро и медленно начал подниматься.

Сердце едва не выскочило из груди Хэли, когда в глазах покойника начал разгораться яркий огонь...

* * *

Сарт не переставал печально вздыхать, то и дело глядя на далекие звезды, бесчисленной серебристой россыпью раскинувшиеся над городом, чей покой он оберегал вот уже больше четырех десятков зим.

Сейчас, посреди ночи, все мысли уже немолодого ветерана были о теплой постели да паре стаканчиков хорошего наэрского вина перед сном. Со дня на день он ждал приказа о собственной отставке и неустанно молил Альтоса, чтобы это случилось как можно скорее.

Сарт, по-своему личному мнению, был слишком стар, чтобы носиться по знакомым с

детства улочкам Сафраса сломя голову. Он не желал погибать в погоне за очередным воришкой или еще каким бандитом, которых, за последние пару лет, развелось огромное количество.

Некогда спокойный и тихий город все больше напоминал капитану стражи выгребную яму, копать в которой он не имел ни малейшего желания. Пусть всякими сектантами, насильниками и убийцами занимаются те, кто помоложе. Это им нужно выслужиться, а сам Сарт свое уже отслужил. Он доказал и всем и самому себе, что достаточно послужил королевству и по праву достоин отправиться на покой.

— Скорее бы, — мечтательно буркнул Сарт, поправляя свой шлем. — А! Твою-то мать! — в сердцах выпалил он, когда услышал чей-то крик.

Отряд Сарта патрулировал северо-западную часть города, а кричали явно откуда-то с южной. Старик уже не раз слышал этот крик, но не переставал надеяться, что те, кому доверена другая часть года, наконец-то пошевелят своими ленивыми задницами и разберутся, кому это приспичило орать посреди ночи.

Но, то ли тамошний начальник патруля не желал ничего слышать, то ли его ребята находились на другом конце вверенной им территории, но крики не прекращались.

По-правде сказать, Сарт, стоило ему первый раз услышать чей-то вопль, сразу же направил своих людей на звук, как и призывал его сделать устав, за годы службы заученный до дыр. Но это не мешало мужчине до последнего надеяться, что сослуживцы успеют разобраться с происходящим раньше, чем он доберется до границ вверенных ему территорий.

Однако этого не случилось. Повторившийся в очередной раз крик прозвучал где-то поблизости и Сарт обреченно вздохнул.

— Ладно, ребятки, давайте глянem, кому там не спится, — прокряхтел капитан стражи, покрепче сжав рукоять тяжелой алебарды. — Дован со своими, наверняка, опять разнимает какую-то мразь в очередном кабаке и ему опять не хватает людей, чтобы приглядывать еще и за портом. Подсобим, так сказать, братьям по оружию.

Отряд стражи отозвался на призыв капитана без особой радости. Им всем не очень-то хотелось идти в неблагополучные районы города из своих обжитых и тихих территорий. Но приказ есть приказ — стражники последовали за Сартом, проклиная злодейку судьбу и тех, кто вздумал заниматься неведом чем в столь неподходящее время.

Рассчитывая увидеть каких-нибудь пьяных матросов пристающих к местным шлюхам, стражники очень удивились, когда из подворотни на них выскочила испуганная юная девушка в окровавленной одежде, а по пятам за ней бежал... настоящий измененный! Огромный, с яркими глазами клыками и длинными когтями на скрюченных пальцах, он двигался длинными прыжками в клубах белого тумана.

— Что б меня!... - выдохнул идущий первым Сарт, когда незнакомка юркнула за его спину, умоляя о помощи.

Старый ветеран был не робкого десятка но, пожалуй, что опешил бы перед измененным, если бы не крик девчушки. Стоило закаленному воину услышать напуганный дрожащий голос, как желание служить и защищать, когда-то ярко горящее в его сердце, вспыхнуло с новой силой.

Широко шагнув вперед, Сарт с хаканьем опустил тяжелую алебарду на выскочившего из тумана измененного и одним ударом опрокинул того на спину, перебив плечо.

— Давайте! — гаркнул Сарт, всем весом навалившись на древко оружия и стараясь

удержать извивающегося измененного на месте. — Быстрее! Здоровый гад!

Очнувшиеся от шока стражники вмиг обступили порождение тумана, поднимая оружие. Измененный бандит выдержал несколько первых ударов и даже сумел поцарапать пару человек, но вскоре был изрублен буквально на куски, ошалевшими от страха и собственной храбрости стражниками.

Хэли с содроганием смотрела на кровавую расправу, но мелькнувшая на крыше тень вдруг привлекла ее внимание. Подняв взгляд, девушка увидела Тенро, который опустил свой лук и, подмигнув ей ярким глазом, скрылся из виду.

Только сейчас Хэли поняла замысел охотника. Поначалу, когда оживший мертвец бросился за ней, она не знала что и думать. Потом, когда девушка осознала, что стоявший рядом Тенро не спешит ей помогать, она не выдержала и бросилась бежать.

Она и подумать не могла, что измененный загоняет ее словно дичь, выводя на отряд стражи. О том, что Тенро все это время следует за ней по крышам, Хэли не догадывалась. Он не бросил ее и в любое мгновение готов был помочь, если что-то пойдет не так.

У Хэли словно камень с души свалился и она едва смогла скрыть облегченную улыбку. Впрочем, та и сама сползла с лица, когда девушка задумалась, как именно охотник смог вернуть к жизни мертвеца, да еще и этот туман, из которого он появился чтобы спасти ее.

— Ты как? Нормально? Эй!

Задумавшаяся девушка не сразу поняла, что тот самый старик, за чьей спиной она спряталась от преследовавшей ее твари, теперь обеспокоено смотрит на нее и трясет за плечи.

— Да, — поспешно закивала Хэли, вспомнив о своей задаче.

Представив, как вела себя в подобных случаях Элисса, девушка попыталась повторить испуганные интонации и манеру поведения воровки.

— Спасибо вам! Я думала уже что умру, когда это существо вдруг выскочило из тьмы и напало на меня! Сам Альтос послал вас мне на помощь!

— Лучше бы он послал ищущих, — нервно хмыкнул один из солдат.

— А и то верно! — спохватился Сарт. — Мирк, бери Харна и Пакра, и бегите к ищущим. Живо! Ведите их сюда!

— Будет сделано! — трое стражников вытянулись по струнке, после чего сорвались с места, убегая выполнять приказ.

— А ты, девочка, не бойся, — Сарт хотел погладить Хэли по плечу, но только сейчас заметил раны на ее теле. — Верро, — он резко обернулся. — Давай в ближайший дом, пусть готовят теплую воду и полотенца. У нас раненная! — Снова повернувшись к Хэли, Сарт сунул свою алебарду кому-то из солдат и, бережно поддержал девушку. — Держись. Мы тебя подлатаем, а там расскажешь все ищущим. Они скоро придут. Просто скажешь им, как все было, и мы проводим тебя домой. Хорошо?

— Да, — вымученно улыбнувшись, кивнула Хэли.

— Вот и славно! — обрадовался старый солдат. Его страх прошел и теперь он ощущал лишь бодрость и духовный подъем от содеянного, что расценивал не меньше чем настоящий подвиг. — А я еще ничего, — улыбнулся в усы Сарт. — Еще могу! Может рановато мне в отставку-то?

Окружавшие капитана солдаты рассмеялись, и никто из них даже не обратил внимания на сломанную пополам черную стрелу, что сжимала в руке Хэли.

Едва выйдя за порог таверны "Ночной гость", Тенро ударил по ни в чем неповинному периллу, перебив довольно толстую доску пополам. Ошибки быть не могло — воспоминания Нортон и того верзилы, что гнался за Хэли говорили одно и то же — после похищения, наемники и бывший сослуживец Тенро должны были встретиться именно здесь.

Но хозяин этой дыры заверил охотника, что никто из четверых мужчин, что снимали две комнаты на верхних этажах, еще не вернулись, а никого похожего на Нортон он и вовсе не знает.

Существовала вероятность, что похитители еще не успели добраться до места встречи, но Тенро не очень-то на это надеялся. По дороге к таверне он подстрелил из лука нескольких ночных птиц, кружащих над городом, но глаза ни одной из них не видели никого из тех, кого искал охотник.

Сейчас он не мог двигаться с прежней скоростью, так как потратил слишком много сил на то, чтобы успеть на помощь Хэли. Кроме того пришлось еще поднять измененного, который помог осуществить план по вовлечению ищущих.

Неизвестно, как Нортон мог управлять небольшой армией — Тенро хватило и одной послушной куклы, чтобы вымотаться так, будто он бежал марш бросок с полной выкладкой. Но, в любом случае, приобретенная способность могла пригодиться и в будущем. Хотя это едва ли одобряют ищущие.

Тенро понимал, что подписал себе смертный приговор, решив просить помощи у тех, кто без раздумий убивает всех, чьи глаза ярче, чем у обычных людей и наэртцев. Но он не мог рисковать жизнью Элиссы, в отличие от своей собственной.

Бывший разведчик далеко не всемогущ и не знает, сколько людей выставит против него противник. Если план сработает и ищущие отвлекут на себя основные силы барона Гирса, то Тенро сумеет вызволить Элиссу, если та, разумеется, еще жива. Поначалу он рассчитывал перехватить похитителей девушки, а потом разобраться с бароном, пока тот будет занят мыслями о том, как отвести от себя Ищущих.

Но теперь план охотника рушился прямо на глазах — обнаружить ни девушку, ни бандитов ему не удалось. На месте встречи их, также, не оказалось. Значит, придется импровизировать.

Коснувшись нагрудного кармана, охотник почувствовал тепло лежащей там фигурки. Если она так нужна Гирсу, то он поменяет ее на жизнь Элиссы. А дальше...

Что будет дальше, Тенро не знал. Возможно, барон согласится на сделку, но сможет ли Тенро с девушкой уйти от него живым? На мгновение охотник даже пожалел, что не отдал фигурку Хэли, чтобы та передала ее жрецам. Но теперь сожалеть об этом было уже поздно. Следовало срочно что-то предпринять.

Эта неопределенность нисколько не радовала Тенро. Первой его мыслью было вернуться в таверну и выбить из нахального усача всю спесь вместе с правдой, но внутреннее чутье подсказывало Тенро, что ему не соврали.

Пока охотник размышлял, как ему поступить дальше, из-за двери у него за спиной выскользнул поджарый тип с рассеченной старым шрамом бровью. Когда Тенро расспрашивал хозяина таверны, этот мужчина сидел в самом темном углу и пил пиво, изредка поглядывая на охотника и прислушиваясь к тому, что он говорит. Он не понравился

Тенро сразу, как только тот его заметил, но охотник нарочито громко говорил с усатым хозяином "Ночного гостя", чтобы почти все в зале слышали его слова и видели ту золотую монету, что он пообещал любому, кто сможет ему помочь. Как выяснилось — ждать пришлось недолго.

— Я слышал, что вы, господин, ищите четырех мужчин, разговаривавших с еще одним в одежде, похожей на вашу. У меня острый слух и ваш разговор с хозяином этой помойной ямы не ускользнул от меня. — Заискивающе улыбаясь, начал говорить незнакомец и Тенро кивнул. — Я вообще многое слышу. Возможно, я кое-чем смогу вам помочь. Но золотой... — последовавшая многозначительная пауза красноречиво намекнула охотнику на то, чего хочет вызвавшийся помочь ему мужчина.

— Сколько ты хочешь? — отрывисто спросил Тенро.

— Два золотых, — не задумываясь, выпалил тип и его глаза алчно сверкнули. Он разве что не пустился в пляс, когда охотник, не раздумывая, ответил ему быстрым кивком.

— Ты их получишь.

— Тогда прошу за мной, господин, — проблеял потирающий сухие ладони мужчина и первым начал спускаться с невысокого крыльца, прихрамывая на левую ногу. Когда он понял, что Тенро не последовал за ним, то обернулся, косо взглянув на охотника, и прошептал:

— У нас тут не любят доносчиков, господин. Не хочу, чтобы кто-то начал болтать обо мне лишнее. Давайте отойдем немного в сторону, где не будет лишних ушей.

Не говоря ни слова, Тенро двинулся следом. Вместе с незнакомцем он обошел таверну, миновал задний двор и, пропетляв между небогатых домиков, остановился в темной подворотне.

— Довольно. Говори здесь, — потребовал Тенро, когда его проводник попытался увести его еще дальше.

— Можно и здесь, — пожал плечами мужчина.

Он и сам не понял, чем выдал себя, но, когда неожиданно и резко развернулся, выбрасывая вперед руку с ножом, то вспорол лишь ночной воздух. Разом прекратив сутулиться и прихрамывать мужчина бросился на успевшего отступить Тенро и в его свободной руке мелькнул второй клинок.

Охотник отступил еще на шаг и едва не напоролся на короткий меч, которым попытался ткнуть его второй нападавший, неожиданно выскочивший из-за угла.

Но Тенро немногим ранее смог услышать торопливые шаги за спиной. Двое бандитов ловко работая в паре, молниеносно наступали на охотника, зажав его в узком пространстве и не давая времени даже вытащить мечи.

Когда узкое лезвие вошло Тенро в плечо, тот схватил недавно хромящего проводника за руку, не позволяя ему достать оружие из раны. Ударом ноги, оттолкнув того, что с мечом, охотник с удовольствием отметил, как неизвестный с силой впечатался в стену головой. Что-то треснуло и тело убийцы осталось лежать неподвижно, с неестественно выгнутой шеей.

— Последний шанс ответить на мой вопрос, — прорычал Тенро, свободной рукой поймав второй кинжал прямо за лезвие.

— Да пошел ты, — вытащив нож из ладони Тенро, будто из ножен, мужчина ударил охотника в бок и сразу же отскочил.

Щелкнул арбалет и в грудь Тенро вонзился арбалетный болт. Скрипнув зубами, он начал заваливаться на спину, чувствуя, как нож еще дважды вошел в тело. Когда охотник

растянулся на холодной земле, то тот, кто собирался рассказать о Элиссе, ударил его грязным сапогом по лицу и сознание Тенро помутилось.

Он пришел в себя довольно быстро. Точнее сразу, как только услышал, как рядом с ним кто-то спрыгнул с крыши.

— Отличный выстрел, — хриплый голос принадлежал мужчине, что завел Тенро в ловушку. — Нортон будет доволен. Кстати, чего вы так долго-то?

— Пришлось все переиграть. Нортон мертв и хозяин велел отправляться с девкой сразу к нему.

— По тоннелю?

— Да. Парни уже спустились в подвал, а я, как только впустил их, поспешил за вами и, как видишь, не зря. Как Шел?

— Этот ублюдок оказался шустрее, чем я думал. Может из ищущих? — судя по звуку и ощущениям, первый бандит плюнул Тенро в лицо. — Теперь он мертв.

— Как и вы оба, — прошипел охотник, открывая ярко зеленые глаза.

Прежде чем не ожидавшие ничего подобного убийцы успели удивиться, Тенро рывком вскочил на ноги и одним хлестким ударом перебил арбалетчику горло. Мужчина с противным хрипом рухнул на колени.

Вырвав из ослабевших рук перезаряженное оружие, охотник в упор выстрелил первому убийце в ногу и тот, заорав, упал на землю. Перехватив разряженный арбалет, Тенро ударом приклада проломил опустившемуся на колени стрелку голову, после чего отбросил оружие в сторону.

— Тварь! — просипел мужчина с простреленной ногой, силясь подняться.

Когда Тенро шагнул к нему, то убийца ловко оттолкнулся от пола, метнув в охотника сразу два своих ножа. Один из них вонзился Тенро в плечо, другой попал бы в горло, но охотник успел вскинуть руку и лезвие, пробив почти затянувшуюся ладонь насквозь, замерло.

— Да кто ты такой?.. — пораженно прошептал убийцы, птясь от наступавшего на него мужчины.

— Твоя смерть, — в тон ему ответил Тенро.

Вырвав из ладони нож, он подбросив его в воздух и ловко поймал оружие за удобную рукоять, метнув в ногу попытавшейся убежать жертве.

Бандит с криком второй раз за несколько мгновений рухнул на землю, но встать самому у него уже не получилось. Взяв мужчину за горло, Тенро одной рукой поднял его, прижав к стене. На глазах у дрожащего убийцы, охотник медленно достал из плеча кинжал, и рана почти сразу начала затягиваться.

— Ты вряд ли так сможешь, — с не предвещающей ничего хорошего улыбкой произнес охотник, глядя в расширившиеся глаза прижатого к стене бандита и видя в них свое собственное отражение, а точнее два ярко зеленых огонька.

— Не... убивай, — прохрипел неудавшийся убийца, силясь разжать хватку удерживающего его охотника, и безостановочно колотя ногами по воздуху. — Я скажу тебе... скажу, где вход в тоннель!

— Я и так это узнаю, — Тенро разжал пальцы и одним быстрым движением перерезал не успевшему упасть мужчине горло. — Хороший нож. Не теряй. — С этими словами он вонзил клинок в сердце его владельца, пригвоздив того к стене и, стянув перчатку с руки, коснулся побледневшего лба мертвеца, чьи глаза бессмысленно пялились в одну точку.

Как Тенро и думал, от того, кто завел его в ловушку, после смерти толку оказалось не много, а если точнее — столько же, сколько и при жизни. Все что охотник смог увидеть его глазами — пьяные лица посетителей "Ночного гостя". А единственным чувством мужчины была похоть, когда он беззастенчиво паялся на прелести служанок.

Его подельник со свернутой шеей не мог похвастаться тем же — он долгое время сидел на чердаке ближайшего здания, присматривая за входом таверну. А вот третий бандит, арбалетчик с раздробленной головой, оказался куда полезнее своих дружков. Его глазами охотник увидел неприметный домик неподалеку от того места, где он сейчас находился.

Прежде чем чужой рассудок потух, Тенро заметил двух мужчин, в которых сразу же узнал тех, с кем ранее говорил Нортон. Один из них нес на плече связанную Элиссу. Кажется, девушка была без сознания. По крайней мере, Тенро на это рассчитывал, иначе, зачем наемника нести мертвое тело, да еще и связанное по рукам и ногам и с кляпом во рту.

Перед тем, как воспоминания мертвеца рассеялись окончательно, охотник увидел неясную тень. Кажется мужчина, высокий и бледнокожий, в надвинутой на глаза шляпе, едва показался и сразу же пропал. Но этого хватило Тенро, чтобы понять, кто именно сказал наемникам о смерти Нортон.

Пусть он и не смог разглядеть лица, но был уверен, что видел одного из бывших сослуживцев, вернувшегося с того света. Много ли еще "Черных стрел" заступят ему дорогу? Ответа на этот вопрос Тенро не знал, он и не слишком-то интересовал охотника. Количество не имело значения, и кто бы ни встал на пути, он не отступит.

Потеряв интерес к трупам, Тенро огляделся, пытаясь понять, откуда в него прилетел арбалетный болт, попутно вытаскивая его из груди. Боль, ослепила яркой вспышкой, но быстро отступила, оставив после себя приятную прохладу и легкое пощипывание.

Найдя взглядом то место, где он находился в момент выстрела, Тенро ловко запрыгнул на покачнувшийся под его весом забор, перескочив оттуда на крышу ближайшего дома. Посмотрев сверху вниз на место схватки, охотник убедился, что стреляли в него именно отсюда.

Безошибочно определив нужное направление по чужим воспоминаниям, все еще живущим в его памяти, Тенро пробежал по крыше, легко перескочив на соседнюю, и перепугав сидящего возле дымовой трубы кота. Животное, чьи зеленые глаза в темноте светились куда слабее, чем глаза Тенро, с шипением подскочило на месте и в мгновение ока исчезло из виду, зашуршав кустарником где-то внизу.

Сейчас охотник не мог тягаться с котом в скорости — раны и усталость давали о себе знать. Силы, конечно, возвращались — пролитая недавно кровь пришла по нраву изменившим тело Тенро духам. Но, охотник решил беречь силы. Что-то подсказывало, что они еще понадобятся.

Стоило бывшему разведчику подумать об этом, как черепица под его ногой лопнула и он едва не сорвался вниз, лишь в последний момент оттолкнувшись и успев зацепиться рукой за край следующей крыши.

Подтянувшись, охотник забрался наверх, содрав кожу на ладонях. Поморщившись, он продолжил путь, перескакивая одно препятствие за другим до тех пор, пока не увидел нужный ему дом, с неприметной покосившейся дверью и ветхим забором вокруг.

Внимание Тенро сразу же привлекла пара нищих, больше похожих на матерых головорезов, сиротливо сидящих на крыльце. Лук, казалось, сам прыгнул в руку хозяина. Едва одна стрела нашла свою цель, как вторая, эхом повторив короткую песнь, по оперение

вошла в глаз не успевшему ничего понять мужчине.

Два трупа почти одновременно повалились один на другого. Соскочив с крыши, охотник вскинул оружие, выстрелив в узкую щель, образованную слегка приоткрывшейся дверью. Кто-то отрывисто вскрикнул, и дверь сразу же захлопнулась. Но это не спасло того, кто за ней прятался.

Подскочив вплотную, Тенро всадил ониксовый клинок в дерево и тот легко пробил незначительную для себя преграду, жадно впившись в плоть того, кто стремился укрыться по другую сторону.

Охотник отступил на шаг, и дверь со скрипом распахнулась, под тяжестью навалившегося на нее тела. Когда Тенро вытащил клинок, больше не удерживаемый им мужчина свалился на пол.

Равнодушно переступив через мертвеца, охотник сразу же сместился влево, так как арбалетный болт едва не вошел ему в голову. Не давая прячущемуся внутри стрелку перезарядить оружие, Тенро бросился на него.

Отбросивший арбалет наемник в рукопашной сражался не хуже, чем стрелял. Он встретил натиск охотника крепким щитом и в стремительной контратаке чуть не раздробил ему колено тяжелой булавой.

С кошачьей грацией увернувшись от удара Тенро отпрыгнул на стену, оттолкнулся от нее ногами и, оказавшись за спиной у растерявшегося противника, вонзил серебристый клинок ему между лопаток.

Скоротечный бой завершился.

Оглядевшись, Тенро не увидел ничего, кроме каких-то коробов, стола со стульями и голых стен. Вход и выход в дом был только один. В очередной раз, стянув с руки перчатку, охотник коснулся убитого противника и почти сразу же выпрямился, направившись к противоположной стене. По дороге он сдвинул два стула и перевернул третий.

За стеной что-то щелкнуло и она, дернувшись, сместилась в сторону, открывая узкий каменный коридор, уводящий куда-то вниз. Из памяти павшего противника, Тенро знал, куда ведет этот путь и что к нему примыкают и другие.

Воспоминания мертвеца не сказали охотнику лишь об одном — а точнее о двух измененных, бросившихся на него из темноты едва он углубился в подземный ход.

Тенро отшатнулся, но одна из тварей все же успела достать его — плащ на груди вспороли следы от когтей, слегка царапнувших кожу. Но измененные не стали развивать своего успеха. Вместо этого они замерли на месте, тщетно пытаясь дотянуться до ускользнувшей в последний миг жертвы, разеваая клыкастые пасти.

Подойдя ближе, Тенро увидел стальные ошейники, охватывающие тощие шеи. От них к стенам тянулись массивные цепи, удерживающие измененных.

— Верные сторожевые псы, — презрительно прошептал охотник, вытаскивая из ножен полыхнувший серебром клинок.

При виде зачарованного оружия, порождения тумана попятились, но цепи не позволили им избежать смерти. Всего лишь два точных удара и Тенро прошел мимо дымящихся обмякших тел.

Темное естество, которым наградили охотника духи, радостно затрепетало, приветствуя новые жертвы, и щедро поделилось с мужчиной своей силой. Раны на теле Тенро начали затягиваться быстрее, а сам он почувствовал себя бодрым и отдохнувшим. Полным сил, чтобы убивать.

С трудом охотник смирил разбушевавшуюся жажду крови и взял себя в руки, запечатав яростное безумие в глубине души. Ведь стоило ему пойти на поводу у чужой воли, и он больше никогда не станет прежним.

Шепот, звучавший из глубины сознания охотника, уговаривал его принять себя таким, каков он есть. Уговаривал поддаться застилающей взор ярости, а взамен получить безграничную силу и мощь, чтобы расправиться с любым противником. Голоса обещали забрать боль и подарить лишь удовольствие, прогнать печали и оставить лишь радость. Но охотник знал, что все это ложь.

— Никогда, — прошептал Тенро, и голоса смолкли.

Но надолго ли?

Встряхнув головой, охотник отогнал подступившую тошноту и заставил себя двигаться вперед. Каждые несколько десятков шагов на него набрасывался очередной прикованный к стене измененный, спустя несколько мгновений умирающий от удара сверкающего клинка. Но даже смерть собственных порождений радовала безумных духов — они принимали ее как подношение, в обмен, даря Тенро частичку своей силы.

Мимо охотника проносились входящие в основной тоннель коридоры, тянущиеся сюда со всех уголков города. Раскинувшееся под Сафрасом подземелье, стало прибежищем для измененных. Живущие на поверхности люди, даже не догадывались, что скрывается под их домами.

Секты Великого Изменения, подобно гигантскому пауку широко раскинули свои лапы, охватив, возможно, не только Сафрас, но и остальные города королевства. И, если они развились до таких масштабов, то не стоило большого труда догадаться, что за ними стоят весьма влиятельные люди. Размышляя об этом, Тенро все глубже погружался в подземный мир и вскоре услышал шум воды.

Сразу за ближайшим поворотом, охотник обнаружил узкую реку, стремительно несущую свои воды в неизвестном направлении. Рядом находилась небольшая пристань с тремя местами для лодок, однако ни одной из них сейчас не было.

Несмотря на то, что он не знал, хватит ли у него сил добраться до конца тоннеля или же он рухнет в воду на полпути, Тенро не колебался. Сорвавшись с места, он прыгнул в бурлящую реку. Но, вместо того, чтобы провалиться под воду, мужчина обратился облаком белого тумана, заскользив над шумным потоком, почти касаясь поднимающихся над ним брызг.

Восприятие охотника снова изменилось, как будто время замедлилось для него и ускорилося для всего остального. Обгоняя водяные потоки, он неслся вперед по ровному тоннелю, слабо вилявшему то влево, то вправо. Постепенно каменный потолок начал опускаться все ниже, но потом неожиданно резко взвился ввысь, выводя Тенро в большой грот, чей потолок был усеян острыми каменными шпилями, свисающими едва ли не до воды.

Подземная река вильнула в сторону, огибая пристань и покачивая на волнах три пришвартованные тут лодки, после чего скрывалась в широкой трещине, продолжая свой путь где-то в каменных недрах.

Облако тумана взвилось выше, бесшумно пролетело над лодками и, на мгновение, зависнув над пристанью, нацелилось на стоящих в стороне людей. Трое мужчин сидели на обтесанных временем и завывающим тут ветром камнях и громко разговаривали, чтобы усиливающийся здесь поток не заглушал их слова своим рокотом.

Один из неизвестных запоздало вскинул голову, видимо почувствовав неладное, но было

слишком поздно — туман метнулся к нему и прямо из рваных клочьев выскочил человек с горящими зелеными глазами. Сформировавшийся из белоснежного дыма, он на лету пронзил тело даже не успевшего вскрикнуть мужчины двумя клинками и, смял его своим весом, упав сверху.

Услышав, как хрустнула под его ногами грудная клетка, Тенро оттолкнулся от мертвого противника, в красивом сальто перескочил через одного из его подельников и одним ударом обезглавил второго наемника. Так и не успев до конца вытащить из ножен короткий прямой меч, тот свалился на камни, а его голова, отскочив от них, свалилась в бурлящий поток.

Третий сторож этого места, попятился назад. Он как раз развернулся, чтобы убежать и раскрыл рот для испуганного крика, но так и не успел сделать ни первого, ни второго — брошенный охотником меч, черным вороном рванулся вперед и вонзился мужчине между лопаток, высунув окровавленный клюв-острие из груди.

Не останавливаясь, Тенро вытащил оружие из тела поверженного врага и быстрым шагом направился к единственной двери, выглядящей нелепым вычурным пятном на необработанной каменной стене грота.

Блики факелов, закрепленных прямо в трещинах, плясали на гладкой поверхности позолоченной двери. Лишенная ручек, она выглядела прочной и неприступной и открывалась только с обратной стороны.

Приблизившись, Тенро дважды ударил в дверь рукоятью меча и криво усмехнулся, услышав раздающиеся с обратной стороны тихие шаги. Как и рассчитывал охотник, спустя несколько мгновений на уровне его глаз, словно появившись ниоткуда, открылось узенькое окошко, в которое можно было просунуть разве что лезвие клинка...

Безупречное острие наэрского меча хищно скользнуло в узкую щель, и с обратной стороны двери донесся удивленный вскрик, перешедший в неразборчивое бульканье. Вытащив клинок, Тенро мельком посмотрел, как ониковое лезвие жадно впитывает кровь.

Кто-то за дверью закричал и, судя по звуку шагов, побежал прочь.

— Сегодня ты напьешься вдоволь, — пообещал Тенро мечу и тот ответил ему исходящим от рукояти жаром нетерпения.

Отступив на несколько шагов, охотник прыгнул вперед и, обратившись белым туманом, нырнул в так и не закрывшуюся смотровую щель. Как только преграда осталась позади, вместе с распластавшимся на полу в луже собственной крови мужчиной, Тенро принял свою обычную форму, оглядев длинный и прямой коридор.

Освещенный горящими в каменных нишах свечами тоннель тянулся настолько, насколько хватало глаз, постепенно уходя все выше. В неровном свете мельтешившую далеко впереди фигуру было сложно разглядеть, но для охотника это не было проблемой. Убрав клинки в ножны, он взял в руки лук, привычным и отработанным движением положив на тетиву, вмиг почерневшую стрелу.

Вскинув оружие, Тенро затаил дыхание и, разжав пальцы, выпустил на волю запевшую в воздухе черную смерть. Превратившийся в размытый силуэт беглец вдруг споткнулся и растянулся на полу, больше не шевелясь.

Но охотник не спешил убирать лук, пристально наблюдая за коридором. Он ощущал здесь чье-то присутствие. Поэтому, когда из трещин у пола начал струиться туман, Тенро не удивился. Где-то впереди что-то лязгнуло, будто открылась стальная решетка, и тоннель заполнился едва различимым звуком шагов. Они постепенно ускорялись и их количество росло.

Не двигаясь с места, Тенро выпускал во тьму одну стрелу за другой, слушая, как в шуме шагов раздаются глухие удары мертвых тел о каменный пол. Очень скоро стрелы кончились, и охотник с сожалением убрал лук, взявшись за клинки. Подавшись вперед и отведя руки с оружием за спину, он рванулся с места, побежав вперед с удивительной для человека скоростью.

С толпой измененных Тенро встретился, когда почти добежал до застреленного им наемника. Тот, кстати говоря, как раз пытался подняться. Недавний мертвец рывком вскочил с пола, поворачиваясь к своему убийце и впиваясь в него взглядом своих ставших удивительно яркими глаз.

Измененный наемник оскалил клыки, когда серебристое лезвие со свистом рассекло воздух и, пройдя между верхней и нижней челюстью, раскроило голову создания тумана. Не успел окончательно мертвый измененный рухнуть на пол, а Тенро уже вступил в бой с его сородичами.

Несмотря на то, что поднятые туманом покойники выглядели уже почти разложившимися, а их одежда давно превратилась в грязные обрывки тряпья, двигались они очень быстро и ловко. Эти существа не шли ни в какое сравнение с тварями, в которых Нортон обратил деревенских жителей, натравив их на Тенро.

Обитатели подземных катакомб были гораздо сильнее и проворнее, а их длинные, почти в локоть когти, могли поспорить в прочности и остроте с мечами.

Обезумившие от голода и жажды крови, твари бросились на Тенро и, даже когда половина из них пала от черных стрел охотника, оставшиеся измененные не утратили боевого пыла. Заполняя собой почти и весь коридор, они двигались к Тенро длинными скачками, отталкиваясь не только от пола, но и от стен и потолка.

Так поступил и сам охотник. Прежде чем нанести первый удар, он прыгнул на стену, оттолкнулся от нее ногами и прямо в воздухе обезглавил первого из противников. Приземлившись в плотном, постоянно сжимающемся кольце врагов, Тенро снова атаковал первым. Описав широкую дугу, его мечи впились в гнилую плоть, круша трухлявые кости и разбрызгивая кругом ледяную черную кровь.

Пусть охотник и сражался в привычной для себя манере боя наэрских воинов, но теперь он не замирал ни на мгновение. Все его движения были неувимыми, безупречно выверенными и невероятно сильными — светлый и темный клинки мелькали то с одной, то с другой стороны. Вырвавшимися из клетки птицами они взмывали к потолку и обрушиваясь вниз с яростью снежной лавины. Там где луч серебра создавал ровные разрезы и обугливающиеся ожоги, ониксовая гладь вспарывала плоть, оставляя после себя ужасные раны и жадно впитывая каждую каплю крови.

Подобно набирающему силу урагану, Тенро двигался все быстрее и быстрее. Расходуя силу, он получал ее еще больше за каждого противника, что падал к его ногам. Получая богатое жертвоприношение души, поселившиеся в душе охотника, воздавали ему с троицей в мрачной надежде получить еще больше крови и смертей.

Темным жнецом Тенро двигался сквозь плотную толпу измененных, оставляя за своей спиной лишь обугленные и обезображенные тела и неумолимо продвигаясь к своей цели. Плавные движения воина стали более резкими и скупыми. Теперь, когда он обрел свое прошлое убийцы, что так старался забыть, к нему вернулись и бывшие навыки. Изящное фехтование наэрцев сменилось безжалостным мастерством опытного убийцы — никаких лишних движений, один удар — один труп.

Бой был кровавым, жестоким и скоротечным. Спустя всего лишь несколько мгновений пол вокруг Тенро устилали дымящиеся тела измененных, и во много раз больше их осталось лежать за его спиной.

Сам охотник, хоть и остался на ногах, получил множество ран, некоторые из которых мгновенно убили бы обычного человека. Обернувшись, Тенро увидел, как его кровь, алыми пятнами выделяющаяся на черном от крови измененных полу, стекается в одно место. По каплям объединяясь в тонкие нити ручейков, она стремилась обратно к хозяину, бесшумно скользя, словно извивающиеся красные змейки.

Достигнув сапог охотника, его кровь потекла по ним вверх, возвращаясь в уже затягивающиеся раны, от которых оставались лишь бледные рубцы.

Больше не задерживаясь, Тенро продолжил путь. Он уже видел впереди еще одну дверь, так же лишенную ручек, как и ее предшественница. Подойдя к ведущим к ней ступеням, охотник увидел темные ниши, выточенные в камне по обе стороны от себя. Сейчас они пустовали, но задранные к потолку ржавые решетки красноречиво намекнули Тенро, кто ранее скрывался за ними.

Стиснув рукояти мечей, охотник скрипнул зубами. Все эти игры в кошки мышки начинали его порядком раздражать. К тому же, его не покидало чувство, что все здесь знают о незваном госте, но продолжают упорно разыгрывать какой-то заранее подготовленный сценарий.

Убрав серебристый клинок в ножны, Тенро прошептал:

— Хотите поиграть? Хорошо.

Где-то на середине скользких от влаги ступеней, Тенро перестал касаться их ногами и облаком тумана врезался в прочную позолоченную дверь. Сорвав преграду с массивных петель и смяв, будто лист бумаги, он протащил ее вперед, разбрасывая стоящих в проходе людей.

Щелкнули арбалеты, но их снаряды беспрепятственно прошли сквозь дым, никак не навредив охотнику. Сам же он, остановившись, швырнул смятый лист металла в стрелков, услышав перед оглушительным грохотом их вопли.

Что-то острое вонзилось в бок Тенро и он, развернувшись, схватил за горло напавшего на него со спины мужчину. Приподняв извивающуюся жертву над землей, охотник пронзил ее живот ониксовым клинком, видя в угасающих глазах отражение покидающей тело жизни.

Тенро разжал пальцы, но убитый им мужчина, вместо того, чтобы упасть на пол, неожиданно встал на ноги. В его глазах заплескали зловещие зеленые огоньки и он, спустя мгновение, бросился на опрокинутых натиском Тенро, но теперь поднимающихся товарищей.

Опередив созданного им измененного всего на несколько шагов, охотник пригвоздил к стене опирающегося на нее наемника, сотворив еще одного подвластного себе солдата. Почувствовав, как к нему подкатила волна слабости и тошноты, Тенро понял, что армии ему не создать, но и два измененных вполне смогут сдерживать стражей этого места на какое-то время.

Отвернувшись от разгоревшейся схватки, Тенро только сейчас обратил внимание, что находится уже не в какой-то пещере, а в подвале, чьи стены выложены диким камнем, а с левой стороны тянутся полки с покрытыми толстым слоем пыли бутылками.

Выход из подвала был только один, и он находился сразу за помятой дверью, придавившей троих арбалетчиков, чьи поломанные конечности сейчас торчали из-под

окровавленного металла.

Быстро взбежав по скрытым богатым ковром ступеням, Тенро оказался в пустой комнате какого-то дома. Судя по обилию роскоши, это был едва ли не дворец и явно принадлежал кому-нибудь из знати.

— Барон Гирс, — змеей прошипел охотник, озираясь вокруг.

Сейчас он больше всего на свете жаждал появления новых противников, на которых мог бы выместить свою злость и ненависть. Ему хотелось залить мраморный пол кровью, а головы врагов сложить у подножий изящных статуй-колонн, поддерживающих высокий потолок. Тело охотника затрясло, и он поспешно взял себя в руки, чтобы не потерять контроль над собственным рассудком.

— Я здесь не за этим, — с усилием сказал он сам себе, смирив бушующий в душе вихрь гнева.

Слабое движение у дальней стены привлекло внимание Тенро, и он вовремя успел увернуться от стрелы, что высекла искры из колонны за его спиной, едва не попав в точно голову.

Стрелявший, не долго думая, швырнул в охотника разряженным арбалетом и бросился бежать. Ринувшийся вдогонку охотник, едва не налетел на острия тяжелых пик, которыми его встретили трое наемников на входе в соседнюю залу.

По-кошачьи извернувшись, Тенро отбил смертоносное острие, всего лишь на дюйм разминувшись с другим и, не дожидаясь удара третьего одним прыжком взвился под самый потолок. Сделав сальто, он оттолкнулся ногами от украшенного лепниной свода, ястребом упав на опешивших от столь неожиданной атаки людей.

Воины даже не успели поднять пики, когда смерть уже оказалась за их спинами, принеся с собой боль.

Первый пикинер умер еще до того, как ноги Тенро коснулись земли — одним ударом охотник раскроил ему череп. Второй противник, тоже, не смог оказать достойного сопротивления и умер мгновением позже, отчаянно пытаясь зажать рассеченное горло, из которого толчками выливалась густая кровь, неумолимо просачиваясь сквозь сведенные предсмертной судорогой пальцы.

Третий пикинер попытался дать Тенро отпор и в неожиданном выпаде смог поразить его своим оружием точно в грудь. Но победоносная улыбка быстро сошла с побледневшего лица, когда Тенро соскользнул с окровавленного острия, небрежным ударом серебристого клинка отбив его в сторону.

Неуверенно попятившийся стражник не смог выдержать неистового напора охотника, пав под безжалостными ударами наэрских клинков.

Встав над поверженными врагами, Тенро увидел, что все трое одеты в одинаковые одежды — легкий кольчужный доспех и темно синие плащи. Стало быть, теперь ему противостоят не просто наемники и головорезы, а частная охрана борона Гирса.

Эта мысль никак не повлияла на Тенро. Теперь, когда он четко определил свою цель, ему было все равно, кого убивать — простых бандитов, измененных или даже солдат королевской гвардии — любой, кто встанет на его пути очень скоро об этом пожалеет.

Звуки боя, доносящиеся из покинутого охотником подвала, стихли, и сменились громким топотом. Значит, пара созданных Тенро измененных пала. Прислушавшись к собственным ощущениям, он, действительно, почувствовал, как часть его силы слабым эхом вернулась обратно, покинув тела созданных им тварей.

Тенро повернулся к входу в залу но к нему так никто и не вышел. Топот поспешно отдалялся и вскоре стих. Значило ли это, что наемники убежали по тому тоннелю, по которому он пришел в это место? Тенро даже не стал об этом задумываться — из всех, кто сейчас находился здесь, его интересовала лишь одна жизнь — жизнь Элиссы.

Прикрыв глаза, Тенро неторопливо втянул носом пропитанный кровью воздух и почувствовал, как слегка металлический привкус пьянит его. Полностью отдавшись своим инстинктам, охотник ощутил десятки бьющихся сердец где-то в глубине дома, но лишь одно билось куда быстрее остальных.

Распахнув свои горящее зеленым огнем глаза, Тенро решительно двинулся в том направлении, откуда до него до сих пор доносился тревожный стук сердца которое, как он надеялся, принадлежало Элиссе.

Проходя мимо одного из окон, Тенро мельком заметил, что за ним темно. Учитывая, что он спустился в подземный проход ночью, охотник не придал бы этому значения, если бы не одно обстоятельство — темнота за окнами стояла абсолютная. Не было видно ни звезд, ни призрачного лунного света, ни, даже, бликов фонарей.

Подойдя к гладкому стеклу, вставленному в дорогую раму из красного дерева, Тенро увидел за ним толстые решетки. Но куда более странным он нашел не их, а то, что за ними находилась сплошная каменная стена.

Прильнув к окну, Тенро не увидел ничего, кроме грубых стен пещеры, плотно прилегающих к особняку. Подбежав к другому окну, он не увидел ничего нового — все тот же камень.

Испуганный женский крик заставил охотника вздрогнуть всем телом и обернуться в ту сторону, откуда до него донесся голос Элиссы. Понимая, что его заманивают в ловушку, Тенро все равно спешил на зов. Он слышал, как девушка, раз за разом повторяет его имя и не мог медлить.

Миновав еще одну комнату, охотник, перескакивая сразу через несколько уходящих вниз ступеней, начал спускаться по какому-то коридору, что вывел его в пустую залу.

Перешагнув порог, Тенро заметил над головой поднятую сейчас решетку и проворно отскочил назад. Однако острые зубцы остались неподвижны, замерев под самым потолком.

Тенро уже начал всерьез задумываться над тем, чтобы поискать какой-то обходной путь, но прозвучавший совсем близко крик Элиссы вдребезги разбил его осторожность. Перемахнув через порог, Тенро быстро пересек пустую залу, облаком тумана проскользнул между прутьев новой, преграждающей ему путь решетки и, оказавшись за ней, врезался плечом во вполне обычную дверь.

Сорвав очередную преграду с петель, бывший разведчик увидел перед собой совсем не вычурные залы, украшенные чучелами зверей, картинами и статуями. Он оказался в хорошо освещенном идеально ровном круге золотистого песка, окруженном гладкими каменными стенами и накрытым сверху каким-то прозрачным куполом, за которым находились десятки людей с восхищением и жадным азартом смотревших на него.

Но все внимание охотника было приковано к хрупкой девичьей фигуре, что стояла точно в середине странной подземной арены, в окружении четырех волков, чьи глаза полыхали жадной крови. Одно из созданий тумана прыгнуло на Элиссу, но та успело кувырком уйти в сторону, избежав мощных челюстей.

Извернувшись, воровка полоснула ножом по шее волка, но рана вышла слишком незначительной, чтобы хоть как-то навредить измененному существу.

— Тенро, забери тебя туман! — зло и отчаянно выкрикнула Элисса, обращаясь, видимо, к потолку, так как именно туда был устремлен ее взгляд. — Почему ты не спасаешь меня, идиот!

Не зная, что и думать, после такой своеобразной реплики, охотник под возбужденный гомон зрителей бросился на помощь девушке.

Первый волк умер даже не успев обернуться. Он попросту не услышал шагов приближающегося противника, так как ноги Тенро не касались пола. Взившись в воздух, охотник приземлился прямо на волка, пригвоздив его к полу пробившими голову мечами.

Ближайшая тварь, зарывав, бросилась на Тенро, тогда как две другие предпочли разделаться с менее опасной добычей.

Не дожидаясь атаки волка, охотник первым бросился на него, и огромное животное в этот же миг вытянулось в прыжке. Однако Тенро и не думал прыгать навстречу. Подогнув ноги в коленях, он заскользил по песку вперед, проехав под брюхом твари и распоров ее поджарый живот. Не останавливаясь, он успел как раз вовремя, чтобы ударом ноги отбросить опрокинувшего Элиссу волка и вонзить меч в оскаленную пасть последнего зверя. Быстро добив пытающуюся подняться на лапы тварь, Тенро повернулся к опешившей девушке и протянул ей руку, помогая встать.

— Тенро?.. — удивленно хлопнув длинными ресницами, воровка не смогла сдержать слез и счастливой улыбки. — Ты пришел!

— Ты же завала меня, — смущенно ответил охотник, когда девушка заключила его в объятия. Впрочем, стоило ему договорить, как Элисса сразу же отпрянула:

— Я просто проклинала твое имя перед смертью, — отвернувшись, буркнула она. — Я вовсе не испугалась! Больно ты мне нужен.

— Э... — зеленые глаза охотника рассеянно моргнули, разглядывая демонстрирующую едва ли не презрение девушку.

— Великолепно! — услышав донесшийся сверху голос, Элисса вздрогнула и пробормотала проклятье.

— Кто это? — шепотом спросил Тенро, быстро оглянувшись, но увидев лишь несколько десятков восторженных, но незнакомых ему лиц, жадно прильнувших к прозрачным стенкам купола в ожидании нового кровопролития.

— Скоро узнаешь, — горько улыбнувшись, воровка с сожалением взглянула на стоявшего рядом с ней мужчину. — Зря ты пришел...

— Странные слова, для того, кто хочет тебя спасти, — покосившись назад, Тенро отметил, что дверь, через которую он пришел, теперь плотно сокрыта под появившейся из-под песка каменной плитой.

Перед этой нерушимой преградой спокойно колыхалось едва различимое поле странного барьера. Так же Тенро увидел трех волков умерших еще до его появления. Все они погибли от ударов стилета, а вот лежавший неподалеку труп стражника, явно пострадал от клыков и когтей.

— Едва ли у тебя получится меня вытащить, да и уйти самому, — голос Элиссы дрогнул, но она быстро взяла себя в руки.

— Поприветствуем нашего нового гостя, это Тенро из легендарных "Черных стрел"! — все тот же голос прогремел над куполом и толпа зрителей восхищенно загомонил. — Один из лучших бойцов отряда и, к сожалению, единственный из них, кто отказался принять нашу веру.

— Кто ты такой? — крикнул Тенро. — Назовись!

— Ах, где мои манеры, — голос смеялся. — Я хозяин этого чудесного места — барон Адам Гирс. А ты, мой дорогой гость, прибыл как раз вовремя. Милая Элисса выстояла уже два боя и пережила третий, исключительно благодаря тебе. Видишь ли, мы начали до твоего появления, так как гости уже заждались. Как думаешь, сколько вы продержитесь?

— Отпусти ее!

— С чего бы? — наигранно удивился барон, которого Тенро так и не мог найти среди зрителей. — Она украла у меня, подвела меня и слишком многое узнала, поэтому, должна умереть.

— Я принес тебе то...

— Я знаю, — перебил Гирс охотника. — Но ты, так же, убил двух моих ценных слуг и, как я понял, отказываешься занять их место. Так?

— Если ты отпустишь, — начал охотник, но его вновь прервали и на этот раз довольно грубо.

— Ты не понял — я не собираюсь с тобой торговаться! — в ранее спокойном голосе барона проскользнула злость. — Никто не смеет просто так брать то, что принадлежит мне и убивать моих людей, а потом являться в мой дом и диктовать свои условия! Сейчас вы умрете на потеху гостям. Я просто заберу свое с ваших изуродованных тел, прежде чем скормить их низшим тварям!

— Только не говори мне, что ты, действительно, принес ему эту проклятую статуэтку? — шепотом спросила Элисса и страдальчески закатила глаза, когда охотник утвердительно кивнул ей. — Как можно быть таким наивным? Тебе что, десять зим отроду?

— А что я еще мог сделать? — разозлился мужчина.

— Блефовать... я не знаю! Солгал бы ему...

— Я не стану рисковать твоей жизнью.

— Значит, теперь мы умрем оба, — вздохнула Элисса и неожиданно коснулась сжимающей меч руки Тенро. — Спасибо тебе, — тихо сказала она.

— Довольно слов! — воскликнул барон Гирс и в этот же миг несколько плит, формирующих стены, со скрежетом поползли вниз.

Из мрака, царившего в сокрытых за ними нишах, беззвучно выступили несколько скрюченных фигур. Подслеповато озираясь, они низко припадали к земле, медленно приближаясь к центру арены.

— Тот бедолага в броне был тут раньше меня. Я видела, как волк распорол его горло, а потом сюда вытолкнули и меня. Вначале я сражалась с тварью убившей стражника, — сказала Элисса. — Потом выпустили сразу двух волков — ну и живучие твари, пришлось с ними повозиться. Третья волна точно прикончила бы меня, если бы не ты, а это, видимо, четвертая.

— И сколько их всего? — ярко-зеленые глаза охотника спокойно взирали на приближающихся тварей, и в них не было ничего, кроме ледяной решимости и злобы.

— Откуда же я знаю? — возмутилась воровка, покрепче сжимая стилет. Разум подсказывал девушке, что ее оружие здесь бесполезно, но она не собиралась так просто отдавать свою жизнь.

Но, даже несмотря на такую позицию, Элисса должна была признать неоспоримый факт: — Сколько бы их не было, нас не выпустят отсюда живыми.

— Так как наш гость прибыл раньше срока, то я не вижу смысла следовать правилам и

затягивать с кульминацией. Пусть завершение нашего вечера будет ярким и запоминающимся. Открыть все клетки!

Эту реплику барона Гирса зрители встретили радостным ревом и бурными аплодисментами.

Под возбужденный гомон собравшихся по ту сторону купола людей, на арену выходило все больше и больше измененных. Они беззвучно выступали из открывающихся в стенах ниш, жадно втягивая спертый воздух трепещущими ноздрями. Некоторые пытались броситься на зрителей, но барьер надежно защищал гостей барона, не выпуская никого и ничего из желтого круга арены.

Один за другим, измененные отворачивались от недостижимых людей и поворачивали головы в сторону стоявших в центре арены Тенро и Элисса. От взглядов десятков ярких глаз, воровку бросало в дрожь и ей пришлось постараться, чтобы не вцепиться в плащ Тенро и не выказывать колотившего ее страха.

Пожалуй, впервые девушка столь явственно ощутила за своей спиной ледяное дыхание приближающейся смерти, и от этого ей стало еще больше не по себе. Осознание собственной скорой кончины — не самое приятное чувство.

— Соберись, — спокойный голос Тенро прозвучал уверенно и решительно. Он сам до конца не верил в свое решение, но понимал, что иного выбора нет. Если он ничего не сделает, то потеряет не только себя.

— Слушай, что я говорю, и выполняй, поняла?

— Да, — неуверенно кивнула воровка, встав плечом к плечу со спутником и только сейчас обратив внимание, насколько изодрана его одежда. — Тебе сильно досталось.

— Сейчас ты встанешь мне за спину, — охотник не стал комментировать последнюю реплику девушки, пропустив ее мимо ушей. В этот момент он полностью отрешился от происходящего, собирая все свою силу воедино и ощущая, как она наполняет его душу тьмой. — Сначала я атакую тех, что спереди. Просто беги вперед и постарайся не умереть. Слышишь? Что бы ни случилось — беги вперед. Когда доберешься до стены — прижмись к ней и не двигайся. Я смогу защитить тебя.

— Это все? — удивленно спросила Элисса, когда охотник замолчал. — Это и есть твой гениальный план?

— Другого нет, — бросил Тенро, сквозь плотно стиснутые зубы. Прежде чем девушка успела хоть как-то выразить свое недовольство, он крикнул:

— Вперед!

— А!?! — открывшая было рот Элисса не сразу поняла, что охотника уже нет рядом с ней. — Что б тебя!

Вовремя вспомнив слова только что мысленно проклятого ею мужчины, воровка рванулась вперед, едва не угодив в лапы бросившихся к центру арены измененных.

Сердце ЭлиССы бешено заколотилось в груди, когда она увидела, как прямо на нее беззвучно несутся твари с горящими глазами. В этот момент девушка едва не остановилась, но усилием воли заставила себя бежать дальше.

Зажмурившись, она закричала:

— Тенро! Я не прощу тебе, если меня убьют здесь из-за того, что я тебе поверила!

С мучительным ощущением того, что каждый ее шаг может оказаться последним, Элисса побежала быстрее. К ее удивлению, она не погибла в ближайшие несколько мгновений. Этот факт удивил воровку настолько, что она даже открыла глаза и, как

оказалось, как раз вовремя, чтобы успеть перепрыгнуть через валявшееся прямо под ногами разрубленное тело.

Следующий измененный лежал рядом и от ужасной оплавленной раны на его груди вверх поднималась тонкая струйка дыма.

Ноги Элиссы только коснулись земли, как она, взвизгнув, отшатнулась от метнувшегося к ней измененного. Тварь потянулась к девушке когтистыми лапами но, сделав неуверенный шаг, оступилась и беззвучно начала падать серым лицом вперед.

Тело измененного еще не успело коснуться земли, когда его голова отделилась от плеч и соскользнула с ровного обрубка шеи, роняя на песок капли черной крови.

От подобного зрелища воровку передернуло, и она поспешно отвернулась от мертвеца. Только сейчас она заметила, что пол уже не сверкает золотом, а сокрыт белым туманом, доходящим до щиколоток.

Первым желанием Элиссы было забраться куда-нибудь повыше, чтобы не касаться тумана, наводящего ужас на жителей королевства. Но потом она увидела, как все тот же туман, сформировавшийся в целое облако, беззвучно двигается впереди нее, налетая на измененных.

В белоснежных клубках то и дело мелькал темный мужской силуэт. Один из клинков в его руках сверкал чистейшим серебром, тогда как другой больше напоминал прут густой и вязкой тьмы. Охотник то появлялся из ниоткуда, то растворялся в тумане, чтобы, спустя менее чем удар сердца, вновь показаться всего лишь на мгновение, достаточное для очередного молниеносного выпада.

Измененные падали один за другим и Элисса бежала вперед прямо по трупам, чувствуя, как ей в затылок дышат следующие по пятам твари.

Сердце девушки колотилось, как проклятое, саму ее трясло, а на глаза выступили непослушные слезы. Охваченная страхом, воровка не сразу поняла, что облако тумана теперь движется не от нее, а к ней. Неуверенно замерев, Элисса вздрогнула, когда туман на миг заключил ее в ледяные объятия и сразу же отпустил, оставив после себя знакомый голос, шепнувший ей:

— Прости, я больше не могу...

Девушка ошеломленно застыла и, когда туман перед ней рассеялся, увидела, что едва не врезалась в ровную стену, от барьера перед которой ее отделял лишь один крохотный шаг.

Не решившись прижаться спиной к слабо колышущейся поверхности барьера, Элисса резко развернулась и, сжав рукоять стилета двумя руками, выставила оружие перед собой. Дыхание воровки перехватило, глаза расширились, а крик застрял в горле, когда она увидела огромную толпу измененных, несущихся прямо на нее.

* * *

Злоба и упоение чужой кровью полностью захватили разум охотника. Казалось, он больше не управляет своим телом, а клинки в его руках сами рвутся навстречу противникам в стремлении забрать очередную жизнь.

Измененные гибли один за другим и чувство собственного превосходства пьянило Тенро. Он ощущал небывалую силу и мощь. Вся она могла принадлежать ему и только ему. Стоило лишь захотеть. Голоса в голове умоляли Тенро принять их дар, обещая выполнение любых желаний, и он согласился, понимая, что это его единственный шанс защитить Элиссу.

Само осознание того, в кого он превращается, душило охотника, заставляя его естество содрогаться от омерзения. Но иного выхода не было.

Тенро чувствовал, видел огромное количество рвущихся к нему тварей и понимал, что не выстоит против них, если не примет то, что старался скрыть в глубине своей пока еще человеческой души.

У него был выбор — спастись самому и потерять поверившую ему Элиссу или же погибнуть, но попытаться сохранить ей жизнь. Тенро не колебался. Он слишком хорошо помнил горькое ощущение невосполнимой потери, что пережил, когда погибли все, кого он знал.

Перед глазами охотника появилось лицо умирающего у него на руках отца, сменившееся лицом Элиссы и он твердо решил, что больше не потеряет никого.

До боли стиснув зубы, охотник дал волю бушевавшей в нем тьме, и та с вожделением и страстным нетерпением хлынула наружу. Тенро уничтожал всех, кто вставал на его пути, упиваясь их смертью. Только дыхание следующей за ним Элиссы поддерживало мужчину, не давая сломаться.

Он должен был спасти ее.

Клиники охотника с яростным шипением рассекали серую плоть, заставляя черную кровь литься ледяными реками, а сам Тенро купался в окружавшей его силе. Это продолжалось до тех пор, пока перед ним не осталось врагов, только защищенная барьером стена, сквозь которую он не мог пройти.

Тогда он развернулся, ища пылающим взглядом новые жертвы, но наткнулся на испуганные глаза Элиссы. Одного взгляда на девушку хватило, чтобы остатки человеческой сущности в Тенро всколыхнулись.

Он с трудом удержал свою руку от удара. Все, что осталось от его воли и стремлений ушло на то, чтобы не убить, девушку, а просто пройти мимо нее. Чувствуя, как его разум проваливается в темную бездну, Тенро последний раз коснулся теплого плеча Элиссы и прошептал ей:

— Прости, я больше не могу...

* * *

Глядя в яркие, полные ненависти и злобы глаза измененных, Элисса некстати подумала, что единственным правильным решением сейчас будет убить себя. Всего лишь один удар стилетом и ее страх уйдет. Она не почувствует боли, когда когти и клыки начнут рвать ее тело и...

Руки девушки нерешительно дрогнули. Она больше не видела облака тумана перед собой и не ощущала присутствия Тенро. Элисса не знала почему, но была уверена, что охотника нет рядом, и больше ее никто не защитит.

Острые стилета начало мучительно медленно поворачиваться в ее сторону, нацеливаясь на сердце, однако остановилось на полпути.

— Нет, — судорожно сглотнув, прошептала девушка. Слезы душили ее, но Элисса нашла в себе силы направить оружие на несущихся к ней измененных. — Ты обещал защитить меня, и я буду верить в тебя... до конца!

Тенро слышал каждое слово Элиссы, и ее доверие согрело его тело приятной волной тепла. Несмотря на то, что девушка не видела его, она продолжала верить, даже находясь на краю гибели. Когда она слышала его слова, возможно, Элиссе показалось, что Тенро бросил ее, оставил умирать в одиночестве, но это было не так.

Тенро просил прощения не за то, что оставляет ее без защиты, а за то, что теперь он будет сражаться не ради этого. Сейчас, даже если бы Тенро захотел уйти, он бы уже не смог.

Инстинкты убийцы и жажда крови бурлили в его крови, и он с трудом сдерживался. Сдерживался, чтобы подпустить противников поближе.

Пристально наблюдая за серыми лицами порождений тумана, охотник отчетливо читал на них желание убивать. Оно полностью захватывало сердца и тела измененных, превращая их в безумных существ, навсегда потерявших все человеческое, что в них было.

Нечто подобное происходило сейчас и с Тенро. Растворившийся в тумане охотник жаждал кровопролития и, когда противники подступили достаточно близко, он, словно сорвавшаяся с тетивы стрела, высвободил свою ярость.

Туман белоснежной стеной всколыхнулся, разделяя Элиссу и почти добравшихся до нее измененных. Появившийся из белой дымки темный силуэт размытой тенью промелькнул в клубах тумана и клинки со свистом рассекли воздух, не ведая преград и легко преодолевая сопротивление серой плоти.

Первый измененный, как подкошенный рухнул на землю, уткнувшись носом в песок прямо у самых ног отшатнувшейся Элиссы. Вторая тварь почти дотянулась до девушки когтистой лапой, но черный клинок, гильотиной упавший вниз, начисто срубил длинную руку измененного, после чего рванулся вверх и пронзил насквозь шею некогда бывшего человеком существа. Хищное черное лезвие вынырнуло из плоти и сразу же снова скрылось в ране, когда Тенро одним движением высвободил оружие из оседающего мертвеца.

Теперь охотник не рвался вперед. Он стоял между Элиссой и стремящимися добраться до нее измененными и зеленые глаза полыхали огнем неудержимой злобы.

Не успел второй труп упасть в растекающийся у ног охотника туман, как его место заняло сразу три твари. Один из измененных, когда-то плотный седовласый мужчина, с несвойственным человеку проворством прыгнул вперед, поразив грудь Тенро длинными когтями.

Почувствовавшая легкую победу тварь уже оскалилась в плотоядной ухмылке, но ее когти распороли лишь пустоту. Рассыпавшаяся туманом человеческая фигура перед измененным заново сформировалась у него за спиной, а сам он захрипел, пытаясь зажать широкий обугливающийся разрез на горле.

Не давая противникам опомниться, Тенро налетел на них порывом неистового ветра, отсекая конечности и пронзая плоть смертоносными жалами наэрсских клинков. Ненависть к порождениям тумана гулками ударами пульсировала в висках Тенро, но теперь это была не только его ненависть, к ней примешалось что-то еще. Чужие чувства, усиливающие его собственные, затмили разум охотника, оставив в нем лишь одно неудержимое желание — убивать. Убивать измененных.

Облако тумана призраком металась между долговязых фигур и те не то что забыли о беззащитной девушке, почувствовав схожую с ними, но во многом превосходящую силу, измененные бросились прочь.

Они прыгали на искрившийся и отталкивающий их барьер, бились о стены, металась по усеянной мертвыми телами арене, но нигде не могли спастись от преследовавшей их смерти. Рассерженной змеей туман метался из стороны в сторону, и появлявшийся в нем охотник не знал жалости.

Но скольких измененных не убивал Тенро, его злость не стихала, а наоборот, лишь распалялась все сильнее. Только сейчас он, кажется, понял истинный замысел барона Гирса, который позволил охотнику так легко проникнуть в это место.

Теперь Тенро догадался, почему Элиссу не убили на месте, а привели сюда. Гирс знал,

что охотник придет за девушкой и сам, по доброй воле, попадется в его капкан. Барон не собирался убивать одного из "Черных стрел". Он хотел сломать его, чтобы потом воссоздать так, как захочет и, кажется, ему это удалось.

Даже осознавая то, что он действует по плану Гирса, Тенро ничего не мог с этим поделать. Теперь у него уже не получалось остановиться. Заключенные в теле охотника духи, превратили его в дикого зверя.

Одержимость жаждой мести к тем, кто отнял у него все, переросла в ненависть ко всему живому. Теперь и туман, с которым Тенро сроднился, рассвирепевшим зверем метался по арене, наскакивая на барьер и стремясь добраться до восторженных зрителей.

Когда очередная попытка прорваться сквозь магическую защиту оканчивалась неудачей, Тенро вымещал злость на метавшихся измененных, теперь не просто убивая их, а разрубая серые тела на несколько частей и разбрасывая их в разные стороны.

Так продолжалось до тех пор, пока на арене не остался лишь охотник и Элисса.

Девушка, не отрываясь, смотрела на Тенро, позади которого возвышалась жуткая ониксовая тень, очень похожая на тень самого мужчины но, будто насытившаяся черной кровью, выпрямившаяся в немалый рост и гордо расправившая плечи.

Словно призрак самой смерти стоял за плечом у Тенро, жадно взирая на Элиссу темной бездной пустых глазниц. Не в силах выдерживать пронзительный взгляд тени, девушка посмотрела в ярко-зеленые глаза охотника и содрогнулась. Она не видела в них ничего знакомого и человеческого, лишь ледяное пламя и жажду крови.

Когда Тенро сделал шаг в направлении Элиссы, девушка инстинктивно отшатнулась. После следующего шага она наткнулась спиной на зашипевший барьер, и тот отбросил ее от себя, полоснув по спине жидким огнем.

Едва не заплакав от боли, воровка кое-как поднялась из клочьев тумана на подкашивающиеся ноги и увидела, что охотник стоит прямо перед ней, а лезвие его черного клинка направлено точно на ее сердце.

— Тенро... — прошептала Элисса. — Это же я...

Ониксовое острие потянулось вперед, и воровка вновь вынуждена была отступить, успев кожей ощутить ледяное прикосновение смерти, ждущей ее на кончике черного клинка.

— Тенро!

Охотник продолжал наступать и вскоре прижал девушку почти к самому барьеру. Чувствуя, как магия, подобно неистовому ветру треплет ее одежду на спине, Элисса замерла, раз за разом взывая к Тенро. Но тот будто не слышал ее.

Зрители затаили дыхание, и над ареной разнесся голос барона Гирса:

— Давай же! Убей ее, отрекись от себя и прими то, что твое по праву! Убей!

Тенро слышал слова, доносившиеся до него, но они будто проплывали мимо, не достигая разума охотника и никак не трогая его. Сейчас он видел перед собой только очередную загнанную жертву и ничего больше.

Охотник надавил на рукоять меча, и лезвие послушно коснулось груди содрогнувшейся девушки. Но та не издала ни звука. Тенро видел ее слезы, видел, как она с надеждой смотрит на него, закусив губу, но не двигается. Она перестала кричать и повторять одно и то же имя. Вместо этого девушка развела руки в стороны, будто подставляя свое тело для смертельного удара.

Тенро чувствовал, как его рука сама по себе поднимается, занося меч, но его это уже не тревожило. Сознание мужчины растворилось в охватившей его душу тьме, полностью

подчинившей его тело и разум. Он перестал быть собой, превратившись в чудовище и сгорая от жажды крови. Ничего уже нельзя было поделать и изменить.

Ничего.

Сжимающая черный клинок рука начала стремительно опускаться и ониксовое лезвие, рассекая воздух, ринулось к незащитной девушке. За миг до удара Тенро увидел, как шевельнулись ее губы.

Элисса улыбнулась охотнику доброй улыбкой, несмотря на катящиеся по ее щекам слезы и едва слышно произнесла:

— Я верю в тебя.

Зрители торжественно взревели но, почти что сразу, их ликование мгновенно стихло, когда они увидели, что ониксовое лезвие нерешительно подрагивает в воздухе, едва касаясь груди девушки.

— Тенро! — воскликнула Элисса, глядя в глаза охотника. Они, по-прежнему, были неестественно яркими, но теперь в них бушевала целая буря эмоций и чувств.

— Убей ее! — ревел барон Гирс и его поддерживали дружные вопли требующих кровавого зрелища гостей.

Элисса не слышала никого и ничего, даже ударов своего бешено колотящегося сердца. Не дыша, она очень медленно отвела невыносимо холодное черное лезвие в сторону, почувствовав, как то зло обожгло ее пальцы льдом.

— Тенро, — шептала девушка, — не сдавайся. Ты не станешь чудовищем. Ты не такой, я знаю.

Тень за спиной охотника зашипела, но не сдвинулась с места, как и сам мужчина, однако в ее пустых глазницах промелькнула небесная синева вполне человеческих глаз, быстро растворившаяся во тьме.

— Вернись. — Элисса обняла вздрогнувшего Тенро и, ощутив исходящий от него могильный холод, коснулась своими губами его щеки, сказав: — Не сдавайся. Я верю в тебя.

Затопившая сознание охотника тьма пошла рябью и его душа неистово забилась в ледяных оковах. Прикосновение Элиссы словно пробудило Тенро ото сна, и теперь он отчаянно пытался выбраться из поглотившего его естество омута.

Уже знакомая охотнику алая нить, которую он до конца не выпускал из своих рук, не давала ему полностью утонуть в вязкой тьме, но и выбраться лишь при помощи нее он не мог. Желание отомстить начало тянуть его вниз, к той силе, с которой он мог бы расквитаться со всеми, кто встанет на пути. Но прильнувшая к груди Элисса раз за разом звала охотника по имени и он всей душой стремился на ее голос, что подобно маяку манил к себе.

Тенро ощущал теплоту человеческого тела, он чувствовал биение сердца Элиссы и сам не заметил, как его собственное вновь начало биться в скованной холодом груди.

— Убей девку, Хошер! — Взревел барон Гирс и густое облако тумана метнулось в сторону обнимающей неподвижного охотника Элиссы.

— Беги, — прошептал Тенро.

Он понимал, что если девушка оставит его, то он снова сорвется в пропасть заполненную туманом и кровью, но сейчас он не мог ее защитить. Его сознание балансировало на грани безумия, а тело, и вовсе, отказывалось подчиняться.

Тенро не мог вновь стать собой, но, если бы Элисса отпустила его, то он начал бы сражаться и дать ей время и пусть крохотный, но шанс выжить. Но девушка замотала

головой и лишь сильнее прижалась к нему.

— Ты не бросил меня, и я тебя не оставлю!

Элисса видела, как почти добравшийся до нее туман принимает форму высокого мужчины в темных одеждах, с волнистым двуручным мечом в руках, но не сдвинулась с места. Зажмурившись, она что было сил прижалась к Тенро, стараясь не дрожать, в ожидании собственной смерти.

Когда охотник неожиданно дернулся всем телом, Элисса упала на песок. Расширившимися от страха глазами, воровка смотрела на меч, пронзивший тело закрывшего ее собой Тенро. Острие, вышедшее у охотника из спины, было красным от крови, срывающейся с него и растворявшейся в бурлящем тумане.

Но это было еще не все — сияющий серебром меч, что продолжал сжимать в руке охотник, пронзил насквозь его же ногу. Чистое лезвие зашипело, мелко задрожав, но Тенро не вытаскивал оружие, продолжая удерживать в полыхающей огнем ране.

Пропавшая тень за спиной охотника всколыхнулась, после чего вновь начала расти.

— Глупец! — Шляпа свалилась с головы высокого мужчины, обнажая обрамленную спутанными светлыми волосами голову. Яркие глаза пылали злобой и пронзали Тенро не хуже торчащего из его тела меча. — Ты мог бы иметь все!

— У меня уже есть то, что мне нужно, и я не хочу этого терять, Хошег, — прорычал Тенро обращаясь к еще одному вернувшемуся с того света товарищу, теперь уже бывшему.

Оружие ищущих, выжигающее его новую сущность причиняло Тенро безумную боль, в то же время, отрезвляя его сознание. Но вместе с тьмой, серебристый клинок убивал и самого Тенро, ставшего единым с собственным естеством. Если тот вытащит оружие из раны слишком рано, то вновь потеряет над собой контроль, а если передержит — умрет.

Все тело умоляло охотника вытащить меч, но он медлил, все сильнее сжимая нагревшуюся рукоять и повторяя:

— Я не сдамся.

— Можешь не сдаваться, просто умри, — прорычал охотнику один из тех, кому удалось пережить поход в священный для наэрцев лес.

Тогда Хошег отделался легкой раной, чтобы вернуться домой и погибнуть вместе с командиром "Черных стрел", в первой схватке с измененными. Теперь же он вернулся в этот мир, как это сделали до него Свен и Нортон и, так же как и они, Хошег служил барону Гирсу.

Одно лишь осознание того, кто стал его противником, придало Тенро сил и решительности. Обретя над собой контроль, он резко взмахнул серебристым клинком, вырывая его из раны и направляя на Хошега, но тот по-кошачьи втянув голову в плечи, отпрыгнул назад, высвобождая собственное оружие из тела охотника.

— Даже не знаю, — протянул противник Тенро, начав обходить его с правой стороны. — Убить сначала тебя или же, как и приказывал Гирс, сперва избавиться от девки.

— Ты не тронешь ее, пока я жив, — прошипел Тенро, рана на теле, которого уже начала затягиваться.

Струящийся из оставленной мечом ищущих раны дым, окутал замершую за спиной охотника тень. В ее пустых глазницах затрепетали голубые льдинки, а по полупрозрачному телу прошла волна дрожи.

Элиссе показалось, что позади Тенро стоит вовсе не тень, а какой-то высокий темноволосый мужчина с голубыми, как летнее небо глазами. Но наваждение пропало так

же неожиданно, как появилось.

Широко раскинув длинные руки, тень резко забросила их на плечи Тенро, вцепившись в его плоть длинными призрачными когтями. Замерев на миг, призрачная тень слилась с собственной тенью охотника, полностью растворившись в ней.

— Тогда — решено, — мерзко улыбнулся Хошег и облаком тумана рванулся навстречу противнику.

Он появился прямо перед Тенро, нанеся страшный рубящий удар сверху вниз и едва не разрубив охотника пополам. Однако тяжелое и широкое лезвие вонзилось в сокрытый под туманом песок, оставив на груди отшатнувшегося Тенро глубокий порез.

Не обратив внимания на боль, охотник бросился в атаку. Отбив метнувшуюся к его голове длинную рукоять ониксовым клинком, Тенро развернулся на пятках, избегая хлесткого удара рукой и, извернувшись, поразил противника в предплечье.

Зарывав, словно дикий зверь, Хошег вырвал свой меч из песка и широким взмахом едва не обезглавил Тенро. Страшное оружие вспорол воздух и кожу на щеке охотника, чтобы, спустя всего лишь миг, устремиться к его ногам, во второй молниеносной атаке.

Подпрыгнув, Тенро сохранил ноги ниже колен, он получил сильный удар рукой в грудь, отбросивший его назад.

Перевернувшись в прыжке, охотник приземлился на ноги и, оттолкнувшись ими от пола, контратаковал. Разминувшись с выброшенным вперед лезвием, он вытянул правую руку и его серебристый клинок вонзился в грудь Хошега.

Зачарованное лезвие зашипело, от контакта с измененной плотью, но Хошег, невзирая на боль и исходящий от лезвия жар, схватился за него свободной рукой и дернул на себя.

Когда охотник, потеряв равновесие, подался вперед, бывший сослуживец ударил его лбом в лицо. Тенро успел немного пригнуться, чтобы удар пришелся не по носу и оба мужчины отскочили друг от друга, оглушено трясая головами.

Не успели сражающиеся разойтись, как снова сошлись но, на этот раз, обернувшись туманом. Белоснежные клубы дыма, в которые обратился Хошег, метнулись на встречу теперь черному туману охотника.

Два облака столкнулись, быстро перемешавшись и взволнованно забурлив. Между рваными клочьями белого и черного тумана то и дело мелькали силуэты воинов, сошедшихся в смертельном поединке.

Слышался звон оружия и туман постоянно освещали вспышки разлетающихся во все стороны искр, когда клинок сталкивался с клинком. Их звон разносился все чаще и чаще, пока не перешел в один сплошной и, казалось, не прерывающийся ни на миг гул.

Тенро и Хошег обменивались градом ударов, не щадя ни самих себя, ни противника. Когда фигуры бывших сослуживцев появлялись из тумана, то было видно, как блестит их кровь, заливающая сражающихся с головы до ног. У Хошега она была черной, у Тенро же — алой.

Два облака тумана разлетелись в стороны и мгновенно сшиблись вновь.

Раздался пронзительный звон и крик боли. Клубы дыма врезались друг в друга, пройдя насквозь. Они разлетелись в стороны, после чего всколыхнулись и рассеялись, а на их месте застыли двое мужчин. Те будто пробежали мимо друг друга, остановившись спустя несколько шагов, после столкновения.

Хошег расширившимися глазами смотрел на рукоять своего меча, чье лезвие было перебито почти у самого основания. Тенро же стоял в двух шагах от него, спиной к

противнику и с разведенными в стороны клинками в руках.

Элисса едва не вскрикнула, когда увидела, что у охотника из груди торчит обломок широкого лезвия, пробившего мужчину насквозь. Тенро пошатнулся, но устоял.

— Не может... — слова Хошега сменились булькающими звуками, а из его приоткрытого рта вдруг пошел дым. Рукоять меча выпала из его вдруг ослабевших рук.

Прямо на глазах у смолкших зрителей, кожа на шее измененного вдруг обуглилась ровной полосой, после чего его голова беззвучно соскользнула с плеч, а следом за ней рухнуло и обмякшее тело.

— Нет! — Первым пришел в себя барон Гирс. Ранее не видимый с арены, он вдруг появился на одном из балконов, и его благородное лицо искажала гримаса злости. — Проклятая тварь!

Спрыгнув вниз, барон бросился к Элиссе, на ходу выхватывая из ножен дорогой клинок с украшенной изумрудами рукоятью. Он не мигая смотрел на девушку бешеными глазами и кричал:

— Ты все испортила тварь! Как ты могла!

Элисса попыталась поднять валявшийся рядом стилет, который выронила ранее, но Гирс не дал ей этого сделать, ударом ноги отшвырнув девушку от оружия.

— Мне нужен был Тенро! Он должен был сказать мне, как он смог противиться великому Изменению! Стой! — Последнее слово предназначалось Тенро, который пошатываясь шел к пытавшейся встать Элиссе. — Не так быстро!

Левой рукой барон вытащил из-за пазухи какой-то предмет и протянул его охотнику на раскрытой ладони.

Вся арена сразу же наполнилась приятным звуком и Элисса не сразу поняла, что произошло. Однако все встало на свои места, когда она увидела в руке барона точно такую же фигурку наэрки с флейтой, что она должна была украсть из монастыря. Эта статуэтка выглядела такой же, но выглядела более тусклой.

Едва услышав издаваемые флейтой звуки, Тенро выронил мечи и рухнул, как подкошенный, судорожно хватая ртом воздух и держась за горло. На теле охотника вдруг открылось множество ран, словно все те шрамы, что он получил за свою жизнь, одновременно стали свежими.

— Неприятно? — криво усмехнулся Гирс, небрежно подбросив статуэтку и поймав ее вновь. — Но это лишь немного доработанная мной копия, а ты принес мне оригинал. Изменив его, я смогу управлять всеми и...

Пролетевший в воздухе стилет врезался в фигурку наэрки, сломав ее пополам и царапнув барона по руке.

— Мерзкая дрянь! — взревел Гирс и, в два шага оказавшись перед Элиссой, рубанул ее мечом. — Умри!

Выражение торжества сошло с лица Гирса, когда его клинок вдруг встретил неожиданную преграду, так и не коснувшись шеи девушки. Вставший прямо перед Гирсом окровавленный Тенро, поймал меч прямо за лезвие, и сталь почти разрубила ему кисть, застряв в кости.

— Сегодня умрешь только ты, — произнес истекающий кровью охотник, и пальцы его второй руки сомкнулись на шее Гирса.

Барон отчаянно забился, но так и не смог вырваться из жесткой хватки Тенро. Двумя руками он попытался разжать пальцы охотника, но силы уже покидали Гирса, а грудь жгла

нехватка воздуха. Уже понимая, что ему не спастись, барон выдавил из себя улыбку и прохрипел:

— Я не боюсь смерти, ведь это только начало. Я познаю Изменение...

— Откуда ты знаешь? — прервал речь барона Тенро и криво усмехнулся, добавив: — Ты же никогда не умирал.

Во взгляде барона промелькнуло удивление, оставшееся там навсегда, когда его глаза закатились и шейные позвонки хрустнули под пальцами охотника.

Выпустив тело Гирса, Тенро и сам упал бы, но его подхватила Элисса.

— Держись, — взволнованно сказала девушка, чувствуя, как ее одежда стремительно пропитывается кровью охотника, по-прежнему струящейся из его многочисленных ран, покрывающих почти все тело. — Держись. Ищущие! Они уже здесь.

Помутившимся взглядом, Тенро увидел, как на зрительские места выскакивают люди в длинных плащах, под которыми сверкала броня. В руках у них были сияющие серебром клинки, а на одежде виднелись символы Альтоса. Они напали на перепуганных зрителей кровавого театра, устроенного бароном Гирсом и те бросились врассыпную.

— Не засыпай, слышишь? — кое-как усадив Тенро на песок, Элисса принялась стирать кровь с его побледневшего лица. — Кто-нибудь, помогите! — Закричала она, когда глаза мужчины закрылись, а его голова безвольно упала ей на грудь.

— Что здесь происходит? — требовательный и резкий женский голос проник в сознание охотника, навевая ему какие-то смутные воспоминания.

Он уже слышал его раньше. Точно слышал. С трудом разлепив потяжелевшие веки, Тенро увидел узкое светлое лицо, обрамленное короткими черными волосами и взволнованные небесно голубые глаза, смотрящие на него.

— Тенро?! — Подбежавшая девушка в одежде ищущих вонзила серебристое копье в песок. Она склонилась над охотником, сжав его руку в своих мягких и теплых ладонях. — Тенро!

Она вновь и вновь звала его, а он проваливался в бездну беспометства.

Девушка сидела на стуле, рядом с кроватью. Льющийся сквозь стрельчатое окно солнечный свет играл на ее черных волосах, спускающихся немного ниже острого подбородка. Она держала в руках книгу, но встревоженный взгляд голубых глаз был направлен вовсе не на пожелтевшие от времени страницы, а на лицо лежавшего в кровати мужчины. Теплое одеяло скрывало его до середины груди, перетянутой бинтами, как и почти все израненное тело.

Когда глаза раненного открылись, на лице девушки появилась нерешительная улыбка. Она поспешно отложила книгу в сторону и, подавшись вперед, провела ладонью по заросшей щетиной щеке мужчины.

— С возвращением, Тенро, — тихо произнесла она.

Охотник не ответил. Он долго смотрел на строгое и в то же время красивое лицо девушки, радость на котором сменилась беспокойством.

— Ты помнишь меня? — взволнованно спросила она.

— Помню, — Тенро, наконец, позволил себе улыбку. — Я помню тебя, Кира.

— Хвала Альтосу, — ищущая с облегчением выдохнула и осторожно положила свои ладони на руку мужчины. — Я уже думала, что, как и говорила Хэли, память не вернулась к тебе.

— Хэли! — охотник едва не вскочил с кровати, взглядом ища свое оружие, но Кира быстро и решительно уложила его обратно.

— С ней и Элиссой все в порядке, — успокоила она мужчину. — Они сейчас, как и ты, отдыхают. Не стоит беспокоить их сейчас. Позже вы сможете увидеться. Не переживай.

— Ты все такая же, — с легким укором сказал Тенро.

— А ты — изменился, — парировала Кира и, увидев, как помрачнело лицо охотника, поправила: — В хорошем смысле этого слова.

— Я бы не был так в этом уверен, — губы Тенро растянулись в горькой и ироничной ухмылке. Он еще раз внимательно посмотрел на девушку. — Я стал... другим.

— Давай поговорим об этом позже.

Кира грациозно поднялась со своего места и, подойдя к стоящему у противоположной стены столу, взяла с него графин и налила воды в прозрачный хрустальный бокал. Вернувшись, она подала его охотнику и хотела помочь ему напиться, но тот справился сам.

— Ты быстро идешь на поправку, — забрав у Тенро пустой бокал, Кира поставила его на стол. — Не прошло и суток, а раны уже затянулись. Признаться, когда я увидела тебя залитого собственной кровью, то думала, что ты не выживешь.

— Надеюсь, не разочарована?

— Очень смешно, — по напускной строгости и веселому блеску голубых глаз, легко можно было понять, что девушка оценила шутку.

— Ты все еще носишь их, — от внимания охотника не укрылась нитка бус, выглядывающая из-под высокого воротника на шее ищущей.

Они были такого же цвета, как глаза девушки и такими же, как глаза ее старшего брата, погибшего в тот же день, что и Тенро. Ставшему измененным Митру не суждено было вернуться с того света, как охотнику, но он и не покинул этого мира окончательно.

Став воплощением собственной злобы и жажды мести, Митр передал свою силу тому,

кто ненавидел измененных так же, как и он сам.

Тенро понял это, когда балансировал на грани безумия, стоя посреди заваленной трупами арены. Тогда он осознал, почему изменившие его духи так радуются, когда он убивает созданий тумана — ненависть Мирта по отношению к измененным оказалась сильнее, чем безумие духов Застывшего леса. Тенро до сих пор чувствовал, как поселившаяся в нем тьма затаилась, ожидая своего часа и лелея мысли о мести и новых жертвах.

Спрятав свои эмоции в глубине души, охотник пока что, решил не рассказывать об этом Кире.

— Они дороги мне... — покраснев, Кира коснулась бус и потупила взгляд.

В этот момент в дверь постучали.

Не дожидаясь разрешения, пожилой мужчина в рясе старшего жреца открыл дверь и почти бесшумно вошел в комнату. На вид ему было больше шести десятков зим, и седина полностью окрасила его волнистые волосы в серебро. Но взгляд выцветших глаз мужчины все еще был жестким и цепким.

Улыбнувшись в короткую седую бороду, он произнес густым и неожиданно сильным голосом:

— Вижу, вы уже проснулись.

Тенро промолчал, заметив, как поднявшаяся со стула Кира напряглась и плотно сжала губы.

— Я старший жрец Валирт, — представился старик, встав рядом с девушкой и оказавшись выше ее на пол головы. — И я глава ищущих.

— Тенро, — коротко бросил охотник, понимая, что столь значимая фигура едва ли посетила бы его из праздного любопытства. — Пришли рассказать мне, почему орден до сих пор не избавился от очередного измененного?

— Оставьте свой сарказм, юноша. Он сейчас не уместен, — спокойно ответил старший жрец. — Прежде чем вы попытаетесь наговорить старику грубостей, позвольте высказаться мне.

Снова не дожидаясь одобрения, Валирт продолжил:

— Признаться, когда Кира привела ко мне сжимающую в руках черную стрелу девочку, я был порядком удивлен, чего не случалось со мной за последний год точно. А рассказ Хэли, поразил меня еще больше. Очень умно с вашей стороны было прислать ее к нам. Умно и рискованно.

— У меня не было выбора, — сердито буркнул Тенро, которому не очень нравилась манера общения жреца.

— И вы пошли не только на риск, но и сами проявили одну из величайших добродетелей — жертвенность. — Назидательно произнес Валирт, подняв вверх палец — В наше время это дорогого стоит, юноша. Точно так же, как и ваше мастерство, с которым вы отправили на тот свет тех, кто своим присутствием отравляет все вокруг. Когда наши разведчики обнаружили вход в подземелье, я лично повел отряд по той дороге из трупов, что вы нам оставили и скажу, что остался впечатлен. Мы уже давно интересовались бароном Гирсом, но никак не могли вывести его на чистую воду. С вашей же помощью, нам это удалось. Кто бы мог подумать, что этот человек осмелится творить свой темные дела прямо под нашим носом. Право, я даже жалею, что вы разделались с ним. Хотя, так он точно не избежал наказания и ответит перед Альтосом за все свои злодеяния.

— К чему вы клоните? — Тенро не любил разговоров вокруг да около, поэтому сразу

решил перейти к делу.

— Мне нравится ваша настойчивость, — снисходительно улыбнулся старший жрец. — Скажу прямо — вы оказали нашему ордену огромную услугу и я не останусь в долгу. У меня есть к вам предложение, Тенро. Вы готовы его выслушать?

— Хотите, чтобы я работал на вас?

— Вы проницательны, — вновь улыбнулся старик. — Но я желаю большего. Вы должны стать одним из нас или...

— Умереть, — закончил за Валирта Тенро, прочитав окончание фразы в его невыразительных глазах.

Кира вздрогнула и виновато посмотрела на охотника, будто извиняясь за то, что тот только что услышал.

— Вы исключительный случай изменения и я не могу позволить вам так просто уйти, — пояснил старик и так очевидное обстоятельство. — Кто знает, чем это все может обернуться? Я предлагаю вам возможность сделать наше королевство чище и помочь нам в наших... исследованиях, а взамен обещаю вам жизнь. Что скажете?

— А что с Элиссой и Хэли? — для себя Тенро принял решение сразу же, как только понял о чем идет речь. Собственно говоря, выбор у него был, действительно, не большой — жить или умереть.

— Девочка останется с нами и позже, когда будет готова, вступит в наш орден — таково ее собственное желание. Что же касается госпожи Элиссы то, скажем так, стража была бы очень рада считать ее своей гостьей за все те, кхм, проделки, что она совершала ранее. Но я сделал ей предложение схожее с тем, что получили и вы. Таланты такой одаренной девушки могли бы нам очень пригодиться.

— И что она ответила?

— Сказала, что примет решение сразу после того, как поговорит с вами, — пожал плечами Валирт. — Но, думаю, мы оба знаем, что она предпочтет наш орден серым стенам темницы. Тем более что заниматься ей придется тем же, а платим мы лучше. Так что скажете?

— Тенро, — Кира умоляюще посмотрела на охотника и тот, вздохнув, кивнул:

— Я согласен.

— Великолепно, — беззвучно свел сухие ладони старший жрец. — Сейчас вас посетят ваши знакомые, а я же откланяюсь. Скоро мы встретимся вновь, Тенро и, возможно, я смогу рассказать вам нечто интересное о том, кем вы стали. Пока же — отдыхаете, скоро вас ждет первое задание в качестве одного из ищущих.

— И это все? — охотник вскинул бровь. — Никаких проверок?

Остановившийся в дверях старший жрец обернулся:

— Я уже осмотрел вас, пока вы были без сознания, и сделал для себя определенные выводы. К тому же, вашу главную проверку вы уже прошли тогда, на подземной арене. Что же до лояльности, то за вами будет приглядывать та, что сильно повлияла на мое решение сохранить вашу жизнь, — Валирт указал на смутившуюся Киру выразительным взглядом.

После этих слов старший жрец, не прощаясь, вышел из комнаты, плотно прикрыв за собою дверь.

— Прости, что все так вышло, — Кира старалась не смотреть Тенро в глаза и сделала это лишь тогда, когда он коснулся ее руки.

— Тебе не за что извиняться, Кира, — мягко произнес охотник. — Благодаря тебе у

меня есть шанс начать другую жизнь.

— Но будет ли она той, которую бы ты действительно хотел?

— Теперь, это будет зависеть лишь от меня, — охотник сжал руку в кулак. — Только от меня.

Больше книг на сайте - Knigolub.net